

Статус
Носителя Разума
требует
подтверждения!

И является
Пропуском в
Великое Будущее
Человечества

18+

Андрей
Евсиков

УРС

18+

Андрей Евсиков

Курс

«Автор»

2021

Евсиков А. В.

Курс / А. В. Евсиков — «Автор», 2021

Статус "носителя разума" требует подтверждения и является пропуском в Великое Будущее Человечества. Представлены оригинальные и вызывающие теории в областях: - эволюции, как управляемого процесса; - истории земли и человечества, его предназначения и будущего; - современных социальных проблем в проекции на процесс возрастания вселенского разума;- фундаментальных физических основ устройства мира от исходных энергии и информации через квантовые теории, теорию относительности до космологии и круговорота материи во Вселенной; - здоровья популяции и потери статуса Земли, как естественной среды обитания; - веры и религии; - жизни, смерти и сути бытия. Автор попытался представить наиболее прогрессивные и необычные взгляды в основных сферах нашего существования и осознания мира. Без примесей фэнтези. Но с элементами жёсткой морали.

© Евсиков А. В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Эволюция	5
Глава 2. Бабковцы. На заре «Тополей»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Андрей Евсиков

Курс

Глава 1. Эволюция

Первый снег. Время светлых ожиданий, предчувствий... Это пришло из детства. Ещё далеко до Нового Года, но огни магазинов блестят сильнее, и радость в детской душе не унять. Скоро в лес с отцом за ёлкой. Скоро покупать игрушки. А зимний лес ночью, в тихую погоду, со снежными шапками на деревьях! Хочется забраться под ёлку в сугроб, заснуть и проснуться в настоящем и счастливом мире, воспоминания о котором с годами так и не сотрутся из памяти. И так и останется непонятным, где это – в прошлом или будущем? Но оно обязательно должно быть!

Лёха наслаждался свежестью первого снега и видом с площадки Воробьёвых Гор. Только ожидания и предчувствия уже не были по-детски светлыми и не имели шансов прогнать заползающую в душу тоску. Тоску то ли по детству, то ли по светлому миру из связанных с детством воспоминаний, который так и не удалось ни найти и ни построить.

«Просто старею. Всё будет хорошо. Обычный инстинктивный страх перед тем, что впереди. Перед неизвестностью. Страх, который притупляют воспоминания об уже прожитых годах. Они и подпитывают предательское желание вернуться туда, где нас уже нет. Там всё ясно. А потому и спокойно. Потому там и нет страха. Именно там и только там – в прошлом – наверное, и живёт вожаемое состояние душевного спокойствия, Божьей благодати.

Только, кажется, Создатель устроил всё по-другому. И никакое натягивание на свою сущность лицемерного облика праведности и притягивание за уши выводов от сомнительных чудес не сможет заглушить этот страх перед будущим. Наш удел – двигаться в неизвестное. Ошибаться, стараться не тупить, учиться и идти вперёд. «Делай что должен, и посмотрим – что будет»».

Проглянувшее в облаках солнце подсветило высотки Москва-Сити и подразило бликами на реке. Мол, «давай к нам! На природу! Вспомни Фридриха и не бери на себя тяжесть мира! Зачем тебе на этот проспект Сахарова? Да он и не виден отсюда даже!»

Но мысли вернулись на прежнюю траекторию.

«Жить, чтобы учиться? Учиться чему? Да чему уже не учился. Только что толку от этой учёности? Легко и на любой случай цитируешь хоть Ницше, хоть Библию? Давно решил для себя, что политикой может заниматься только подлец или дебил? Обещать всем и сразу хорошую жизнь? Не на этом ли вся политика построена?

Да не выходит из головы: «Народ достоин! Народ поджигает леса каждую весну. Народ загадил всю природу, всё информационное пространство рекламным спамом, телевизионным лицемерием и враньём немислимых масштабов. Народ кидает друг друга без раздумья, выкладывает просроченные товары на полки магазинов, устраивает карусели на голосованиях, да просто жрут друг друга, и всем всё по барабану. Добрался домой с работы, по дороге всех обматерил, холодильник, рюмка, голову в ящик с картинками для дебилов... А сколько трусости и раболепства перед властью!

И на фиг идти куда-то за этот народ? Не за них, а за будущее детей и внуков, которое дружно прожираем? Так это не тот путь! Это всё – война со следствиями! С причиной воевать нужно! Вытащи со скотского уровня существования хоть одного близкого! Только так можно противостоять причине всего происходящего – многовековой деградации!

Всё знаю! Всё продумал! Всё решил для себя давно! И вера не позволяет идти протестовать. И сам могу кого угодно просветить в вопросе, что нужно от тебя Богу! Только свобод-

ные уши дай! Так почему же при всём при этом я сегодня иду на этот проспект Сахарова? Кто-нибудь может мне объяснить? Почему при всех моих убеждениях и просвещённости одна единственная фраза застряла в моей глумной башке: «Я не могу туда не пойти!!!???»»

Намеренно удлиняя путь, Лёха побрёл не на станцию «Воробьёвы Горы», а на «Университет». Время ещё было. Побродив в окрестностях Сталинской высотки МГУ, с целью попытаться сбросить с хвоста тяжёлые мысли, и наткнувшись на холодный встречный ветер на Ломоносовском, он ускорил перемещение в пространстве и через несколько минут оказался в подземке. Подошёл состав, и в нём куча свободных мест. Видно, не много было желающих с юго-запада сегодня помитинговать. Ну или не многих совесть гнала, или что там обычно гонит искать событий на свою ...

Немцы в голове вели дискуссию, не особо спрашивая у Лёхи разрешения. Нимёллер возражал Ницше, цитируя железные аргументы: “Когда нацисты хватали коммунистов, я молчал: я же не был коммунистом. Когда они сажали социал-демократов, я молчал: я же не был социал-демократом. Когда они хватали членов профсоюза, я молчал: я же не был членом профсоюза. Когда они пришли за мной – заступиться за меня было уже некому”. Лёха инстинктивно потряс головой и стал озиаться.

С минуту до выезда на поверхность, взгляд привычно скользнул по окружающим, оценив общую ситуацию, а потом, как бы невзначай и боковым зрением, «бортовой компьютер» стал собирать данные о перспективно интересных объектах.

Внимание привлекли молодой парень и девчонка, сидящие напротив уткнувшись в смартфоны. Первая инстинктивная мысль: «Интересно, они вместе или порознь?»

Лёха не имел привычки уставиться на кого-то и бесцеремонно рассматривать. Но даже боковое зрение позволяло получать позитив от созерцания незаурядной красоты и простоты в «одном флаконе». “Ромео и Джульетта в обеих уважаемых мною экранизациях! И без малейшего намёка на выпендрёж, заносчивость и прочие атрибуты современного существования бок о бок с гламуром и деградацией”.

Девчонка слегка улыбалась, погрузившись в общение со смартфоном. Сочетание внешней красоты и внутренней скромности вызвало в душе огорчение, что нет никого рядом – поделиться позитивом от созерцания. Ну, не толкать же в бок трудягу, похрапывающего после тяжёлой ночи, или бабульку, изучающую квитанцию за квартиру, с другой стороны? Старая привычка со времён занятий фотокнигами, когда, увидев идеальный кадр, инстинктивно хватаешься за смартфон с крутой камерой, а потом с огорчением осознаёшь: «Да кому ты это будешь показывать? Половина людей вообще не поймёт, а другой половине некогда».

«Ну, ладно трудяга и бабулька. Ну, вот рядом же с ней сидит парень. Хоть голова его и в смартфоне, но вполне различимо, что нормальный. И не просто нормальный... а, блин, да точно такой же!»

Лёха уже смотрел в упор, приоткрыв рот. Но его не замечали.

«Идеальная пара! Наверно, из разряда того идеального, что может создать только природа или Бог. Вот теперь я конкретно озадачен этим вопросом – они вместе или врознь? Да неужели мир настолько может быть несовершенен, что вот эти двое, уткнувшись в свои смартфоны, так и не увидят друг друга? Просто на следующей станции он или она встанет и пойдёт на выход? Не почувствовав ничего? Так и продолжая относиться друг к другу как к “добру, лежащему на каждом шагу”? Да быть такого не может! Мне бы их 18 или 20, или сколько там лет! Я бы сидел, уткнувшись в грёбаный смартфон, пропуская, может, свою судьбу? Того единственного человека, которого к тебе, дебилу, подвели и посадили рядом рука об руку? Того, с кем ты должен был прожить самую счастливую в мире жизнь и дать пример торжества красоты и её последствий?»

Ну, тогда в мире точно нет справедливости! Он устроен неправильно! И не надо переживать за этот мир! И какой смысл ехать, вообще, куда я там еду? А, митинг будет на проспекте Сахарова, на который мне нельзя и на который я не могу не поехать.

Да подними ты башку из своего смартфона и погляди на Москву-реку, над которой проезжаем! Может, и увидишь сокровище рядом заодно! Неужели только я вижу эту красоту реки и первого снега, и этой девчонки? Что за идиотизм вокруг!»

На тяжёлый Лёхин вздох обернулись проснувшийся трудяга и оторвавшаяся от изучения квитанции бабулька. Пара напротив продолжала пребывать в себе, улыбаясь смартфонам. На Парке Культуры парень встал и, не отрываясь от девайса, пошёл к дверям. Девчонка вышла на Кропоткинской. Расплывшийся в тупом морально-психологическом бессилии по сиденью вагона Лёха чуть не проехал Сретенский Бульвар. Спасибо бабульке, которая спросила: «Мужчина, вам плохо?» Кивнув в ответ, Лёха принял вертикальное положение и побрёл на выход с усиленным ощущением ведомого на убой старого коня.

На Сретенском было многолюдно. Народ сплывался из разных источников в направлении Сахарова, и уже стало ясно, что мероприятие побьёт рекорд численности. Стараясь не вникать в речи попутчиков, дабы не пасть в депрессию от их высокой интеллектуальности, Лёха решил созвониться с обормотами, которые его втянули в эту историю и уже должны ожидать у рамок на входе в зону митинга. «Вот те на!» Если раньше качество связи и уровень сигнала просто плавали, то сейчас наблюдалось этой связи полное отсутствие, и уже недалеко от метро. «Крах они, что ли, подогнали? Ё-о-о-о... А ментов-то сколько!»

Власти показывают некоторую способность делать и прогрессивные выводы из предыдущих мероприятий. Рамок, а равно и «белых счётчиков», сегодня гораздо больше. Их уже не обойти по бульвару. Может и затор образоваться. Да уже и состоялся. «Найти в такой толпе своих будет очень непросто. А сама толпа! Как я смог в ней оказаться? Всё моё нутро протестовало против нахождения в толпе по любому случаю. Да и вокруг только те, кто в другой обстановке бесят немерено. Иль маргиналы, или неудачники, или дураки типа меня. Вот только им не всё равно, и башка не в телике, и не в рюмке, и не в религии. Ну, может, не полностью – уже хорошо».

Желая отвлечься от происходящего, Лёха поднял голову и попытался заглушить восприятие строения проспекта боковым зрением. Душа рвалась на свободу. Но помочь ей было нечем. Это был не Краснодар, не май месяц, и Лёхе уже не 20, а значит, восприятию красоты придётся пробиваться через накопленный десятилетиями негатив и раздражающую усталость немолодого тела. Небо немного прояснилось, но солнце ещё не пробралось в промежутки облаков. И никого в высоте.

Сегодняшние облака далеко не были шедеврами в эстетическом плане, хотя синева между ними предвещала в скорости более красивую картинку. Маловато солнца у нас в России. Наверное, потому и светлого в наших душах маловато. А вот сами облака бывают истинными произведениями искусства. Сказочные горы в ярко-белом свечении, прямо по курсу, над убегающей к горизонту дорогой. Дорогой, которая из кузова грузовика, везущего на стрельбище в Горячем Ключе, ассоциировалась с недостижимой свободой. Незабываема мечта курсанта-второкурсника о том, что когда-нибудь он проедет по этой дороге не в обнимку с автоматом, а на своей машине, «по гражданке», и завтра не нужно будет вскакивать по команде «подъём».

Если спросить у Лёхи, какие у вас самые яркие ассоциации со словом «Свобода», он, не задумываясь, поведаёт эту историю. Но, будучи зелёными курсантами, мы не понимали хрупкость нашей мечты. Она улетучилась на гражданке. Потому как с годами пришло осознание, что настоящая клетка – это не казарма. Клетка – она в голове. «Иначе не привела бы меня моя мечта о Свободе в толпу холодным декабрьским днём в центре Москвы».

Подплывая к рамке, Лёха поднимался на носки и искал притаивших его сюда друзей. «Ну вот где эти придурки? Попробуй найди в такой толпе!» Вдруг промелькнула знакомая

личность. Бортовому компьютеру понадобились секунды на идентификацию. Найденное совпадение, мягко говоря, озадачило.

– Стоять! – Обернулись все, кроме той, кому было адресовано. Лёха уловил, что хитрюга поняла, к кому относилась команда, но, вероятно, давно его заметила, и пытается прошмыгнуть. – Юлька! Стоять, блин!

– Ах! Дядь Лёш, как вы тут? Откуда? Давно в Москве? К нам приедете? Папка знает, что вы здесь?

– Я вот тебе устрою «ах»! Давно меня срисовала? После рамок притормози!

Юлька – дочка однокурсника. Ещё с четырёхлетнего возраста она ловила забредшего в гости Лёху и пыталась превратить в ручного единорога, на котором можно кататься верхом. Тому приходилось терпеть и обещать, что, как только Юльке исполнится 7, в отместку займётся с ней строевой подготовкой. Лёха даже пытался начертить в её комнате разметку, как на плацу в училище. Они дружили и общались много лет, пока те не переехали в Москву. Но никто и помыслить не мог, что при посещении столицы Лёха в принципе способен проигнорировать визит к старому другу.

– Какого... лешего ты здесь делаешь?

– Ой, дядь Лёш, я вам всё потом объясню! Только не говорите отцу! Он меня приберёт, вы же знаете!

– Я знаю, что я тебя сейчас приберу! Мало того, что я здесь не в своей тарелке, так и за тебя теперь переживать весь день?!

– Не надо! Я не одна! Я со своим другом и его друзьями. Мы будем мирно! Мы просто не могли не прийти! Но мы не буйные, вы же знаете!

– Вот ...! Блин ...! Я чуял, что всё вверх ногами сегодня... Какие, на фиг, тихо? Если начнётся – не спрячешься. Что за дурачки?

– Всё будет хорошо! Дядь Лёш, не говорите отцу только!

– Ладно, блин! Ты меня тоже не видела! Ни бабковцы, ни чуриковцы не должны знать, что я был здесь. Буду присматривать за тобой.

– Хорошо! Спасибо!

Юлька растворилась в толпе. Лёха окончательно понял, что сегодняшней день для него абсолютно убит. Предчувствия стали оправдываться. Уже некогда искать своих обормотов. Все бортовые системы переключились на мониторинг обстановки вокруг объекта «Юлька», находящегося по приблизительному азимуту, и на готовность вступить в бой по его защите. Уже некогда смотреть на облака и предаваться сопливым воспоминаниям о несбывшихся мечтах. Всё как сказал Марк, Аврелий который: «Всегда найдётся с кем воевать».

Обычно свободного места в зоне митинга оставалось много. Но не в этот раз. Толпа началась уже за рамками. Лёха стал пробираться в сторону трибуны, куда, по его соображениям, перемещается и Юлька с друзьями. Количество полицейских, как и народа, было беспрецедентно. Как и настрой толпы. Уже близко была черта, за которой уровень обнищания и оскорблённости превысит порог страха репрессий. И уже появились открытые проповедники свободы, вещающие о том, что мирным путём проблему не решить. Да и давно, и многим стало ясно, что эта власть без большой крови не уйдёт. Всё – как всегда в России.

Существовало обстоятельство, сдерживающее развитие трагических событий, и позволяющее обстановке продолжать накаляться. Москва и Россия – это разные страны. Два разных народа. Так уж устроен современный мир, что всё прогрессивное стекается к центрам цивилизации, а от них – к большим центрам. Десятилетиями жаждающее перемен и одержимое стремлением к лучшей жизни, вымывалось из провинции в Москву, а оттуда – дальше в Европу и Америку. И реформаторы, разряда Навольного, вещали не на частоте, на которой их могли услышать в регионах. Резонанс они поднимали в крупных городах или за рубежом, потому как

все эти коррупционные расследования и обличительные материалы требовали соответствующего интеллекта и жизненной позиции.

А самый ужас ситуации заключался в том, что для регионов ещё не нашёлся вождь, который заговорит с ними на их частоте. Но придёт время, и деградировавшему столетиями народу опять укажут врага и придумают новый лозунг, созвучный с «Отобрать и поделить». И громить народ пойдёт не далёких обобравших страну упырей из расследований Навольного, а, по традиции, тех, кто рядом, но живёт лучше. Так было не раз. Так будет.

Периодически в поле зрения Лёхи попадалась Юлькина шапочка. После чего он мог немного отвлечься на суть происходящего. Они уже приблизились к трибуне. С неё продолжали звучать всё более и более резкие выступления, что стало сильно беспокоить Лёху. Того и гляди очередной оратор в порыве страсти призовет всех немедленно идти на кремль и взять власть в свои руки. Если толпа и не последует призыву, то полиция начнёт реагировать точно.

Несколько сотен «космонавтов» уже сосредоточены за трибуной и ждут команды. «Надо срочно хватать Юльку и эвакуироваться отсюда». Наметив направление возможного местонахождения объекта, Лёха стал пробираться в толпе.

Явно доведённый до отчаянья оратор, как под копирку, начал цитировать с трибуны его недавние мысли: «Эта власть без большой крови не уйдёт! Хватит бояться! Хватит терпеть! Нам уже нечего терять! Мы унижены и на положении скотов! Это их законы, которые они придумали, чтобы держать нас на уровне скотов! Это их псы стоят сейчас за трибуной и ждут команды “фас”, чтобы начать рвать нас как раньше. И чего вы намерены делать? Опять терпеть эти позорные суды? Проявлять толерантность и законопослушность? Наши дети и внуки проклянут нас за нашу трусость! Зачем вы пришли на этот митинг? Постоять, покричать, вернуться домой и жить дальше? Жить как скоты? Да! Вы можете вернуться сейчас домой и жить! Но через много лет, умирая в своих постелях дряхлыми и больными, не будете ли вы готовы отдать всё, чтобы поменять всю свою жизнь от этого момента до смерти только на возможность вернуться сюда? В этот день! На это место!»

Толпа взревела. Лёха уже был близок к ограждению и видел Юльку. И ряды полиции. «Космонавты» в шлемах внимали инструкциям, которые выдавали бегающие перед строем офицеры. Все находились в полной готовности обрушить мощь полицейской машины на обнаглевших либералов. «Немыслимо! Откуда они все? Как мог человек, носящий звание “офицер”, опуститься до такого?»

Внимание Лёхи неожиданно привлёк старлей. Что-то отличало его от бегающих вдоль строя майоров и капитанов. Лёха не сразу понял, что необычное было в старлее. «Если только моложе? Да всё вроде такое же. Чёткие приказы. Уверенность и готовность к действию. А! Понял!» Майоры и капитаны не смотрели в толпу. Им было всё ясно. За ограждениями для них находились не люди. Просто скот. Так какой смысл смотреть на скот? Смотреть в глаза баранам? Что за дурость! Но старлей, похоже, так не считал. Время от времени он вглядывался в протестующих, казалось, оценивал и ещё пытался понять что-то для себя. Лёха с удивлением уставился на старлея. И тот встретил Лёхин взгляд. В этот момент пришла команда.

Одному подразделению была поставлена задача оцепить трибуну, а другим – начать аресты. Лёха ринулся к Юльке. Цепочки полиции вклинивались в толпу, разделяли на части и уводили нейтрализованных. С десятков орущих матюгальников призывали не мешать проведению полицейской операции и возвещали о том, что митинг прекращён, и всем следует идти на выход с проспекта. Ни единого шанса докричаться до Юльки. А на том месте, где она должна находиться, происходило что-то ужасное. Взмахивание полицейских дубинок, вопли о помощи, проклятия...

Лёха утроил усилия, пробираясь сквозь толпу фактически против течения. Каким-то чудом ему удалось выскочить на разрежённое пространство, где происходили самые драматичные события, и он на мгновение остолбенел. Людей хватили и уводили без разбора. Упирив-

шихся просто валили на землю и молотили дубинками. И венцом всего открывалась картина из сцепившихся друг в друга молодых людей и пытающихся их растащить трёх «космонавтов», один из которых топтался по волосам Юльки.

«И что? Начнём вспоминать о репрессиях? О позорных уголовных делах за брошенный пластиковый стаканчик? О законопослушности? О трате драгоценной жизни на этот дебилизм и издевательство над всяким здравым смыслом, происходящие в судах? Или я должен разжечь это пламя? Но ведь я не хочу! Не хочу стать зачинщиком пролития крови! Я здесь вообще случайно! Как и Юлька! Но дело в том, что уже неважно, чего я хочу или не хочу. Пути отступления отрезаны. Меня привели сюда и заставили сделать выбор – сгореть здесь, но сохранить надежду, или вечно гореть в аду?»

«Ну, вот и всё». Бывает, многолетние тренировки не могут дать результатов в нужный момент и на самом ответственном соревновании. Биоритмы. Погода. Смена часовых поясов. Давно известно, что успех и чемпионство часто приносит пойманный вовремя кураж. Лёхе знакомы такие моменты. Он отчётливо помнит первый. В детстве на катке. Поймав кураж, он раскидал с десятков пацанов из соседней школы, решивших его проучить. Легко. В припляс. Таких результатов потом не удавалось получать после сотен тренировочных боёв и разбитых о груши кулаков.

«Космонавт», стоявший на волосах Юльки, полетел в ограждение от, казалось, не очень поспешного приближения и невнятного толчка. Просто удачная механика. «Да! Это кураж». Пока второй не замечал, что у него творится сзади, а третий, находясь перед ним, опешил в изумлении, ноги второго подкосились от подсечки, и, получив резкий толчок, оба покатались в толпу. Перепрыгивая через лежащих Юльку с парнем, Лёха схватил их за руки, и инерции нелёгкого тела хватило помочь обоим подняться!

«Валите отсюда! Быстро!» Пока те оглядывались, ища прохода в толпе, Лёха заметил свежую цепочку из четырёх «космонавтов», приближающуюся с явной задачей нейтрализовать его и Юльку с парнем. А быстро исчезнуть уже не было шансов. Потому что – началось! И он, дебил, всё-таки поднял эту волну насилия. Хотя нет! Это дело рук полиции и того, кто отдал приказ.

Сделав вид, что собирается удирать, Лёха перевёл цель цепочки на себя и попытался увеличить её скорость и кинетическую энергию. Руки пошли вверх, отвлекая внимание, и вложенная в удар вся сила, если не пробил наколенник, то должна была выворотить ногу первого «космонавта». Он упал подкошенным. Схватив за руки второго и третьего и помогая им падать, Лёха перепрыгнул, опершись, через них и в развороте пробил ногой четвертому в грудь. Увлекая людей из толпы «космонавт» протаранил трибуну. Третий не унимался. Увернувшись от дубинки, Лёха быстро оказался у него за спиной, сделал захват и поднял щиток в готовности надавить на глаза.

«Стой!» Оттолкнув «космонавта», Лёха увидел старлея. «Сн-найперы, идиот! – процедил старлей: – Всё серьёзно в этот раз!»

Удар сзади – и прошедшая навывлет пуля ранила в плечо ещё и невовремя поднявшегося второго «космонавта». Он рухнул снова. «Они так, идиоты, и друг друга поубивают. Что за ослы! – подумал Лёха и обернулся, ища глазами Юльку. – Ну, вроде успели уйти. Надо валить. Только что опять небо перед глазами и опять облака? О! Уже красивее. Уже близко к шедеврам от природы средней полосы. Уже близко к свободе... Вот блин! Плыву. Спать хочется, как вторую ночь за рулём. Похоже, всё серьёзно. Прав старлей. Где он?» Старлей притащил плащ-палатку. Пара людей из толпы погрузили Лёху, но тащить не смогли. Попросили ещё двоих.

Лёха плыл среди облаков, и проспекта уже не было. «Где, блин, старлей?» Старлей неистово орал: «Расступитесь! Скорую!» И помогал тащить Лёху, который вцепился ему в ворот и, выпучив глаза, пытался что-то сказать. «Терпи! Сейчас медики будут! Что ты хочешь сказать мне? Помолчи!» Старлей отвернулся на секунду, а когда вернул взгляд на Лёху, то

понял, что Лёха смотрел уже не на него, а сквозь него. Кровь хлынула изо рта. И только губы пытались говорить что-то, неразличимое в криках толпы. «Что? Что?» – нагнулся старлей к Лёхе и услышал:

«Блаженны... жаждущие... правды... ибо... они... насытятся».

В начале было даже не слово. Однородность поглотившей все «я» энтропии стали нарушать слабые импульсы. Это были даже не звуки. Воздух ещё не существовал, и звукам негде было распространяться. Но именно импульсы пробудили восприятие, и заставили осознать и энтропию, и время. Время мучительно тянулось и помогало энтропии держать в плену «я». Плен становился пыткой.

Белая пелена долго не хотела подвинуться и уступать место ясности. Но та продолжала проявлять упорство. Импульсы превратились в звуки.

– Р о с, Р о с

У энтропии и времени не осталось шанса. Звуки, наконец, начали складываться в слова и приобретать смысл. Реакция пошла. Получив шанс зацепиться, ясность уже не спрашивала никого, и ринулась на завоевание всего мира.

– Рос! Рос!

«Кто такой Рос? ... Какое счастье! ... Рос – это я!»

Рос Светл открыл глаза.

– Рос! Ну наконец-то! Как ты меня ... нас напугал! Я уже думала, что потеряла тебя!

Рос удивлённо смотрел на льющиеся из глаз Миры слёзы. Но память вернулась, и причина столь сильных эмоций стала понятной.

– Сколько ... я ... так ... ?

– Шестнадцать часов.

– Сколько сейчас времени? Через сколько контакт? Есть что от Орна?

Рос сделал попытку приподняться, но готовая к такой реакции Мира положила ему руки на грудь. Силы ещё не вернулись, и гравитация особо не нуждалось в помощи, чтобы усмирить проявившего признаки буйства пациента.

– Не надо вставать! Ты ещё под действием препаратов. Мы безуспешно пытались вывести тебя из комы, но чудо произошло. Ты будешь приходить в себя минимум час.

– Но, контакт ...

– Время ещё достаточно. И для выполнения отчёта о погружении, и для подготовки к контакту.

Рос успокоился. Волны счастья омывали душу. Видеть глаза Миры – ради этого стоило забыть и о жажде. Даже если пришлось перейти пустыню. А для удовлетворения жажды жизни необходимо восстановить и силы. Глаза Миры помогали лучше любых препаратов. Расплывшись в улыбке Рос подчинялся их магии.

– Какое счастье, Мира! ... Какое счастье – проснуться от кошмарного сна в своём светлом мире! Мы ведь даже представить не можем, что бывает несправедливость! И другие чудовищные вещи, словами которых не описать!

Да, у нас есть проблемы. Нам есть к чему стремиться, за что бороться, иногда и отдать, как раньше говорили, жизнь. Но я даже не знаю, способно ли современное человечество справиться с таким шквалом и таким родом проблем, которые мы видим в 20, 21 веках прошлой цивилизации? А ведь было и гораздо ужаснее!

Как могли они выживать в те жуткие времена? Когда судьба каждого была предрешена. Рано или поздно, но должна наступить темнота, в существование которой они так верили и с осознанием неизбежности которой имели силы жить, любить, радоваться!

– Как мог ты так поступить, Рос? Ты же хорошо помнил то воплощение! И не мог не знать, что всё кончится чем-то подобным!

– Да. Но я и не собирался угодить именно в момент трагедии. Я понимал, что есть такая вероятность. Но, ведь риск был оправдан! 33-я звёздная ушла к Крее 14 лет назад. Они уже там. И, если им удастся восстановить станцию сети и выйти на связь, то Орну крайне необходимы результаты наших исследований! Вы же всё знаете! Это ваше открытие! Ваши технологии!

– Ты не сказал мне! И не предупредил никого из сотрудников института!

– Я не хотел беспокоить вас! Риск был оправдан!

– Я с этим не согласна. Тон Шторм готов продолжить эксперимент и выполнит несколько погружений. Он будет видеть практически то же самое. Ведь Тон был близок Орну, как и ты.

– Прости, но Тон не может видеть абсолютно то же самое. Чем больше данных мы получим, тем существеннее будет помощь Орну.

– Ты же знаешь Рос, что основные данные мы получим из инкарнации жителя Креи ... Бессмысленно продолжать этот спор – Мира приложила палец к губам готовящего контраргументы Роса – твоё участие в эксперименте завершено. И это не моё решение. И ты прекрасно понимаешь, что оно закономерно и неотвратимо.

– Понимаю – вздохнул Рос.

– Мне самой необходимо восстановление психики после твоих проделок. Но сейчас нужно вернуться к делам. Я много часов не отходила от тебя. Скоро ты почувствуешь себя полным сил. Отдыхай и выполняй намеченные планы... До встречи вечером ... как всегда – на плато.

Глаза Миры ещё были влажны, но это лишь добавляло блеска улыбке счастья. Она поцеловала Роса и выбежала из комнаты.

Способность помнить прошлые воплощения была открыта людям в результате последнего скачка эволюции. Изучать историю давних времён безусловно необходимо. Но обстоятельства последних лет сделали крайне востребованными максимально детальные данные о том, как этот скачок происходил. В терминологии древних он назывался «апокалипсисом».

Предыдущий скачок эволюции человечества к хомо сапиенс был масштабным. Но не менее масштабным оказался скачок к хомо континус. И самым важным его результатом стала отмена смерти. Нет, как представители биологического вида, люди не перестали умирать. Правда, продолжительность жизни индивидуума возросла до двухсот лет. Но современный человек даже представить себе не может, что когда-то люди понятия не имели, ради чего они живут. Лишь некоторые просвещённые ощущали, что за смертью – не темнота. Отсутствие главного стимула жизни – знания о том, что мы строим будущее не только своих детей и внуков, а именно своё – не могло уложиться в понимании современного человека.

Впечатлениям от пережитого нельзя было позволить сгладиться в памяти до завершения отчёта, и Рос спешил обдумать увиденное.

“Чем могли жить наши далёкие предки, и какая сила духа должна была вести их в повседневной борьбе за светлые идеалы, если у них ещё не было основополагающего понимания о том, что самого ужасного, что может быть в жизни, – бесконечной темноты в её конце – просто не существует? Что самое неприятное в этом есть расставание. Хотя и близость в большинстве случаев сохранялась от воплощения к воплощению. «Мы то, что мы помним», – говорили они. Но кто из них и как часто вспоминал, и вообще был способен вспомнить то, что было с ним двадцать или сорок лет назад? Так сколько же раз умирали они в течение одной жизни?”

Фактически уже цивилизации кроманьонцев было дано откровение о бессмертии души, которое принёс Христос. Но, как и все блага, оно попало в руки жадных и недалёких умом представителей общества. Его пропустили через фильтр, отсеяв угрозы личным интересам и власти, переработали на пользу инфраструктуры, созданной людьми, и выбросили народу обглоданные останки в виде религии, превратив Христа, пророков и апостолов в исторические персонажи и заставив несколько десятков поколений верить в загробный мир и в существова-

ние рая, в котором проявившие послушное раболепие смогут вечно наслаждаться праздным ничегонеделанием.

Рос встал. Следующей ночью должно состояться важное мероприятие в рамках его основной работы в Институте Контактв. До этого нужно подготовить отчёт о погружении. Картинка и звук писались автоматически, а вот происходящее внутри человека никакие устройства воспроизвести не могли. Потому отчёт должен быть снабжён комментариями от первого лица и его же выводами.

Поблагодарив всех, принявших участие в деле его воскрешения, Рос отправился на выход.

Человечество давно не строило громадные статические сооружения, которые разрушались за сотню лет или ранее, нередко погребая под собой находящиеся в них. Процедура возведения сводилась к монтажу мобильных фундаментов с огромной функциональностью. После вгрызания в почву в течение нескольких часов отрабатывалась программа по генерации внешнего облика и внутренних помещений. Тем не менее, дизайну и архитектуре уделялось внимание несравнимо большее, чем в постройках древних времён, когда ограничения накладывали несовершенные технологии.

Архитектура института не являлась исключением. Композиция максимально оригинально вписывалась в пейзаж, создаваемый на её фоне остатками древних Тавр. Только долго любоваться шедеврами современного зодчества времени у Роса не было.

От Института Хронологии до обсерватории было несколько километров пешего пути вдоль живописного побережья «Белого моря», как называли его ещё в дохристианские времена коренные жители. Предание о «Белом море» гласило, что в ранние часы перед рассветом над морем появлялась дымка, которая полностью растворяла линию горизонта, и вода сливалась с небом абсолютно неразличимо. Именно этим и воспользовался один из завоевателей древнего мира – Александр Македонский, подплыв незамеченным к берегу и застав врасплох очередной покорённый им народ.

Сегодня утро уже прошло. В мире господствовали полупрозрачная бирюза, зелень, синева чистого неба и свет улыбок проходящих мимо людей. Приветствие уже не было пустым ритуалом. Люди цивилизации хомо континус получили не только возможность запрашивать данные из прошлых воплощений и освобождение от сценария неминуемой смерти. То, что древние называли телепатией, в современном мире являлось обычным видом общения.

Проблема передачи информации от человека к человеку оставалась всегда. Её невозможно передать с абсолютно идентичным восприятием. Древние сказали бы, что действует предание о Вавилонской башне.

Невозможность слышать друг друга являлась огромной трагедией для предыдущего мира. В помощь людям современной цивилизации пришла способность передавать образы, когда словарный запас не позволял представить информацию однозначно. Но и этого не было достаточно для достижения точного восприятия. Потому актуальность устного и письменного общения не потерялась в современном мире, как и эстетическая сторона изложения. Но манера общения изменилась.

Современному человеку были непонятны мотивы проявления бесполезного словоблудия и многословия речей, не оптимизированных для точности передачи информации, эмоций и чувств. Что же касается приветствия, то улыбка всегда сопровождалась телепатическим посылом. И уже было не принято тратить время на дискредитировавшие себя лицемерной подоплёкой произносимые ранее слова. Телепатический посыл нельзя было исказить. Но это всегда позволяли сделать слова приветствия, которые в современном мире давно стали атавизмом.

Пара молодых людей, прошедшая навстречу, пробудила ассоциации с парой в метро. Всплывшие в памяти переживания Лёхи требовали вернуться к отчёту.

Задача была непростой. Задача была сравнима с проблемой объяснить человеку предыдущей цивилизации мотивы поведения дикарей-каннибалов или религиозных фанатиков, практикующих человеческие жертвы. Ну, вот как передать аналитикам в подходящем для восприятия виде, например, факты о том, что «люди» когда-то превратили всю исходящую от них информацию в инструмент получения личной выгоды с применением немислимых масштабов обмана и лицемерия? Так называемые СМИ 21 века фактически являлись оружием массового уничтожения и не пропускали в мир ничего, что не приносило их владельцам, рекламодателям и властям получение выгоды в максимально короткий срок. И как объяснить, что большая часть населения презирала и отвергала всяческую возможность саморазвития? Предпочитала верить в обман и лицемерие, чем пытаться всё анализировать и в упорном труде докапываться до истины. До причин своих проблем. Посвятить жизнь непрерывным попыткам подняться со скотского уровня существования. А ведь всех предупредили давно: “Не бойтесь уничтожающих тело! Бойтесь уничтожающих душу!”

А что касается более глубинных проблем и явлений? Люди тысячи лет существовали в плену абсолютного инструмента зла – инструмента уничтожения разума, коим являлся алкоголь. Практически всю свою жизнь большинство из представителей прошлого человечества пребывали в состоянии изменённого сознания, наивно полагая, что малые дозы алкоголя, наркотиков и прочего всевозможного дурмана не наносят вред и даже полезны. Планета почти постоянно и добровольно жила «под наркозом».

Современные люди видят проявления всех этих патологий, вспоминая прошлые воплощения, но суть им абсолютно непонятна. Только созданная Мирой теория и разработанная технология «погружения от первого лица» позволяют что-то объяснить. Несомненно, для разума это является опаснейшим ядом. С другой стороны, аналитики вынуждены его дозированно принимать. Потому-как другого пути осознать нет.

21 век прошлого тысячелетия для исследований стал объектом максимальной важности. Мы до сих пор не понимаем, был ли переход к кроманьонцам скачкообразным. И ещё более интересно, как произошёл переход от хомо сапиенс к хомо континус. По всем наблюдениям, это должно было произойти в 21 или 22 веках. Была ли это какая-то катастрофа? Или люди просто перестали рождаться повсеместно, а только в определённых семьях? И сразу хомо континус?

Необходимость выяснения – как всё произошло – многократно возросла несколько десятилетий назад, когда замолчала цивилизация Креи. Её уровень развития соответствовал земному перед «апокалипсисом». Один из троих друзей возглавил звёздную экспедицию и ушёл в неизвестность на расстояние в 11 световых лет. Не имея ни малейших данных о том, что могло произойти. Поднять данные, спрогнозировать варианты развития событий и возможные риски – стало задачей для Института Хронологии. Именно в нём вопросами статистики и некоторыми проблемами сознания занималась Мира Крим.

Первой идеей Миры было проведение новых статистических исследований с целью поиска представителей человечества, которые в предыдущем воплощении были жителями Креи. Как правило, круг общения от воплощения к воплощению сохранялся. И сохранялись самые близкие связи. Но в 20 процентах исследуемых случаев этого не происходило. Также существовал очень небольшой процент случаев прихода на землю представителей иных цивилизаций. Явление обнаружили давно и неожиданно.

Мира предложила провести новое и максимально масштабное исследование. Вероятность того, что всего через 70 лет после катастрофы на Крее её представитель воплотится в человека, была очень мала. Но исследование начали. Более десяти лет оно не давало искомым результатов, а два года назад случилось чудо. Представитель Креи был найден. Но это был почти ребёнок в возрасте пятнадцати лет. Краткая информация, которую он смог вспомнить, дала первое представление о произошедшем.

Данных удалось получить недостаточно. И Мира озвучила свою вторую – ещё более сомнительную и очень рискованную идею.

Давно были известны случаи, когда, попав в кому, люди переживали свои прошлые воплощения абсолютно реалистично. И идея Миры предполагала ввести найденного представителя Креи в такую управляемую кому искусственно. К тому же, имелись технологии для записи изображений и звуков, считываемых из соответствующих участков мозга.

Риск побочных эффектов был огромен, и рисковать ребёнком, применяя неиспытанные технологии, являлось недопустимым. Не было сомнений, что добровольцы для испытаний найдутся быстро. К ужасу Миры, она и не сомневалась, что первыми двумя станут Рос Светл и Тон Шторм – близкие друзья ушедшего к Крее Орна Маира. Мира взяла ещё год на усовершенствование технологий. И теперь опыты начали проводить. Уже на втором Рос Светл угодил в момент своей трагической гибели и «застрял» в коме. Наличие большого риска подтвердилось. Но Тон Шторм «рвался в бой».

Росу стали понятны специфические данные и определения из статистических исследований. Ранее эти определения были пустым звуком.

Известно, что достигли требуемого порога развития и прошли эволюционный скачок лишь около семидесяти миллионов человек. Популяция новой цивилизации росла очень медленно, и через две тысячи лет достигла трёхсот миллионов. Что же касается критериев отбора личностей, способных эволюционировать в хомо континус, то основные были ярко выражены.

Прежде всего, девяносто процентов опрошенных обнаружили свои прошлые инкарнации исповедующими полный и безусловный отказ от употребления алкоголя, табака, наркотиков, сквернословия, игр, и принятия прочего дурмана.

Вторым отличительным признаком была обнаружена способность видеть и понимать красоту во всех её проявлениях и без искажений всевозможными призмами извращений и патологий.

Третьим – неординарное чувство справедливости и готовность жертвовать за неё.

Четвёртым признаком был отказ от употребления мяса. Убийство и поедание живых существ не принимались больше согласно идее «мира с животными», чем в результате следования медицинским теориям.

Шестое и седьмое места занимали высокий уровень интеллекта и физического развития.

Был и ещё один характерный признак, который часто относили к употреблению алкоголя и наркотиков. Вера в лекарства и склонность к их бесконтрольному употреблению также отсутствовали у подавляющего большинства способных эволюционировать.

Данные о приближении, как раньше говорили, «конца света» становились всё более актуальными.

Наука стояло на пороге колоссальных открытий. Но технологии новых энергетических установок и квантовых двигателей, открывающих дорогу в дальний космос, нельзя было давать человечеству в той его стадии духовного и нравственного развития.

Усиливалось ощущение тупика, в который заходили все финансовые, экономические, медицинские, образовательные, фискальные сферы, нарастали репрессии, раздувалась полицейская машина и прочие инструменты сохранения произвола. Мы так и не знаем, что произошло дальше. Это и было основной задачей исследования. И по всем данным – на Крее происходило то же самое.

Проходя мимо бесконечных пляжей, которые повсеместно были приведены в безупречный вид, очищены от булыжников и сделаны песчаными, Рос с наслаждением наблюдал за резвящейся молодёжью. Шумные эмоции, порой переходящие в визг, прочие проявления бурного восторга не покинули общество новой эры. Но уже не существовало опасения, что временно предоставленная беспечности воля в принципе может перейти рамки приличия и человече-

ности, как это наблюдалось во времена тотальной деградации и алкоголизации предыдущего мира.

Рос почувствовал недобор ежедневной физической нагрузки и опасение, в случае появления тенденции, как говорили древние, «превращения в овощ». Быстро раздевшись, он с разбегу нырнул в прозрачную воду и на крейсерской скорости проследовал с километр от берега. Получив порцию заряда, Рос перевернулся на спину и застыл в блаженном расслаблении, занявшись поиском столь любимых облаков. Небольшая стайка пряталась ближе к горизонту на востоке, и клонившееся к закату солнце уже заставило их светиться красноватым оттенком. На память пришли свинцовые облака над проспектом Сахарова в холодном декабрьском небе. Нахлынувшие противоречивые чувства напомнили о предстоящем объёме работы, и Рос рванул к берегу.

Через несколько минут он подошёл к обсерватории и поднялся в свой кабинет.

Стены помещений не были просто стенами в понимании человека прошлых цивилизаций. Рос любил организовать рабочее место так, чтобы одна из них оставалась прозрачной и показывала вид на небольшую бухту. Существовала тысяча стандартных вариантов, которые можно было выбрать простой командой. От серых в подсобках и прочих комнатах, куда человек заходил редко, до шедевров с видами на океан или на галактику со стороны. Встроенные многочисленные излучатели обеспечивали и максимально реалистичную голографию. Лишь опытный глаз мог определить, что абонент отсутствует в комнате.

Кроме исполнения функции панорамных мониторов стены ещё являлись приёмо-передающими поверхностями глобальной сети, работающей в невидимых оптических диапазонах. Никаких вредоносных излучений для коммуникаций давно не применялось. Только в экстренных случаях. Индивидуальное устройство связи имелось в воротнике любой одежды. Связь за пределами помещений обеспечивала конструкция дорог, стены зданий или специальные модули. Более сложные мобильные устройства, помещающиеся в кармане, обеспечивали и трёхмерную голографию. Радиосвязь использовалась только в экстренных ситуациях. Устройство радиосвязи имел любой корабль, или крафт, и использовал его при выходе из зоны действия огромной безопасной сети коммуникаций.

Рос успел соскучиться по Мире. Он знал, что и Мира ждёт. Но приоритеты, в результате постоянной оптимизации всех процессов, расставляемые новым явлением, основанном на природе телепатии и называемым «коллективным разумом», оповещали его потенциальных собеседников о том, что в настоящий момент Росу необходимо завершить выполнение более важной задачи, и общение может повлиять на результат не лучшим образом.

Такое проявление коллективного разума основывалось на подсознательном телепатическом мониторинге состояний и задач, стоящих перед другими людьми, группами и обществом в целом. Логика диктовала условия поведения и план действий, который, как минимум, должен не навредить и, по возможности, быть вписанным в цепь происходящих параллельно процессов. Только ситуация с более высоким приоритетом позволяла вносить в них изменения или прерывать. Никакие древние системы и программы для организации бизнес-процессов, породившие безумие, называемое «документооборотом», не могли бы дать и одного процента от эффективности современной системы обработки данных и управления реалиями, основанной на явлении коллективного разума, коммуникациях с немыслимой пропускной способностью, и, главное, чистом эволюционировавшем сознании современного человека, практически уже не способном тупить и искажать информацию в корыстных целях.

Рос продиктовал заголовок данных: «Отчёт о погружении от 10 апреля 4961 года. Время событий: 16 декабря 202*...». Система снабдила новый файл всеми необходимыми для интеграции в базу данных атрибутами, и Рос погрузился в отчёт.

Закончив, он сменил статус информации на «готов к аналитике». Это означало, что теперь отчёт присутствует в списке материалов для аналитиков Института Хронологии. Кроме

того, он стал доступен всем прочим возможным заинтересованным исследователям и появится в поле зрения их интуиции, являющейся одним из проявлений телепатии. Служившая поначалу лишь помощницей в работе с информационными поисковыми системами, интуиция всё чаще проявляла удивительную способность адресно находить материалы по возникшему вопросу. Давно кануло в лета всё, связанное с безумием, имевшим собственные имена «Гугль», «Яндекс», ..., поначалу старавшимся истинно помочь людям выудить ценную информацию в огромном океане-помойке, в которую всё информационное пространство 21 века превратили людская алчность в сочетании с тщеславием и скудоумием.

Изменение статуса загруженности делами не могло остаться незамеченными. Столь желанный облик Миры появился слегка прозрачным в голографическом исполнении. Глаза искрились радостью.

– Рос, я так долго жду тебя в последнее время! Кажется, этот день никогда не кончится. Столько пришлось пережить! Да и не могу перестать волноваться по поводу завтра.

– Ты же знаешь, Мира, что презентация с твоим участием записана безупречно, и абсолютно нет оснований для волнений. Разве что дать выход накопленным по этому поводу чувствам? В любом случае у нас есть час, давай не будем тратить время на общение с голограммами!

– Через 15 минут, как всегда, на плато обозрения?

– Уже бегу!

Рос сбегал на первый этаж, добавил к улыбке приветствия встречным дружественный жест рукой и в три исполинских прыжка оказался на эскалаторе подъёмника. По старой привычке он не мог просто идти по нему. Как и стоять времени не было. Жалко пропускать открывающийся при подъёме вид на море, даже если ты делаешь это в тысячный раз. И за эту тысячу раз вечно спешащий Рос научился бегать наверх спиной вперёд и не отрываться от созерцания красоты.

Сеть поездов на квантовых двигателях, которые обеспечивали как тягу, так и левитацию, опоясывала планету. Росу удалось заметить Миру в приближающемся вагоне и предстать перед ней неожиданно. Взвизгнув от удивления и откинув голову назад, Мира кружилась в объятьях Роса и осыпала волосами выходящих из поезда других пассажиров.

Рос и Мира пошли вдоль ограждения многокилометрового смотрового плато.

– Вы готовы к завтрашним очередным битвам за торжество разума во Вселенском масштабе? О рыцарь всех времён! – задала шутливый тон Мира.

– Как говорили древние, «человек только предполагает». Всё, что зависит от нас, мы подготовили и отработали. Зачем же «волноваться о том, что от нас не зависит»?

– Ооо! Ты знаешь Далай-ламу?

– Только в степени осведомлённости, полученной от пребывания в качестве твоего подопытного. Как там Тон Шторм? Наверное, рвётся в бой?

– Намерен пройти погружение завтра утром. Ведь в ночь у вас контакт?

– У нас, Мира! У нас! Ты – королева этого бала! И вся смена намерена посмотреть презентацию вместе с нами.

– Теперь я волнуюсь ещё сильнее?

– Что за вздор! Ты вытащила меня сегодня из лап забвения. Судьба Тона Шторма, да и Орна в твоих руках! И ты волнуешься по поводу презентации? ... Женские штучки ... Что может быть важнее внешнего вида, который увидят иные миры, и который будет запечатлён в вечности!

– Сейчас легко шутить. Но что мне пришлось пережить сегодня! А тебе! Я восхищаюсь твоими мужеством и силой духа. Я видела всё со стороны, но меня до сих пор пробирает озноб от холода и ужаса, коим для нас является та бесчеловечная эпоха.

– Ты же знаешь, Мира, что у любой проблемы и ситуации есть несколько сторон. Как минимум две: почему и для чего? Одно из отличий наших миров – мы всегда видим эти стороны. Да, отбор проходил очень жёсткий. Но этот алгоритм был определён для тех времён. Именно контрастом, создаваемым бесчеловечностью эпохи и явленной миру информацией в научной, нравственной и духовной сферах, и создавалась среда для жёсткого отбора способных к эволюционному скачку личностей. Тех, кто готовы были видеть, слышать и развиваться.

– Да, безусловно! Но мы и не можем не восхищаться сильными личностями тех времён, которые способны были во всём этом ужасе, порою ценой своей жизни, отстаивать идеалы, сделавшие возможным существование и нашего мира.

– Ну, есть ещё и другие поводы для восхищения. В той ужасной обстановке они уже были способны говорить с нами на языке, позволяющем это делать сквозь многие века, – языке красоты и искусства. Думаю, весьма проблематично будет передать из прежних воплощений в достаточном для репродукции качестве объекты живописи и скульптуры. Но они способны говорить с нами на том же языке поэзии, например. Пусть своеобразной, в большинстве случаев непонятной. Но когда эта поэзия описывает не происходящее в обществе, а ту же красоту и чувства, которые они были способны испытывать порой и ярче, чем мы, – это не может не впечатлять.

Озорной огонёк промелькнул во взгляде Миры. Она присела на уступ, обняла колени руками и кокетливо приклонила к ним голову.

– А не поделится ли рыцарь историями любви из той своей далёкой жизни? Не сомневаюсь, это было красиво, пылко и незабываемо. И очень интересно...

– Позволь, Мира, пока сохранить мои личные тайны в секрете. Ну, может быть, когда и наступит время для старого рыцаря писать сопливые мемуары по воспоминаниям прошлых жизней, но я бы хотел оттянуть эту неловкость.

– Ну... Ну, хотя бы, может, вспомнишь стихи, которые вдохновляли тогда? Я уверена, что в них не было примитивных и дешёвых душе излиятий любимой, за которые сейчас пришлось бы краснеть?

Рос посмотрел на Миру с тенью задумчивости. Не прекращая улыбаться, поднял голову к небу, в котором уже властвовали краски заката, и, полуобернувшись к морю, неспешно, как бы вспоминая, но с интонацией, не оставляющей сомнения в искренности, начал читать:

*Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

Мира машинально выпрямила руки и приоткрыла рот, выражая интерес, восхищение и удивление одновременно.

*Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озёр.*

*Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полёт.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.*

*Я знаю весёлые сказки таинственных стран
Про чёрную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжёлый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.*

*И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...
– Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

Ощувив многозначительную паузу, Рос поспешил вернуться к типичному образу «старого солдата, который не знает слов любви», исключаящему всякий конфуз в душе:

– Лёхе очень нравился Николай Гумилёв.

– Не прибедняйся, Рос! Такая поэзия украсит любого «старого солдата» и в том, и в этом мире, – серьёзно и задумчиво произнесла Мира, глядя вдаль. И уже весело, переведя взгляд на Светла: – Ведь это же твой любимый типаж?

Мира встала, и они направились в обратную сторону.

– Мне кажется, что твои погружения в ту эпоху не полностью пропитаны тотальной трагичностью, раз вызывают ассоциации с такой поэзией? – продолжала Мира.

– Н-нет... – задумчиво протянул Рос. – Пожалуй, ассоциацию с пережитым в этих погружениях у меня вызывает другая поэзия. Принципиально другая. В 30 годы 20-го века её автор, вероятно, изменил своё имя, чтобы оно не было созвучно с именем одного из самых великих тиранов того времени. Автора звали Осип Мандельштам, и среди множества его произведений я запомнил одно. И, наверно, оно лучше всего отражает мои настроения в той эпохе.

*За гремущую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей, —
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.*

*Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запахай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...*

*Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязицы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.*

*Уведи меня в ночь, где течёт Енисей
И сосна до звезды достаёт,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьёт.*

Золотая заря проявилась над горизонтом, и с высоты нескольких сотен метров бирюза моря не нарушалась серебром всплеска волн. Остановившись, Рос с Мирой любовались открывающимся видом.

– Лёхино любимое слово – «Красота!», – вновь заговорил Рос. – Правда, он применял его во всех возможных значениях и ситуациях. Ну, например, увидев ободранный бок на машине дочки, когда та на первых месяцах водительского стажа не смогла разъехаться практически с единственным столбом в поле.

– А-а-а... теперь понятно, к чему ты произнёс его неделю назад, когда в сильной задумчивости грохнулся с эскалатора. Не знаю почему, но я смеялась так, что мне стало плохо.

– Да, это было весело. – Улыбнулся Рос.

– Один из поэтов 20–21 веков в периодических, иногда довольно удачных, попытках философствовать попытался дать своё определение: «Красота – это проявление Божественного в Человеческом». Андрей Макаревич его звали.

– Весьма расплывчато, но есть рациональное зерно, – заметила Мира.

– Хотя я и сказал, что у меня нет переживаний по поводу идеально записанной презентации, это не совсем так. Есть сожаление по поводу «проклятия Вавилонской башни», которое во Вселенском масштабе ещё более актуально. Есть вещи, которые мы полностью вынуждены обойти.

– Вы о слове «Божественное»?

– Да. Ещё одно различие между нашей и предыдущей цивилизацией. Как правило, то, что мы воспринимаем подсознательно и не подвергаем сомнению, у них выделялось в тему, вокруг которой кипели жестокие страсти.

– А каково было ваше отношение к религии в те времена? Как сильно помогала Вера Алексею?

– Скорее всего, всё, что касалось Веры, он старался – и порой вполне удачно – основывать на чистой логике. Даже, можно сказать, что «Логика» была для него тождественна понятию «Божественность». Я чётко помню, что с самого детства Алексею, как результат чистой логики, было понятно существование человеческого «Я» отдельного от тела. Помню, как Лёха пытался объяснить «существование души» другим людям. Он ставил собеседника перед собой и начинал задавать наводящие вопросы:

* Почему ты – это ты, а я – это я, а не наоборот?

* Давай пофантазируем. Может быть, завтра я проснусь тобой, а ты – мной. А может быть, послезавтра ты проснёшься другом Мишкой? Ты будешь помнить уже не то, что было с тобой, а то, что было с Мишкой. Как можно убедиться в том, что это вымысел?

Традиционно все начинали возражать, что такого быть не может, что у Лёхи с головой не всё в порядке, и шизофрения прогрессирует, и всё такое. Но потом для некоторых, чья степень отторжения опыта всё-таки позволяла его закончить, Лёха задавал главные вопросы:

* Скажи, а с точки зрения чистой логики, вопросы, заданные мной, законны? Я имею в виду, имеют ли они право на существование только в логическом смысле? Если да, то ты должен сейчас понять: о чём мы сейчас спорим, неважно. Важно, что мы об этом спорим. И сам предмет спора говорит о существовании «Я», оторванного от тела, мозга, его памяти, привычек и всего, что с этим связано.

– И много было людей, для которых это стало откровением? Были такие, кто бил себя по лбу и кричал: «Гениально! Я всё понял!»?

– Насколько я помню, Лёха провёл этот эксперимент над парой десятков человек. Потом ему надоело. И из всех только один человек отреагировал именно так. Был ещё один, который, посмеявшись над Лёхой, спросил: «А что, есть кто-то, кто этого не понимает? Кто не знает, что существует душа?». И ещё один изложил Лёхе шесть доказательств существования души по Платону, чем привил интерес к философии.

– Не укладывается в голове, что много людей отказывались использовать и развивать самое главное, что они получили от Бога, – разум! Стремилась отнести его ко всевозможным проповедникам или в телевизор. Я уже начинаю легко оперировать понятиями из древности.

– Логика, – продолжал Рос, – была инструментом, который помогал оставаться людям тем, кем они должны были быть – носителями разума. Только в упорных попытках осмыслить этот мир, используя, конечно, и имеющийся чужой опыт, но после тщательного анализа, люди могли осознать, что во всём есть смысл, что всё происходит по написанной кем-то программе, а не само собой.

– Я помню, как ты рассказывал про младшую дочку Орна в том воплощении, которую спросили: откуда всё взялось? И она ответила, что «одна железяка шмякнулась о другую где-то – и всё появилось».

– Да, да! – рассмеялся Рос. – Именно такой была официальная научная позиция по данному вопросу. Нам сейчас легко смеяться. Мы на подсознательном уровне принимаем, что всё происходит по чьей-то программе. И главное – как для человечества, так и для человека в целом – всеми силами стараться понять и отработать своё предназначение. Они же – я имею в виду науку 20–21 веков, – рассуждая о происходящем во вселенной, ну, типа: «Вселенная образовалась», «Жизнь возникла», – с явной неохотой придумывали скользкие ответы на логически возникающие вопросы: кем и в результате чего? И всегда имелось в виду, что всё произошло само собой. Только это «само собой» никак не сходилось с тем, что наблюдалось вокруг. Что само собой всё только ржавело и разваливалось.

– Банальные вещи тысячелетиями лежали на поверхности, но были, как они говорили, «не в удел».

– Да, да! Одной из ярких таких ситуаций является неприятие базовых основ строения Вселенной. Сотни лет, наука отвергала наличие нулевой системы отсчёта только по результатам опыта Майкельсона-Морли, который позволил им открыть Лоренц-фактор. Придумав для объяснения результатов опыта и возведя в статус фундаментальной специальную теорию относительности, они поменяли причины и следствия местами, но продолжали рассматривать всё фактически с точки зрения существования эфира. Волны у них распространялись в пустоте, хотя понятие «волна» неотъемлемо от среды распространения. Пространство у них искривлялось непонятно относительно чего. И ...

– О-о-о... тебя плавно потянуло в любимый дальний космос!

– Ты права, Мира, я отвлекся. Изначально я хотел обозначить факт, что базовые, сами собой разумеющиеся и не требующие банальных рассуждений устои современного общества соответствуют заповедям, которые в христианстве были возведены в статус главных. Можно провести аналогию наших повсеместных стремлений найти, понять своё предназначение, всеми силами стараться следовать ему и быть всегда благодарным за шанс, который нам дали, позволив человеку стать частью человечества, а человечеству – стать частью Вселенского Разума – с главной заповедью древних: «Возлюби Господа...»

– А традиционные для нас отношения со всеми без исключения людьми нашей общей большой семьи – Человечества – полностью удовлетворяют требованиям второй заповеди: «Возлюби ближнего своего».

– Теперь нам бы, несомненно, объявили анафему уже учёные старого мира. Говорить о религии и вере в научном сообществе было крайне неприлично и считалось проявлением недалёкости. Но, в конце концов, сама логика и неоспоримые факты говорили о том, что есть граница, за которой логика перестаёт работать. При этом ситуация обязывает совершать действия и принимать решения. В вопросах повседневных начинает работать интуиция. Что же касается более серьёзных и опасных ситуаций, то здесь более подходящего слова, чем «Вера», не подобрать.

Золотая заря начала уступать место первым звёздам. Трудный день подошёл к концу. Он оказался достаточно плодотворным.

Человечеству удалось стать равноправным членом Сети Цивилизаций относительно недавно. Сотни лет исследований, развитие науки и технологий стали залогом этого огромного шага.

С древних времён армия неутомимых последователей теории множественных не оставляла упорные попытки поиска следов инопланетян. Множество проектов под общей аббревиатурой SETI стартовало ещё в двадцатом веке. Первый проект основывался на том, что любые цивилизации, пытающиеся вступить в контакт, будут делать это на универсальной частоте. И такой универсальной частотой для Вселенной является частота 1420 МГц. Это – *обусловленное сверхтонким метастабильным переходом между двумя состояниями нейтрального атома водорода излучение*. Для прослушки создавались огромные радиотелескопы. И однажды удалось поймать настолько близкий к ожидаемому сигнал из созвездия Стрельца, что ему даже дали имя «Wow». Но обнаружить сигнал повторно, как и дать ему какое-то объяснение, так и не смогли.

Следующим этапом была попытка слушать максимальное количество звёзд в диапазоне 1 200–3 000 МГц – наиболее «выносливым» из используемых на Земле для внутренних целей. Искали уже не попытки выхода на контакт, а признаки активности. Проект назвали «Феникс». Планировалось прослушать все звёзды солнечного класса на расстоянии в 200 световых лет. Создали целый некоммерческий институт SETI в Калифорнии. Объём данных, собираемый 350-ю радиоантеннами, был настолько огромен, что к обработке пытались на добровольной основе подключить всех пользователей персональных компьютеров в мире. Результаты проект не принёс и был заморожен в 2020 году.

С увеличением чувствительности оптических телескопов, позволившей обнаруживать экзопланеты, новый проект предлагал искать уже возможную освещённость городов на этих планетах. Но создать телескопы требуемой для этого чувствительности и обнаружить следы цивилизаций удастся только в нашу эру.

В том же 20 веке было открыто реликтовое излучение. Излучение равномерно заполняет всю вселенную и считалось тогда остаточным эффектом от процесса её возникновения. Оно обладает свойствами абсолютной изотропии в пределах 0,01 % точности измерений. То есть интенсивность излучения одинакова во всех направлениях. Но в процессе развития древней теории «Большого Взрыва» и «Расширения Вселенной» было также предсказано и наличие некоторой анизотропии. Огромные усилия и затраты пошли на составление Карты Вселенной, как результата измерения реликтового излучения многократно более точными методами и оборудованием.

Анизотропия была обнаружена, карта составлена, и множество учёных занялись расчётами параметров Вселенной. Неутомимые искатели внеземного разума поначалу не проявили интереса к факту появления второго универсального ориентира во Вселенной – частоты Реликта.

Тем не менее, именно Реликту предстояло стать зацепкой, на которую был расчёт у давно бушевавшего во Вселенной Разума. Разрешение сканирования росло, но никто и не обращал внимание на эффекты засветки отдельных ячеек-«пикселей». Никто, кроме пары «настоящих буйных». Им удалось привлечь внимание научной общественности к слабо проявляющемуся явлению. Специальная программа анализа карты Реликта позволила зафиксировать факт дрейфа одной из аномалий в процессе перемещения телескопа между крайними положениями на орбите. Всего лишь слабая поляризация на частоте Реликта и размеры на пределе разрешения телескопа были причинами, по которым на аномалию не обратили внимание. Но, после обнаружения факта дрейфа, её стали исследовать.

Объект находился в созвездии Орла на расстоянии в 187 миллиардов километров или чуть больше семи световых дней. В диаметре составлял несколько километров. Попытки лоцировать во всех диапазонах не дали результата и говорили об отсутствии материи. Отражение

не возвращалось. Но объект следовал строго за центром масс местной группы звёзд. Явлению упорно стали искать научное объяснение, и его популярность росла.

По началу никто сильно не внимал призывам отправить к объекту кодированный сигнал с данными, свидетельствующими о наличии разума у отправителя. Но команда «настоящих буйных» подготовила такое зашифрованное послание. Оно не было подобным ушедшему на диске с «Вояджером», а просто содержало двоичный код, число Π и таблицу умножения.

Прошли ещё годы, пока удалось привлечь средства, разработать и задействовать оборудование для передачи максимально направленного кодированного радиосигнала большой мощности. И, после первой передачи послания, человечество получило шок.

В ответ от объекта пришло число в двоичном коде.

После выхода из шока начали развивать множество теорий «что бы это значило?». Числу дали имя «Mind». И объект возвращал его всегда, и на частоте отправителя. Это явно был какой-то ориентир. Стали повторять эксперимент и искать ответ объекта на других частотах. Первым делом прослушали частоты $1\,420 \cdot \text{Mind}$ и $1\,420/\text{Mind}$ МГц. Ничего. После этого сразу перешли к Реликту. И получили второй шок. Через 14,5 дней, на частоте $160.4/\text{Mind}$ ГГц в ответ пришёл пакет данных в двоичном коде.

Наутро человечество проснулось с осознанием того, что мы не одиноки во Вселенной.

Пакет начинался с трёх чисел: 2 048, 2 048 и 64, что явно было указанием на разрешение последующих кадров и градацию. Но вот продвинуться дальше с расшифровкой данных предыдущей цивилизации было не дано. И к задаче вернулись уже представители хомо континус.

При отображении на простейшем мониторе шли картинки со схемами. Сотни учёных включились в тяжелейшую работу по их изучению и расшифровке. Через несколько лет у нас были основы универсального языка. Ещё через несколько лет начали понимать смысл инструкций. Картина стала проявляться. И человечество назвало эту картину «Сетью».

На текущий момент нам известны следующие главные факты о Сети:

- * Обнаруженный объект является одним из информационных порталов и ближайшим к нам.

- * В Сеть входили цивилизации, одна из групп которых имеет сопоставимый с нашим уровень развития.

- * Кто построил Сеть, и по каким принципам она работает, ни одной цивилизации уровня развития, сопоставимого с нашим, неизвестно.

- * Далеко не все абоненты Сети способны воспринимать информацию, поступающую от других абонентов.

- * Обмен информацией осуществляется путём передачи в портал пакетов в строгом формате и получения ответных данных.

- * Обмен возможен после регистрации цивилизации в Сети.

- * После направленной передачи информации в нужном формате и с применением требуемого, в зависимости от её назначения, протокола, она могла быть помещена в глобальную базу Сети, или быть отправлена в очередь сообщений конкретным адресатам или группам.

- * Вся полученная порталом информация становилась доступна другим порталам мгновенно.

И это было следующим шоком для человечества — доказательство того, что существуют пути передачи информации на любые расстояния **мгновенно**.

Расшифровав формат и протоколы передачи информации, человечество зарегистрировалось в Сети со своим идентификатором и серией передач начало создавать собственную презентацию.

Рос Светл и Тон Шторм работали в Институте Контактных Структур, обеспечивающей обмен данными с Сетью и первичный анализ входящей информации, заведовал Рос. В ведении

Тона Шторма входило всё аппаратное и информационное обеспечение института. Кроме того – на обоих лежали исследовательские задачи в одной из самых интересных и перспективных областях.

Четырнадцать дней назад в портал отправили запрос на получение данных, поступивших в адрес Земли, и пакет запросов в базу Сети. Предстоящей ночью запрошенные данные должны прийти. На эту же ночь запланировали и отправку в базу Сети обновления презентации Земли, подготовленное пару дней до этого. Этот комплекс мероприятий и называли «контактом».

Рос не без усилий оторвался от исследований. Подходило время «контакта», а значит – нужно ждать гостей. Первым примчался Тон. Он был основным получателем запрошенной из базы информации.

– Ты как и не путешествовал в прошлое! Может мы жили на разных планетах? Или не было погружения? – встретил его Рос.

– Было, было! Интересный фильм посмотрел. Правда, без твоих потрясений. Не ожидал, что так эффектно всё получится! Молодец – Мира! Я думал, что она уже здесь?

– А мне теперь – только запись твоих погружений и смотреть. Мира не подпустит и близко к своему институту. Должна быть скоро.

– Ну, сам виноват!

Мира вошла крадучись.

– О! Я боялась, что здесь уже много людей!

– Смена подойдёт на просмотр презентации. Располагайся, Мира. Мы тут немного будем заняты. Не на долго!

Рос Светл подошёл к стене и перенёс график событий на свободное место, увеличив его.

– Итак, в два часа по местному времени и в 9 по Тибетскому мы загружаем пакет данных с вариантом нашей презентации на ближайший портал Сети.

Ещё одна вкладка с фрагментом карты неба была перенесена Росом на свободную часть стены и увеличена.

– Фактически это вариант презентации для группы из четырёх планет? – начал уточнять Тон.

– Пока да. По договорённости с ними. Но есть и другие цивилизаций, которые находятся на сопоставимом уровне развития. Мы хотим произвести сначала общее сравнение кратких историй, четырёх цивилизаций.

– Поиск общих закономерностей в прошлом, как статистических данных с целью вероятностного прогнозирования будущих ситуаций? Хорошо бы найти что-нибудь, что поможет Орну.

– В целом да. Но мы проанализировали много цивилизаций Сети, объединили их в группы по физиологической схожести и выделили наиболее близкую к нам, чуть отдалённую, и так далее. Пока приготовили информацию только для близкой к нам группе. Работаем над более сложными для цивилизаций, которым будут абсолютно непонятны эмоциональные составляющие, присутствующие в сегодняшней.

– За неимением возможности спрогнозировать эффект от восприятия таковые презентации, полагаю, фактически содержат только «сухие» данные?

– Да, пока именно так. Но даже при этом мы не уверены, что вся наша информация может быть воспринята адекватно. Это очень неординарная задача.

Первый пункт графика на экране замигал. Начался опрос энергосистем о готовности. Тон Шторм подошёл к другой стене и вывел несколько таблиц с детализацией данных и прочей информацией, которая из присутствующих была понятно только ему.

– Небольшой пакет получился. Мы вполне могли бы отправить его с орбиты. Мощности хватает с лихвой.

Для принятия порталом сигнал должен быть сфокусирован в пределах небольшого угла, а его мощность находится в определённом диапазоне. Оба эти показателя анализируются порталом, и неудовлетворяющие диапазону значений радиосигналы отсеиваются. Было нецелесообразно создавать энергетические установки требуемой для передачи любых пакетов в портал мощности на орбите или на Луне. Они бы простаивали большую часть времени. Потому, предпочитали потратить дополнительную энергию на прохождение атмосферы. Да и сама наземная станция, как и её обслуживание, была несравнимо проще.

Рос переключил панораму на Тибетскую обсерваторию, где солнце уже взошло, и горы застыли в торжественном сиянии. Изображение было не голографическим, но объёмным и настолько реальным, что, казалось, частично передавало ни с чем не сравнимое ощущение мира, название которого приводило в трепет душу, единожды его посетившего, – «Горы». Это был иной мир. Всё тот же земной, но уже очищенный от мелочных забот и тревог. Где и звуки, и воздух становились тише и прозрачнее, и, казалось, сама Земля начинала говорить шепотом, дабы не спугнуть возникающее ощущение приближения к мечте, – чему-то абсолютно светлomu, куда мы все стремимся и в конце концов должны попасть в результате всех наших земных трудов. И это ощущение было везде. И в относительно невысоких Пиренеях – рае для обретающих крылья, становясь на горные лыжи. Оно присутствует даже у древнейшего Иерихона на Горе Искушения, и, наверное, помогало ещё Христу устоять. И, конечно же, оно было здесь – в Тибете.

Слева от графика на экране побежала лента журнала событий, фиксирующая отчёты о выходе энергосистемы на требуемую мощность и готовности при необходимости взять энергию из сети. Кольцо гигантских антенн, уже сфокусированное на нужных координатах, незримо сопровождало портал. На несколько секунд в панораме зарыбились лёгкие помехи, и, казалось, вокруг антенн появилась пыль. Пакет информации ушёл по СВЧ-каналу.

–Теперь 37 минут ожидания входящего пакета данных. Персоналу понадобится минут 15 на первичный анализ. На эти приблизительно 50 минут, по просьбе дежурной смены института, мы запланировали коллективный просмотр отправленной презентации. Она будет открыта всем только завтра.

Смена института почти в полном составе уже собралась в кабинете у Роса.

Темнота стала рассеиваться. Знакомая землянам золотая заря проявляла вид на Средиземное море. На смотровой площадке, повернувшись в сторону первых проблесков лучей восходящего солнца, взявшись за руки, стояли парень с девушкой. На их лицах светились улыбки счастья. Сладкие минуты ожидания нового дня на столь любимой планете начинали презентацию.

Быстрая и приятная музыка вступила в композицию. Парень с девушкой повернулись к экрану и помахали руками. Вид стал медленно отдаляться, и когда горизонт отчётливо принял форму полукруга, на экране плавно проявилось радостное лицо Миры Крим, оставшись полупрозрачным. Мира создавала представление о родной планете как о живом существе – хранителе тепла, мудрости и счастья, щедро делящимся ими со своими детьми.

«Приветствую вас, далёкие братья по разуму!» – мелодичным и столь приятным для человеческого восприятия голосом произнесла Мира.

Вид стал отдаляться быстрее, облетая планету по траектории бумеранга. В обзоре появилось Солнце и опять исчезло. Зрители увидели Землю уже не такой красивой, а с серым и красноватым оттенками. Внизу слева появилось изображение Галактики Млечный Путь с наложенным циферблатом и отрицательной цифрой на языке Сети, отображающей галактическое время. В правом нижнем углу появилась схема со вращающейся вокруг Солнца Землёй и отрицательной цифрой на языке Сети, отражающей годы изначально в миллионах. Лицо Миры исчезло, а музыка сменилась на медленную и тревожную. Фокус приблизился к Земле,

и начался её облёт. Отсчёт времени побежал сокращаться от 4-х миллиардов земных лет и 18-и галактических.

Первобытный океан на недавно остывшей мантии в свете ядовитой атмосферы занял нижнюю половину экрана. В верхней половине побежали сменять друг друга образы первых одноклеточных. Человеческому глазу было трудно сосредоточиться на одном из них, но данные передавались в хорошем разрешении, и при покадровой обработке информация была полной.

Эоны Криптозоы пробежали довольно быстро. Формы вверху экрана заметно усложнялись и перешли из прокариотов Эоархея в строматолиты Мезоархея. Начали появляться первые островки суши. Музыка зазвучала веселее и оптимистичнее. Суши становилось всё больше, океан и атмосфера – всё светлее, и с достижением отметки в минус 2,5 миллиарда лет всё предвещало скорую «кислородную катастрофу».

Начало Протерозойского эона. Грибки и губки стали сменяться первыми аэробными формами. Быстро пробежало наступившее в результате парникового эффекта оледенение. Проскочили некоторые более сложные анаэробные сприггины и другие обитатели океана. Потом появились первые цианобактерии. Из островков суши сформировался первобытный континент, и всё резко засияло, ознаменовав свершение «кислородной катастрофы».

Промелькнули примитивные формы жизни доледникового периода. И с приближением к отметке минус 900 миллионов Земля стала покрываться льдом, который вскоре дошёл и до экватора. Всё оставалось белым до 600 миллионов лет и потом начало таять и возвращаться к привычному виду воды и суши. Наступил Палеозой. Первые примитивные животные с твёрдым наружным скелетом.

Вид на Землю вновь отдалился, и во второй раз пошёл по траектории бумеранга. Вдруг сбоку появился чуть наклоненный световой столб и стал двигаться по экрану. В момент прохождения через него Земли произошла вспышка – первый эволюционный скачок, или **обновление программы эволюции**, названный «Кембрийским взрывом».

Точка наблюдения приблизилась к Земле, и облёт продолжился. Формы жизни были уже гораздо сложнее. Отметка времени прошла минус пятьсот миллионов, и в верхней части экрана пробежало многообразие членистоногих, иглокожих, моллюсков и, наконец, хайкоуихтис с глазами, скелетом и мозгом. Стали появляться и первые обитатели суши – лишайники.

Минус четыреста миллионов. Жизнь усложнялась и на суше, и в море. Папоротники сочетались с первыми амфибиями. Суша стала значительно красивее с появлением первых лесов Девонского периода. А морские обитатели были уже большей частью рыбами и даже огромными хищниками типа плакодерма и динихтиса, достигавших в длину 8–10 метров.

Минус триста миллионов лет. На суше огромные леса с некоторыми представителями высотой до 35 метров, но ещё не такие красивые, как в последние эпохи. И стали появляться первые обитатели воздушной среды. Громадные стрекозы каменноугольного периода. Амфибии превращались в рептилий и уже могли откладывать яйца. Но очень жаркий и влажный климат вёл к новому ледниковому периоду. Ледники стали приближаться к экватору, и жизнь на Земле замерла в ожидании Пермского периода.

Минус 280 миллионов лет. Ледники отошли, но на месте болот были уже пустыни. Амфибии вымерли, и их место заняли рептилии, увеличиваясь в размерах и принимая угрожающий вид. И среди огромного множества видов рептилий стали появляться необычные – теплокровные. Первые представители млекопитающих делали попытки завоевать «место под солнцем».

Вид вновь удалился от Земли, и начался очередной облёт по траектории бумеранга. Земля прошла через очередной световой луч, и произошла новая вспышка – символическое **обновление программы эволюции**. А вслед за ней огромный метеорит врезался в Землю. Земля стала тёмной. В верхней части экрана очень быстро промелькнули тысячи слайдов с живыми существами перечёркнутые красным крестом. Это было «пермское вымирание» 250 миллионов лет назад. Постепенно пыль рассеялась, фокус приблизился к планете, и начался

облёт огромного океана, единого материка Пангея и выживших существ, перебравшихся в Мезозойскую эру.

Климат стал более жарким и сухим, и настала эра динозавров. Множество их видов, поначалу небольших, пробежало в верхней части экрана. Отдельная группа дала начало полноценным млекопитающим. Растительный мир также сильно изменился. Это были более привычные нам леса, хотя преимущественно хвойные и папоротники.

Минус 210 миллионов лет. Точка наблюдения вновь отдалилась от Земли, и единая Пангея распалась на несколько материков, ознаменовав новое массовое вымирание видов в конце Триасового периода. Настал Юрский период. Климат жаркий и влажный. Материки продолжают расходиться. Появляются первые муссоны и реки. Динозавры быстро вырастают в размерах и становятся такими, какими мы их сейчас обычно представляем.

Минус 150 миллионов лет – начало Мелового периода. Суша расцвела цветами. На разделённых континентах появляются собственные виды животных. Промелькнули хорошо узнаваемые образы зауроподов, тираннозавров, цератопсов... Первые млекопитающие ещё не играли заметной роли в жизни планеты, но их численность увеличивалась. Появились и росли в размерах крылатые ящеры и первые примитивные птицы. В океане происходили свои изменения. Ихтиозавры и плиозавры уступали место мозазаврам.

Минус 66 миллионов лет. Вновь начался облёт планеты. Огромный метеорит врежется в Землю, погружая её во мрак, и дополняет катастрофу начавшаяся огромная вулканическая активность. **Программа эволюции обновлена.** Очередное массовое вымирание видов, после которого никто из крупных практически не уцелел. В начале Кайнозоя не осталось животных крупнее крокодила. Климат был умеренным и тёплым. В воздухе уже господствовали птицы. А на Земле, в соответствии с последним обновлением программы эволюции, начал расцвет млекопитающих.

Вечнозелёные тропические леса Палеогена стали уступать место листопадным. Появились ледяные шапки на полюсах. На суше главенствовали представители индрикотериевой фауны, в воздухе – птицы. В морях появились китообразные. Разнообразие млекопитающих быстро росло. Уже существовали первые представители копытных, слонов, грызунов, приматов, рукокрылых. Чуть позже промелькнула и маленькая лошадь.

С отметки в минус 43 миллиона климат стал прохладнее. Джунгли начали уступать редколесью и пыльным равнинам. Млекопитающие становились больше, но многие из них после изменения климата вымерли. На смену стали приходить предки уже некоторых современных видов: носорогов, лошадей, свиней, верблюдов и кроликов. Многие не дожили до наших времён. Это были гигантские травоядные ростом до 5 метров и весом до 17 тонн. И хищники, такие как энтелодон и гиенодон.

Появляются гигантские равнины со злаками. Минус 25 миллионов – Неоген. Млекопитающие всё больше стали походить на живущих в наше время, но не все. На экране промелькнули мастодонты, гиппарионы, саблезубые тигры.

Минус 15 миллионов – Миоценовая эпоха. Огромные степи. Зубы и пищеварение отдельных видов адаптируются к поеданию злаков и грубой растительности. Быки, олени, лошади. Их уже стада. Образуются Альпы, Гималаи, Анды.

Минус три миллиона лет – Плиоценовая эпоха Неогена и Кайнозоя. Климат становится более разнообразным. Две Америки соединились, и развивавшиеся миллионы лет отдельно виды животных слились в «великом переселении». И первый раз в верхней части экрана промелькнуло человекообразное существо – австралопитек. Как предвестник нового обновления программы эволюции, или «эволюционного скачка», вновь началось массовое вымирание видов, не сумевших приспособиться к изменениям климата.

Минус 2,5 миллиона лет – Четвертичный период, новое оледенение и новые испытания для живых существ. Мамонты покрылись шерстью, и у животных появился слой подкожного жира. Виды продолжали вымирать.

Минус пятьсот тысяч лет. Ледниковый период. Фокус отдаляется от Земли, и в момент пика траектории бумеранга Земля проходит через огромный световой столб. Новая, более яркая, чем предыдущие, вспышка – и новый, более масштабный **ЭВОЛЮЦИОННЫЙ СКАЧОК** – появление примитивного разума и его первых носителей – неандертальцев и меньших по численности предков хомо сапиенс. Использование огня, коллективный образ жизни, первые примитивные орудия труда, первая примитивная медицина и забота о ближнем. Это были уже не животные, но ещё и не люди в нашем понимании и даже в понимании хомо сапиенс.

По окончании ледникового периода первобытные люди стали вытеснять многие виды, помогая вымиранию. Они распространялись по всей Земле, завоёвывая территории для будущих носителей первобытного разума. Хотя, с точки зрения генетики, *неандерталец не являлся предком хомо сапиенс*, но Землю к его заселению он подготовил.

И вот в минус 35 тысяч лет фокус в очередной раз отделяется от Земли. И очередной столб света сопровождается ещё более мощной вспышкой в момент его прохождения. **ЭВОЛЮЦИОННЫЙ СКАЧОК** превращает предка хомо сапиенс непосредственно в хомо сапиенс. Программа дальнейшей эволюции обновлена. Человеку дано сознание и обязанность его развивать, делая выбор ежедневно, ежечасно и ежеминутно. И чем осмысленнее человек будет делать выбор, тем больше перспектив у вида сохраниться в процессе эволюции.

Всё изменилось. Всё стало несравнимо сложнее. Фокус вернулся к облёту планеты. В верхней части экрана в течение нескольких минут промелькнули основные виды, населявшие Землю до начала 22 века нашей эры. В нижней пробежали сцены из быта первых общин хомо сапиенс, от охоты на мамонтов до обучения детей и постройки жилищ. Усложнились орудия труда и строения, появлялись первые коммуникации в виде каналов с водой. В то же время никуда не исчезнувшая животная сущность предков заставляла вступать в конфликты и отвоёвывать места существования у себе подобных.

Вид остановился на том же расстоянии, как и в начале презентации. Отсчёт времени замедлился в сотни раз. Вновь появился полупрозрачный образ Миры, и она начала повествование.

«Человечество далеко не всегда было таким, каким мы видим его сейчас. На старте эволюции данный человеку разум делал первые попытки доминировать над приобретёнными за миллионы лет животными инстинктами. Это была упорная, часто очень трагичная и продолжительная борьба. На пути к вершинам торжества разума мы неоднократно проходили такие периоды падения, вспоминать о которых не только больно и страшно, но и стыдно и горько. Но такова была наша участь, и мы должны были пройти этот путь. Путь, временами полный слёз, горя и крови.

Долгие тысячи лет счастье как отдельного человека, так и человечества в целом сводилось к коротким передышкам между боями. Боями с тёмной звериной сущностью, унаследованной от исходных видов, в которую нас с чудовищной силой увлекала деградация, пользуясь каждой нашей слабостью, ошибкой, падением в результате усталости или недоразвитости. Животный страх перед поставленными перед человечеством задачами и требуемым объёмом труда на уровне самопожертвования предательски заставлял нас, подобно примитивным животным, прятать голову в песок в попытке убежать от действительности.

Тысячелетиями тёмная сила сопротивления энтропии пыталась представлять данный человеку разум как тяжкое обременение обязанностью его применять и причину всех бед. Неприятие возложенной на человека, как на разумное существо, миссии внедрялось в поколения людей на подсознательном уровне, заставляя уничтожать вокруг себя всяческие проявления гениальности, одарённости и просто стремления не скатываться на животный уровень

существования. Древний инстинкт самосохранения, позволяющий выживать отдельной особи, вступал в конфликт с нормами поведения популяции разумных существа на каждом витке развития общества, в каждой цивилизации, в каждом строе, периоде, стадии.

Более глубинной причиной конфликта являлось фундаментальное противоречие накопительной функции основной массы популяции с новаторской миссией избранных. Функции фильтрации всего нового, с целью отсеивать патологичные направления, защищая популяцию от вредных мутаций, с миссией нести прогресс и обеспечивать развитие вида. От качества накопленного материала зависела и реакция на новое – «обратная связь». И на обновления этого качества во все времена уходили огромные человеческие жертвы.

Существование данного противоречия не оправдывает добровольное скатывание наделённых разумом существ на скотский уровень. Частично, это явление можно оправдать тем, что люди ещё не понимали, для чего они живут. Смысл существования человеческой особи сводился, в лучшем случае, к воспроизводству и борьбе за блага для своих потомков. В худшем – к получению сиюминутных наслаждений от физических удовольствий, выплеска эмоций, власти, удовлетворения животных потребностей. И программа эволюции работала таким образом, что лишь немногим, способным оценить всю важность полученного ими дара – разума – и достаточно упорным в желании применить его по прямому назначению, удавалось неимоверными усилиями пробиваться через стену из агрессивных деградации и невежества.

Подобно эволюции первых форм жизни эволюция разума шла очень медленно, неоднократно проходила тёмные времена и подвергалась вымиранию. Долгие тысячи лет человечество балансировало на грани между возможностью получить будущее и опасностью быть полностью уничтоженным. Тысячи лет унаследованная животная сущность безжалостно уничтожала все данные человечеству откровения и приносимые инструкции, как построить мир, в котором торжествуют справедливость и любовь.

Но мы смогли выстоять и пробить дорогу через стену первобытного зла в наше Светлое Будущее. Ценой больших жертв и усилий. Далеко не все, но наиболее прогрессивная часть человечества прошла через все испытания. Закончились реки слёз, крови и горя.

Так работает программа эволюции. Об основных этапах и наиболее ярких моментах нашей трудной борьбы за право существования и за великое будущее я хочу сейчас кратко рассказать.

Люди воевали друг с другом во всех предыдущих эпохах. Вначале это было наследием животной сущности, которой только что привили разум и заставили осознавать своё «Я». Животная сущность предлагала единственный путь получения территорий и источников существования – ликвидация владеющих ими. Люди не научились решать абсолютно все разногласия иными, чем война, путями вплоть до начала текущей эпохи. Но в ранние времена жестокость была нормой.

Когда люди ещё не осознавали ценность человеческой жизни, они относились к себе подобным как к животным. Любой перевес в силе, любое превосходство приводили к проявлению насилия и жестокости. Во времена изобилия люди убивали людей ради удовольствия. В более сложные времена – использовали в качестве рабов или жертв богам. Осознанию ценности человеческой жизни пришлось пробиваться через кровь долгие тысячи лет. И это было первой важнейшей задачей для возрастания первого примитивного разума».

На экране проскользнули тяжёлые сцены из мрачного прошлого человечества. От войн первобытных племён через гладиаторские бои и толпу, кричащую «хлеба и зрелищ». Через толпу, кричащую «распни его», и терновый кровавый венец на голове Христа. Через рабов на африканских плантациях и толпы голодных и обездоленных. Крестовые походы, сжигание ведьм и прочие зверства инквизиции. И завершилось всё ужасом тюрем и войн 20–21-го веков. Постановщикам удалось уместить море слёз и крови в полминуты. Нельзя было более затягивать негатив.

«Выстоять в глобальной войне разуму помогло понятие, которое было определено ещё до человека – “Справедливость”. Это сейчас мы отводим ей место среди базовых принципов в основе устройства наблюдаемого нами мира рядом с логикой и математикой. Но это базовое понятие, подобно волнам, не существует вне среды, в которой оно в состоянии распространяться. Среда животного мира, где по программе эволюции всё подчинено главной задаче – выживанию и естественному отбору, не способна быть проводником справедливости. Первое человечество возникло в данной среде, но не смогло бы в ней выжить как вид разумных существ. И у нас не было выбора, кроме как перестраивать среду существования. И мы с переменным успехом дели это.

В 20-м веке прошлой эры была осуществлена попытка построить общество справедливости. Это кардинально отличалось от всего, что было ранее.

Организация общества уже многие тысячелетия основывалась на созданной людьми инфраструктуре, называемой “государство”. В его основе присутствовал механизм наделения отдельных личностей функциями власти, распределения благ и решения судеб других людей. И эти личности не могли быть из иного – лучшего мира. Более того, во все времена во власть прорывались те представители общества, которые, в силу отсутствия или ослабления принципов, отсталости интеллектуального и духовного развития, были в состоянии перешагнуть через моральные устои, называемые совестью и порядочностью. Жажда власти и доступа к создаваемым благам делали их готовыми на всё. Те же, немногие, которые стремились во власть с открытым сердцем и с неподдельным желанием принести пользу людям, уничтожались беспощадно.

Контраст жадности и наглости власти со степенью обнищания и униженности простых людей не мог расти бесконечно. Наступал предел. Целые страны заливались кровью. Власть сметалась. И это называлось революцией. Только люди в революцию качественно не менялись, и со временем всё повторялось снова.

В начале 20-го века прошлой эры общество в очередной раз было доведено до края. Группа единомышленников, из лучших побуждений и горя неподдельным желанием дать людям достойную жизнь, решила провести управляемую революцию и построить новое общество, основанное строго на принципах справедливости. Построение намечалось в два этапа, которым соответствовали два общественных строя: “Социалистический” и “Коммунистический”. А основополагающими принципами справедливости являлись: “От каждого по способностям, каждому по труду” и “От каждого по способностям, каждому по потребностям”.

Вооружившись такой упрощённой и абсолютно ясной целью, они воспользовались ситуацией, стали во главе народа и свергли полностью деградировавшую власть.

Успех был основан не только на крайнем обострении противоречий, но и на глубокой стадии идейной и духовной деградации, в которой общество прибывало. Дискредитировавшие себя сращиванием с властью и искажением устоев веры религии не имели никакого влияния на умы людей. Перед новыми вождями оказалось фактически чистое ментальное пространство, которое они заполнили “высокими” идеями из собственных представлений об устройстве мира. Понятие справедливости было поставлено во главу, и именно оно обеспечило требуемую поддержку. На самом деле ставка делалась на основную массу народа, чьи глаза способны загореться от такой извращённой трактовки идеи справедливости, как “взять всё и поделить”.

Игнорируя постулаты о ценности человеческой жизни и любви к ближнему, часть населения бросилась строить светлое будущее на костях своих соплеменников. Такая огромная цена, казалось, дала положительный результат. Это было единственное за всю историю общество, в котором действовал один из главных принципов справедливости: “общество не может быть счастливым, пока в нём несчастлив хоть один человек”. И это было единственное время, когда на улицах отсутствовали нищие и бездомные, не существовало голодных и раздетых. Но ценой всему являлась обязательная лояльность власти и полное искоренение инакомыслия.

Требуемая однородность массы достигалась путём отрицательной селекции, уничтожением всего прогрессивного, использованием склонных к проявлению индивидуальности личностей в качестве бесплатной рабочей силы в лагерях и на «стройках века», где все они были уничтожены. Искоренение новаторской части общества неминуемо привело к застою и очередному тупику в его развитии.

Заявленное равноправие оказалась ложным. Противоречия, приведшие к краху всех предыдущих систем, стали проявляться и в “обществе справедливости”. А масштаб лицемерия и обмана превосходил все мыслимые пределы. Воодушевлённые высокими идеями люди проявляли небывалую жертвенность. Их героизм позволял поднимать из руин страну после войн и побеждать в этих войнах тех, кого не мог победить весь остальной мир. Но всё, что было добыто невероятной ценой, попадало в руки собственных предателей, готовых на всё, чтобы удержать власть. И деградация опять победила. Но выиграла она только очередную битву.

Мы всё больше стали понимать, как работает программа эволюции. Главная проблема заключалась в том, что для основной массы населения была искажена или полностью закрыта информация о целях, к которым должна стремиться популяция истинно разумных существ. А главное – они не старались осознать это, и не предпринимали попыток вырваться из замкнутого круга войн и страданий. Предпочитали верить в “хорошего царя” и в счастливую жизнь сытых рабов.

С точки зрения отсутствия знания о том, что мы строим прежде всего своё будущее, а не только будущее потомков, мы практически не отличались от животных. И время для этого ещё не настало.

После неудачной попытки построить всеобщее счастье командным путём наступила другая эпоха. Мы называем её “эпохой позора”. Свободное от дискредитировавших себя высоких идей и в отсутствие новых общество бросилось бесконтрольно пожирать всё созданное героическими усилиями предыдущих поколений, не создавая взамен ничего непатологического.

Получив лёгкий доступ к дешёвым благам цивилизации, люди поголовно превратились в зависимых от них приматов и проявляли рекорды поголовной трусости, боясь потерять мнимые атрибуты благополучия. Деградировавшая власть, осознав эту трусость и готовность народа терпеть до конца, наращивала фискальные органы, усиливала репрессии и искореняла любые инакомыслие, проявление индивидуальности и свободолобие.

Вся экономика подчинялась единственной глобальной задаче – созданию финансовых потоков. И туда, как в канализацию, под руководством армий всевозможных менеджеров, сливалось всё – от простых, но эффективных производств до космодромов, медицины и науки в целом. И настал момент, когда сливать в эти потоки стало более нечего. Остались только сами люди. И власти начали сливать удивляющихся – “за что” людей.

Индустрия пропаганды и обмана полностью уничтожила остатки разума. Население ещё не называли открыто скотом, но всё поведение власти об этом свидетельствовало. Не оставалось сомнений в том, что результатом демонстративного и безграничного раболепства станет очередная бессмысленная война, в которой утилизируют избыток “пушечного мяса”».

На экране сменялись ужасающие сцены из реалий начала 21 века прошлой эры: снесённые ракетами мирные города, миллионы беженцев, избивание полицией демонстрантов, мусорные свалки, шокирующий ужас больничных палат, одурманенные алкоголем и наркотиком подростки, массовое бегство от действительности в смартфоны и компьютерные игры, бедность и нищета африканских стран, слёзы, океаны слёз и тысячи рук в отчаянье взывающих к небу. Рук тех, кто понимал суть происходящего, и чья неподдельная человеческая сущность изнемогала от духовной и моральной боли, но не позволяла вместе с остальным человечеством падать в пропасть «мерзости запустения».

Образ Миры исчез. Фокус отдалился от Земли и пошёл по траектории бумеранга. Новый световой столб был шире предыдущих и несравнимо ярче. Вспышка при прохождении через

него временно сделала экран белым. **Последний эволюционный скачок и обновление программы.** Пелена медленно рассеялась, и обозрению представилась уже другая планета. В ярких красках и сиянии ауры атмосферы. Завораживающая и оптимистичная музыка сопровождала приближение фокуса и проявление образа Миры.

«Не многим из нас было дано это счастье – возродиться в новом, несравнимо лучшем мире на своей же планете, но очищенной от горя и слёз. Нескольким десяткам миллионов прошедших через эволюционный скачок было открыто знание, которое позволило выйти на трудную, но абсолютно ясную дорогу в наше великое будущее. Это было уже не зашифрованное откровение о бессмертии души, а чёткое осознание множества наших воплощений в представителях земного вида и способность вспоминать прошлые жизни для привлечения того или иного опыта.

Эволюционировать смогли те, кто был в состоянии осознать своё предназначение как истинного носителя разума и, главное, оценить этот дар бессмертия. Те, кого этот дар мог воодушевлять на радостный путь созидания и развития. Те, кто своими предыдущими жизнями показали готовность и способность понимать мир, видеть красоту, любить, жаждать справедливости, следовать светлым идеалам, которые изначально были заложены в каждом из нас. И, конечно же, те, кто был в состоянии понимать и возложенную на нас ответственность. И прежде всего за оставшихся там – в прошлой жестокой эпохе. Кого мы должны один за другим проводить в наш мир, придавая им требуемые качества».

Облёт планеты приблизился к поверхности. Всё те же внешне, но уже абсолютно иные по сути, люди с просветлёнными, радостными лицами, порой со слезами на глазах. Слезами счастья и слезами скорби от пережитых за тысячи лет испытаний. Скорби по оставшемуся «за порогом» человечеству. Полные решимости идти вперёд – в новое будущее нового человечества. Будущее без боли и слёз, где радость труда и стремлений не омрачена неподъёмной тяжестью животного бытия и страха перед завтрашним днём. Люди выходили на площади, брали друг друга за руки и шли в направлении зари нового дня на новой планете. Вид плавно переходил на людей на рабочих местах: инженеров, учёных, строителей, врачей, учителей, и на фоне этих кадров расцветала планета.

«Новому человечеству в наследие осталось достаточно ресурсов для того, чтобы не отвлекаться на проблемы с пропитанием, коммуникациями, энергетикой. Но нам дали и в разы больше. В дополнение к разуму, очищенному от страха смерти и голода, от агрессии и всеяческой злобы, алчности и корысти, прочих проявлений ущербности первых биологических видов с привитым разумом, у нас уже были:

* элементы телепатического общения, позволяющие посылать оповещение об опасности, необходимости связаться, или запрос о помощи;

* новое фундаментальное представление об устройстве мира, открывающее доступ к неограниченным и безопасным источникам энергии и перелётам со скоростью до 5/6 скорости света;

* время без войн, которое мы могли посвятить только созиданию.

Согласно выработанному стратегическому плану на ближайшие столетия перед новым человечеством стояли следующие задачи:

1. Создание новой инфраструктуры уже не власти, но с аналогичными двумя ветвями для разработки и принятия решений, с одной стороны, и планирования и управления реализацией – с другой.

2. Разработка новой квантовой энергетики и полный отказ от использования старых вредных источников: углеводородных и ядерных.

3. Разработка новой системы беспроводных коммуникаций и полная ликвидация радиосвязи там, где её можно заменить на оптику.

4. Ликвидация всех вредных производств и полная утилизация ядерных отходов и сырья.

5. Перенос жилого сектора в несколько южных регионов и постепенное повторное освоение всех оставшихся территорий планеты с ликвидацией ветхих объектов, строений, коммуникаций и созданием новых.

6. Замена всей транспортной системы на новую с применением квантовых и электрических двигателей, позволяющую с максимальным комфортом и скоростью добираться в любую точку планеты.

7. Возврат сельского хозяйства и пищевой промышленности к натуральным стандартам. Организм хомо континус отторгал мясо животных и птиц, генно-модифицированные и содержащие химию продукты.

8. Создание новой медицины. Планета вновь стала для людей естественной средой обитания.

9. Полная замена системы образования и воспитания.

10. Изучение и освоение ближнего и дальнего космоса, создание космических кораблей нового типа, средств сканирования и изучения широкой массы объектов и явлений во Вселенной, системы безопасности, позволяющей отражать угрозы извне.

Представители нового общества, свободные от меркантильности и всевозможных зависимостей, получили небывалое ранее счастье самореализации. Делать что-то “для души” и не страдать от нищеты в 21 веке прошлой цивилизации было сложно. Для людей новой эры труд является не только потребностью, но и источником радости и жизненных сил.

Человеку предыдущей эпохи было невозможно представить действительность без политики, войн, силовых структур, тюрем, продажных СМИ, лжи, лицемерия, маркетинга, менеджмента, курения, алкоголя, мясоядения, прочих проявлений, неприятие которых на подсознательном уровне было заложено у хомо континус. Практически это были уже различные виды живых существ.

В течение года была создана первичная структура управления, проведена инвентаризация пригодных для употребления пищевых запасов, одежды и предметов первой необходимости, составлен список существующих производств, которые некоторое время требовалось поддерживать в работоспособном состоянии. Население переехало в южные регионы страны, что позволило остановить большую часть вредоносной энергетики и производств. Большая часть планеты вновь превратилась в перспективные для освоения территории.

Сносить пришлось всё. Любые шедевры архитектуры и памятники истории не могли стоять тысячелетиями. На месте наиболее выдающихся возводили голографические или полномасштабные копии. Современной технике и строительным технологиям не составляло труда сделать это. Но современное искусство и архитектура ушли далеко и стали более совершенными».

На экране появлялись современные жилые зоны субтропиков. С перемещением на север старые города с трущобами и небоскрёбами символически рассыпались, а на их месте возникали здания новой изысканной архитектуры, в которой ни один элемент не создавался без вписывания в общий эстетический замысел и грандиозный вид.

«Телепатические способности и основы коллективного разума позволяли быстро и максимально эффективно организовывать учёт и управление. До настоящего времени функции выработки решений и ответственность за них возлагаются на многоуровневые Советы. Но иерархия вниз ветвится не территориально, а по сферам деятельности. По тем же принципам построена и иерархия исполнительных органов управления. Только вместо Советов, участие в которых для большинства выбранных членов является неосновной деятельностью, и которые функционируют от сессии к сессии, в управлениях работают профессионалы и на постоянной основе».

На экране появлялись залы для высших сессий Советов, которые использовались в самых торжественных случаях, заменяя традиционные виртуальные собрания и совещания. Лица

председателей не были столь каменно-непреступными, как у правителей прошлых времён, но мудрость особым свечением глаз заставляла проявлять уважение к людям, взявшим на себя огромную ответственность. Подобно заповедям на скрижалях, образ первоочередного плана развития проявился на несколько секунд, и облёт планеты продолжился.

«Основная часть населения и в настоящее время сосредоточена в жилых зонах широты Средиземноморья. После прекращения загрязнения атмосферы и снижения парникового эффекта климат на Земле стал более тёплым и умеренным. И мы осуществили комплекс мероприятий по его дополнительному изменению. Были тщательно рассчитаны, смоделированы, проверены и реализованы проекты создания огромных каналов для коррекции схемы циркуляции воды на планете. И проекты изменения ландшафта для коррекции воздушных потоков. В результате тёплые луга и степи дошли до 60-й параллели, и ослабили кольца пассатных ветров, что позволило превратить большую часть пустынь в цветущие сады. Ураганы и тайфуны абсолютно ушли в прошлое. Возможности для выращивания сельскохозяйственных культур на суше и в море без применения вредоносных химических удобрений и генных технологий увеличились многократно. И ни один тихоокеанский остров не ушёл под воду».

Сеть каналов на экране прорезала планету, изменялись, где нужно, возвышенности, стихали ветра, планета зеленела и расцветала. Поля всевозможных культур, пастбища молочного скота, дикие табуны и восстановленные виды, бескрайние степи выше на север.

«Новая квантовая энергетика позволяла создавать компактные источники питания огромной мощности».

На экране превращались в пыль старые электростанции, производства, всё, что имело визитной карточкой высокие коптящие небо трубы. Огромные водохранилища ГЭС растекались каналами по территориям, удалённым от рек.

Схемы современных квантовых генераторов с наборами формул отображались в верхней части экрана. Показывались инструкции для монтажа различных типов источников. От огромных – в огромные здания, до меньших – в поезда и индивидуальные средства перемещения.

«Важным достижением явилось создание мини-объектов сингулярности, позволяющих брать любую материю и преобразовывать в направленный выброс вследствие полученного эффекта “переедания”, который в природе наблюдается у сверхмассивных чёрных дыр. Эксперименты с управляемой сингулярностью позволили создать мощное оружие для систем защиты от астероидов как на орбите Земли, так и на космических кораблях. Сами же космические корабли с двигателями, использующими напряжённость поля квантованного пространства, позволяли развивать любую скорость, доступную для объекта материального мира.

Человек уже не является рабом вещей. Необходимость в индивидуальных средствах передвижения сократилась до уровня, когда редкая надобность в них удовлетворялась вызовом из парка. Для большинства людей добираться с работы в жилую зону можно или пешком, или очень быстро на общественном транспорте. Как и в любую обжитую точку планеты».

Рос вспомнил тяжёлые реалии прошлого, увиденные в погружениях. Транспортное безумие на дорогах не только забирало огромное количество жизней, но и приносило более масштабный вред – миллионы людей с хронической озлобленностью и более разрушительными повреждениями психики в результате ежедневного нахождения в среде раздражителей, коими являлись несовершенные дороги, многократное превышение их пропускной способности, окружение других людей, несовместимых по темпераменту, интеллекту, взглядам на жизнь и прочим особенностям. Концентрация противоречивых личностей и их жизненных обстоятельств в одном месте – на дороге – превышала безопасный для психики уровень в разы, что потом влияло на все остальные аспекты человеческой жизни.

«Сеть поездов, траволаторов и эскалаторов оснащена информационной системой с доступом из любой точки, которая предоставляет интерфейс интуитивных запросов с задействованием телепатических способностей современного человека. Мы уже не задумывается – откуда

известно – на какой станции необходимо сойти и в каком направлении двигаться. Схема появляется в голове после мысленного представления места назначения и запроса в транспортную информационную систему. Многоуровневые развязки, многочисленные в жилых зонах, в принципе исключают пересечение пешеходных и транспортных путей. А уровень шума и не напоминает о существовании рядом транспортных коммуникаций.

Что же касается личных вещей, любая требуемая для обихода может быть получена очень быстро на заказ и утилизирована или отправлена в парк для последующего использования».

Контраст нахлынувших воспоминаний о безумиях общества потребления вновь отвлек Роса от презентации. Сейчас никому в голову не пришла бы идея приобретать что-то только для удовлетворения желания обладать. И, тем более, тратить на подобные вещи часть жизни и здоровья. Создание и приобретение вещей, в которых нет реальной необходимости, отнимает у человека и человечества хоть немного, но ресурсов и времени, которые могли бы быть потрачены на более полезные цели. Сознательный аскетизм присутствует у современного человека с рождения.

Это совсем не означает, что люди не умеют ценить и беречь. А ровно наоборот. Ни у кого не поднимется рука просто что-то ломать или изливать на вещах зло, которое само по себе стало атавизмом, особенно если к созданию вещей были приложены старания людей, а не автоматов на конвейере. Как говорили ранее: “Если человек вложил часть души в то, что он создаёт, то для других этот объект воспринимается частично живым”.

Но так было не всегда. Трудно поверить, что в предыдущие эпохи люди ненавидели то, что они делали, создавая для продажи океан изначально покалеченных вещей такого низкого качества, что вложенная в них не часть души, а съедающая человека злоба, передавалась тем, кто эти вещи покупал и пытался ими пользоваться.

«Идея, что мы не одиноки во Вселенной, никогда не оставляла людей. Не оставляла надежда на то, что огромная семья из множества цивилизаций ждёт нашего появления и обладает несравнимо большим опытом и средствами в достижении наших общих целей. Но наши знания об устройстве вселенной и представления о космосе, вакууме и материи воздвигали непреступную стену из расстояний, непреодолимых не только для перемещения, но и для информации. Это не останавливало некоторых из нас, чья Вера в безграничные возможности разума и в наивысший, пока ещё скрытый, смысл нашего существования, давала силы искать, не останавливаться и надеяться, что, как и во многих других ситуациях, в этой непробиваемой стене найдётся дверь, о существовании которой мы пока и не предполагаем. И сотни лет неустанных поисков были вознаграждены. Человечество получило откровение о том, что мы не только не одни во Вселенной, но и не в первой сотне влившихся в огромную семью цивилизаций».

Картины земных обсерваторий, радиотелескопов и множества людей, с надеждой смотрящих в небо. Пролетающие в облаках столетия, люди у мониторов, вблизи телескопов, огромные массивы цифр на экранах, океаны информации для анализа. И, наконец, – вспышка и сияющее кольцо на фоне Вселенной. Мир озарился новой эпохой – Эрой Сети.

«Теперь мы знаем, что только в начале пути, и что кто-то ушёл так далеко, что возможность общения с нами потеряна. И что кто-то находится позади нас, пытается решить проблемы, которые и мы проходили, и наш долг – помочь им. Тот немислимый объём данных, к которому мы получили доступ, уже дал возможность продвинуться во многих областях. Огромный коллектив людей в упорном труде пытается анализировать и раскрывать смысл получаемой из Сети информации, сортировать её, передавать теоретически возможную для осмысления другим профильным группам учёных, а неподдающуюся анализу сохранять для будущего изучения.

С недавних пор мы стали принимать участие в проектах Сети по оказанию помощи другим цивилизациям. Именно с этой целью отправлена к планете Крее, или Росс-128 b в земном каталоге, последняя 33-я Звёздная экспедиция.

Осознание величия и возможностей огромной семьи цивилизаций Сети заставляет нас прилагать больше усилий, чтобы вливаться в неё и вносить свой вклад. Показывает, насколько ограничены мы, находясь всё ещё на пороге этого огромного мира, по сравнению с тем, что ожидает нас в нашем общем будущем. И какой потенциал знаний, технологий и открытий мы можем освоить вместе».

Вновь появилось плато у Средиземного моря. Утро уже наступило, и яркий солнечный свет оживил мир. Парень с девушкой протянули руки к зрителям. Образ Миры вышел на первый план.

«Такова наша краткая история. Мы зовём вас – сливайтесь с нами в Сети Цивилизаций, чтобы нести во все концы необъятной Вселенной могучую силу разума!» (И. Ефремов)

Дежурная смена Института контактов неспеша расходилась по рабочим местам, награждая улыбками Миру Крим.

Входящий пакет данных ещё не пришёл, и Тон Шторм начинал проявлять нетерпение. Он выводил те или иные данные и не мог терять не минуты впустую.

– Тон, ты запросил большой объём. Только первичный анализ и сортировка займут время. Презентация тебя, явно, не впечатлила...

– Это не так, Рос. Ты же знаешь. И это – моя единственно возможная реакция на всё, что меня воодушевляет. Я не умею просто ждать. Время – мой самый главный враг! Время ...

– И мне порой кажется, что ты его недооцениваешь. Не позволяй ему заставить тебя потерять контроль и разбиться о возведённую им стену!

– Как я услышал сегодня от «бабковцев»: “не дождётся!”

– С удовольствием посмотрю твоё погружение завтра!

Тон не переставал ходить по кабинету в нетерпении.

–Время... 14 лет мы потеряли на путешествие Орна до Креи. Пусть для него всего 6, но это – потерянные годы! Пусть, не полностью, но я не могу смириться с такой расточительностью! Не говоря уже о тяге к исследованию более дальних миров!

Рос и Мира понимающе наблюдали за естественным состоянием Тона и не пытались перечить.

– Всё бы ничего, но Сеть, как будто, издевается над нами! Она даёт нам подтверждение, что время не непобедимо. Как легко оно сдаётся перед Сетью! И не только в плане мгновенной передачи информации, но и огромные материальные объекты кто-то успешно перемещает через транспортные порталы!

Шторм вновь проверил входящие данные.

– У тебя, Рос, есть теория, которую Сеть частично подтвердила. Но она не дала ключа к полной разгадке, который ты пытаешься найти все последние годы. Мне Сеть дала схемы транспортных установок для перемещения, но я много лет безрезультатно пытаюсь найти информацию о некоторых «чёрных ящиках» и ключ к пониманию работы системы в целом. Она издевается над нами!

Рос рассмеялся.

–Ты же знаешь, что есть конкретная причина, по которой от нас что-то остаётся закрытым. Но наше упорство будет вознаграждено. И нас не должно волновать – сколько времени пройдёт.

– Меня не может это не волновать! ... да всё я знаю. – выдохнул Том и упал в кресло.

В этот момент на экране появился начальник смены. И по выражению его лица уже было видно, что Тон расслабился рано.

– Есть! Пришёл пакет от «Росс 128 в»! От Креи! Станцию запустили. Остатки цивилизации не нашли. Ищут. Спрашивают – есть ли что-то у нас для них? Весь пакет будет доступен вам через минуту.

Несколько секунд что-то вымолвить никому не получалось. Первым заговорил Рос.

– Время вышло, Мира! Вы должны провести погружение для Крея.

– Я понимаю, Рос. Но риск ещё очень велик. Дайте мне три дня. Тон, вы можете за три дня пройти ещё три погружения? Это же всего несколько часов в день отнимает.

– Я безусловно готов, Мира! Всё, что касается Орна, для меня имеет высший приоритет.

Глава 2. Бабковцы. На заре «Тополей»

Запись первого «погружения» Тона Шторма в прошлую инкарнацию.

Каждый июль в малоизвестный посёлок Лехтуси над Ленинградом съезжались грузовики с абитуры. Военный лагерь Военно-Космической Академии имени Можайского являлся местной достопримечательностью и открывал дорогу в космос для многих, жаждущих связать с ним жизнь.

Брянскую абитуру встретили на Московском вокзале и отделили от особо впечатлительных мамочек. Крытый армейский газон уверенно отматывал километры на север. Проехали посёлок, поворот, КПП. Команда «К машине», армия... Ну, почти.

Этим летом повезло с погодой. Севернее Ленинграда ясные солнечные дни и тёплые ночи даже в июле становилось всё более редкими к концу столетия. Через час ожидания пришли ещё две машины. Всех построили, и жалкое подобие будущего подразделения повели в палаточный лагерь. Прошли мимо озера и административных зданий. Через километр свернули вправо, и дорога стала подниматься в холм. «Живописно, как в Брянске, – мелькнула мысль. – Только вот такого холма у меня не было».

Пока всё происходило на душевном подъёме. Ноги перемещали Андрюху к интересному, большому, военному и научному впереди. «Четыре в одном» представлялось очень заманчиво.

После детства в бензине и запчастях от моторов, а потом с паяльником и ценностями большими чем золото – радиодетальями, – что может быть интереснее открывающихся перспектив участия в проектах космического масштаба?

А что может быть больше космоса? Ни усилиями учителей и хворостиной бабки Андрюхе не удалось привить любовь к чтению книг. Но одну он прочёл шесть раз. Потому, как только она была про космос – «Северная корона» Георгия Реймерса. О «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова мечтал всю юность, но так и не смог её достать.

Что может быть круче, чем стать военным? «Вам, гражданским, не понять!» Принадлежность к истинной элите! Всё самое правильное, порядочное и престижное в советском обществе ассоциировалось с армией. Андрюхе были непонятны разговоры обывателей про размеры офицерского жалования и полную обеспеченность. Только престиж и романтика являлись достойными целями. Ещё были 80-е. И продажный дух последующих десятилетий не ощущался.

И, наконец, «Научное» – для молодого человека коммунистической эпохи и идеологий звучало как «Божественное».

Вот в такое суперкрутое место, вернее, к воротам в него, сейчас и направлялся Андрюха в жалкой пародии на строй из недоделанных гражданских.

Первое, что должен узнать новобранец по прибытии в расположение, – где находится место построения. Списки палаток были подготовлены заранее, а вот старших назначать стали позже. Этим занялись курсовые офицеры. Почему-то командир первой палатки был назначен сразу. «Наверное, приехал раньше всех», – подумал Андрюха. Да и по темпераменту этот Денис выделялся среди остальных. Но неприязнь на подсознательном уровне заскребла нутро нехорошим предчувствием.

Курсовой капитан понравился сразу. Без закидонов, но строгий. Основное же командование палаточным лагерем осуществлялось сержантским составом, чья роль была возложена на курсантов старших курсов Можайки.

Андрюха провёл беглый анализ – кто будет старшим в их четвёртой палатке. Выбор остановился на наиболее инициативном. Его также звали Андрюхой. Но, имея фамилию

Похильчук, бесполезно надеяться, что ты не будешь всеми и везде именоваться Чуком. Чук упорно старался совместить в себе природное раздолбайство и рвение проныры. Но как потом Андрияха не пытался злиться на Чука, например, за то, что вследствие Чукового природного раздолбайства не проходило и ночи, когда четвёртая палатка в наказание не таскала вёдра с водой на понравившийся Андрияхе холм, это ему так и не удалось. Злиться на Чука было бесполезно. Равносильно было злиться на тёплый майский дождь, который, зараза, пошёл ровно после того, как помыл машину. Более того! Чук был тем человеком, с которым Андрияха провёл – без утрирования – с первого по последний день в Армии.

Но Чука не назначили командиром. Назначили Андрияху.

Новому личному составу выдали полный набор инструкций и распустили обживать палатки. Начались первые лишения, связанные с суровостью псевдоармейской жизни. Личное время ещё существовало, пока дорабатывались детали плана экзаменов, и его ещё не переименовали в «лишнее». Но палатки уже были прообразом казармы, размечены и поставлены «под линейку», внутри и снаружи требовался идеальный порядок, и никакого лежания в них днём не допускалось.

Подготовка к экзаменам, как и сами экзамены, осуществлялась в деревянных учебных корпусах или на улице. Отводилось время и на физическую самоподготовку. И эта тема оказалась «больной» для Андрияхи.

Ещё полгода назад он и не собирался идти в военное училище. А за год до этого состоялась эпопея с попытками родных загнать учиться в московский вуз. В какой именно – разницы не было. Главное – в Московский. И это абсолютно противоречило Андрияхиным планам на жизнь. Друг Вова, который в школе учился на класс старше, приобщил его к паяльнику и радиоэлектронике, и с которым они успели пару лет поработать, проводя дискотеки, поступил в Ленинградский Политех. Туда же без тени сомнений наострил лыжи и Андрияха. Он даже съездил в Ленинград на праздники 7 ноября, где познакомился с будущим вузом, сходил с Вовой ночью на Финский залив выкурить сигарету и благополучно провёл остаток этой ночи в подъезде Васильевского острова, обнаружив мосты разведёнными.

Когда пришло время поступать, Андрияхе открылись обстоятельства непреодолимой силы. Напуганные компанией Вовы и возвращениями с дискотек под утро родители прибывали в полной решимости вытащить его из-под дурного влияния. Старшая сестра уже закончила факультет «Т» в МИФИ. Позже, когда у Андрияхи начали расти мозги, он с сожалением понял, что она закончила именно его вуз и факультет. Пока же в планы по жизни МИФИ никак не входил. Но в ход пошёл следующий трюк. Экзамены в МИФИ, МФТИ, МГУ начинались в июле, а не в августе, дабы дать отсеянному шанс пройти в другие вузы с полученными балами или попробовать поступать заново. На этом ход конём в плане «спутывания» Андрияхи и был построен. Удалось уговорить его поехать попробовать поступить в МИФИ, а если нет – сразу пусть валит в Питер.

Добросовестно сходя на все экзамены и даже получив пятёрку по любимой физике, Андрияха предъявил недостающие баллы родным и намылился в «Северную столицу». Но не тут-то было. Сестра заявила, что, если он сделает это, то он ей не брат, а родители напрочь отказались финансировать данное мероприятие. В результате Андрияха был загнан поступать в Московский энергетический институт и поселён на 16-м этаже общаги в одной комнате с третьекурсниками. Подготовка к экзаменам сменилась «расписыванием пули». Поддавшись магии преферанса, Андрияха проиграл 80 рублей – целое состояние по тем временам – и вынужден был все оставшиеся ночи отыгрываться. Последний экзамен проспал.

Вернувшись с позором домой, Андрияха совершенно неожиданно упёрся в насущный вопрос: «что дальше?» Статус неудачника и позора для семьи, с такой умной старшей сестрой, однозначно объявлял, что покоя не будет. Да и самому хотелось провалиться сквозь землю. Стало вдруг ясно: с раздолбайством должно быть покончено.

Путь родственников-неудачников проходил через завод «Литий», куда Андрюхин батя всех благополучно определял. К счастью, там был и радиоцех, где изготавливали стенды для проверки основной продукции завода – чёрно-белых кинескопов. Уверенно пройдя путь по квалификационной лестнице, научившись вытворять чудеса с дрелью и отвёрткой, получив высший четвёртый разряд слесаря-сборщика радиоаппаратуры, а заодно и права тракториста, Андрюха не переставал уделять большую часть свободного времени задаче поступления в вуз на следующий год. Заставлять его уже не требовалось. Вступительная программа по математике, физике и английскому была разобрана до мелочей и выучена. Проблемы с русским и правописанием так и остались в стороне. Ну не мог Андрюха тупо заучивать то, в чём не видел логики. Ему так за всю жизнь и не удалось понять, в чём разница между «каровой» и «коровой», – ведь это один зверь!

Уверенно осваивая экзаменационный и производственный материал, Андрюха всё ещё и не думал про военное училище. При этом жизнь стала менее подвижной, в большинстве времени за учебниками и сидя на рабочем месте. Вес основательно подрос, а мотание по округе, кроме проведения редких дискотек в какой-нибудь деревне, практически отсутствовало. И факт физической деградации был налицо. И получилось так, что Вова был в Ленинграде, других буйных забрали в армию, а у Андрюхи был ещё год на раздумье, так как в школу его определили с шести.

Тут-то и “нарисовался” другой старый приятель – Сёма. В курсантской форме, эйфории от первого отпуска и полный повествований о крутости офицерской жизни и перспективах достойного будущего. И после пары недель рассказов и убеждений в том, что гражданские – это неполноценные люди, у Андрюхи в голове поселилась мысль, думать долго которую времени уже не было. Радиоэлектронику и науку он не хотел бросать, но почему бы ещё не стать и военным? И не просто военным, а космическим военным! Ведь есть же Можайка! И мысль эта очень понравилась Андрюхиным родителям, сестре и бывшей классной руководительнице. Отдать склонного к попаданию под чужое влияние Андрюху в военное училище было озарением.

После отбытия Сёмы Андрюхе предоставили возможность ещё и пообщаться с офицером – подопечным классной из предыдущего выпуска. Ещё более воодушевлённый рассказами о проживании в огромной семье, в которую неминуемо превращается курс после нескольких после лет, проведённых в казарме, Андрюха собрал документы, прибыл в военкомат, прошёл медкомиссию и был зарегистрирован в кандидаты в абитуриенты. Но на навёрстывании отставания в физической подготовке никто не заострил внимание. Поначалу Андрюха пытался бегать и заниматься, но потом решил для себя: «вот поступлю – и приложу все усилия, чтобы стать человеком в физическом плане». И он оказался не прав.

Скидок на будущие успехи в ликвидации физической деградации не делалось. И, чтобы сдать нормативы, Андрюхе пришлось бегать уже не по горизонтальному лесу около дома, а сдыхать на подъёмах в холмы, самым противным из которых и оказался изначально понравившийся. В конце концов ему удалось показать, что он не безнадёжный и не рахит, и есть реальные результаты, пусть не позволяющие укладываться в нормативы на хорошо и отлично, но демонстрирующие нужный потенциал.

Со сдачей экзаменов проблем не возникло. Физика, математика и английский были сданы играючи на пятёрки, русский – на тройку, и после прохождения психологических тестов Андрюхе дали понять, что он один из главных кандидатов в курсанты.

Но, кроме проблем с физподготовкой, имелась ещё одна, а из неё возникла и третья. И этими проблемами были дисциплина в палатке и «залёт» на плацу во время смотра.

Белые ночи не располагали ко сну. У Чука часто возникало желание покурить или похохотить. Палатку поднимали и заставляли таскать воду в вёдрах на холм. И нельзя было сказать, что это доставляло удовольствие. Ругаться с Чуком было бесполезно. Да и самому иногда хоте-

лось почудить. Но усталость и раздражение нарастали. И всё бы не так страшно, но нарастали усталость и раздражение и в первой палатке, в которой, как и в четвёртой, после трудного дня энергия не падала на ноль. В конце концов сержанты, в случае ночного шума, уже не обращали внимания на другие палатки, а поднимали первую и четвёртую. И их, хоть и не умышленно, но начали стравливать.

В одну из ночей, подняв обе палатки, но не имея чёткой информации, в которой произошло очередное нарушение дисциплины, сержанты стали это выяснять. И ещё не сплочённый курс, а зелёная абитура, начали кивать друг на друга. И привело это к тому, что старшие палаток сцепились. До неуставщины не дошло. Но, если ранее старшие просто недолюбливали друг друга, то теперь возненавидели. Особых претензий у Андрюхи к Денису и не было. Просто не нравилась его активность и амбиции быть самым главным. Это потом мы называли таких «рубанками». Но здесь дело было в другом. И об этом Андрюха пока не догадывался.

Денису были известны успехи Андрюхи, и ему не давал покоя Андрюхин статус, как уже получившего авторитет и перспективы. Сам же Денис сдавал на тройки. Они продолжали перепалки. Взаимная ненависть возростала.

После завершения экзаменов для кандидатов устроили первую пародию на строевой смотр. Всех построили на площадке, приехал генерал и цинично стал обходить строй. Безмозглость Андрюхи при этом не заставила его сбрить усы. Может кто и подсказывал, но, вероятно, плохую шутку сыграла самоуверенность, которая подводила многих ближе к финишу и победе. Андрюху «взяли на карандаш».

Последующая пара суток прошла очень нервно. И вот настал этот волнительный день. Андрюху вызвали на мандатную комиссию и поздравили с поступлением в ряды курсантов самого престижного военного вуза страны. Солнце сияло сильнее обычного, трава зеленела ярче обычного. Редкое удовлетворение и покой – дело сделано! Он уже не неудачник. День, когда сбывается огромная мечта, не забывается всю жизнь. И один такой день настал.

Андрюха вспомнил, как ещё неделю назад в ожидании очередного забега на дистанцию в три километра, которая начиналась с подъёма на его любимый холм, он услышал странный гул. Сержант притормозил забег и велел ждать. Из-за ангара показался строй. Первокурсники. Военный лагерь перед отпуском. Шли походным шагом. Гул сапог, полная выкладка, но-о-о... эт-то уже не были недоделанные гражданские! Неподготовленных абитуриентов зрелище завораживало.

Впервые Андрюха услышал «голос курса». Голос, который остался в памяти на всю жизнь. Безмолвные и усталые они продолжали быть одним целым. Одной семьёй и готовой пробудиться скрытой силой. Полным антиподом толпы. Единым организмом, иммунная система которого вычищала все индивидуальные закидоны и слабости, как минимум, на время нахождения в строю. И эта скрытая сила подсознательно улавливалась опешившими абитуриентами, застывшими в безмолвном уважении. Казалось, возникни перед курсом стена из бетона – они прошли бы её насквозь и не обратили внимания на падающие обломки. Какая мечта могла быть достойнее для подростка, чем оказаться в этом строю?

«Курс!» – прозвучала команда. Гул перешёл в синхронный ритм пары сотен сапог, и, казалось, земля слегка задрожала, и даже солнце выглянуло посмотреть на красоту хоть и не парадной коробки, но всё же произведения упорного труда в целый год, заставившего разношёрстных обезьян, коими был лагерь абитуры, эволюционировать в людей. «Запе-вай!» «Песня о Щорсе» не совсем походила под строевую, но, вероятно, она была заготовлена у них именно на случай убитости после многокилометрового марш-броска. Начала пара звонких голосов: «Шёл отряд по берегу, шёл издалека». И загремел голос всего курса: «Шёл под красным знаменем командир полка...»

После команды «марш» Андрюха взлетел на холм и уложился в норматив. Но ему не верилось, что когда-либо он тоже сможет стать человеком и приедет в этот лагерь в составе

своего курса перед первым летним отпуском. Теперь же мечта его сбылась. Захотелось сходить на то место, где он увидел курс, вновь вспомнить пережитые ощущения, и почувствовать всё по-новому – в незабываемых красках счастья.

«Интересно, как там Чук с его четвёрками? Всё зависит от проходного балла и результатов остальных». Получив поздравление от курсового, Андрюха направился к своей палатке в поисках Чука. Улыбка счастья не сходила с лица. И в этот момент перед ним возник Денис. Издевательская наглая ухмылка и почти шёпот:

– Ты что, дятел, думаешь, что прошёл? С пятёрками? Забудь, чучело! Я прошёл с тройками, а ты можешь паковаться и валить!

– Да пошёл ты... – огрызнулся Андрюха и направился дальше.

Но вскоре его остановил Сашка из палатки Дениса и выдал информацию так же полушёпотом:

– Ты поостерегись! Он – сын генерала!

– Спасибо, Саш, но я уже мандатку прошёл и зачислен.

– А, ну, тогда ладно... Поздравляю!

Чук улыбался, но уже по улыбке было ясно, что он не прошёл. Это слегка опечалило, ведь сблизился за месяц. Но эйфорию напрочь не убило. Да и Чук, казалось, не унывал и уже просчитывал какие-то ходы, переключившись на идеи, о которых Андрюхе было невозможно догадаться.

Приятные мысли толпами шатались в голове. О том, как напишет домой. О том, как все узнают. О том, как придет в первый отпуск, и все обомрут...

Пара часов абсолютного блаженства проплыла в счастливом полубезытье. Наступало время обеда. И вдруг Андрюху нашёл сержант. «Тебя вызывают на повторную мандатную комиссию. Не знаю, что там, но такое у нас впервые». Та же палатка, тот же полковник, но выражение его лица уже не столь приветливое. «Я вынужден вам сообщить, что, в силу некоторых обстоятельств, мы пересмотрели ваше дело. У вас были проблемы с физической подготовкой и с дисциплиной. Поэтому было пересмотрено решение о вашем зачислении. Мне жаль! Мы будем рады видеть вас среди наших абитуриентов через год».

Как вышел из палатки, Андрюха не помнит. Солнце всё ещё светило. Трава и деревья были ещё зелёные. Но образ «курса» уже скрылся в пыли за холмом и больше не был слышен. Пытаясь убедить себя, что это всё реально, но не в состоянии выйти из протрации, Андрюха сел на теплотрассу и какое-то время сидел никем не замеченный, с ошалелым выражением лица. Первым подошёл курсовой. Андрюха выдал несколько слов, описывающих случившееся, чем не на долго озадачил капитана. Но вскоре тот догадался: «А-а-а! Денис не проходил со своими тройками. Кого-то надо было подвинуть. Тут ничего не поделать. Извини! Но я тебе этого не говорил!»

Прошёл час или два. Он так и сидел в отрешении на теплотрассе, никому не нужный и в отсутствие сил думать «что дальше?». Бегавший вдалеке и явно чем-то озабоченный Чук не сразу его заметил. Наконец Чуковы дела позволили ему отлучиться, и он воссел на трубе, уставившись в недоумении. «Так... и так...» – кратко рассказал Андрюха. Крайнее ошаление Чука длилось недолго. Он предложил идти к курсовому и выше и искать помощи и правды. Услышав, что курсовой уже в курсе и заявил, что ничего не поделать, Чук ещё немного попыттел и спросил, что Андрюха думает делать дальше. «Понятия не имею, – ответил тот и заявил: – Домой я не поеду. Ещё не знаю куда, но не домой».

Казалось, Чук именно такого ответа и ожидал, и незамедлительно озвучил план дальнейших действий, подробности которого Андрюха помнил смутно. Главное, что уловил, – домой возвращаться не надо. В общем, дело обстояло так.

В Краснодаре создано новое Военное Училище РВСН. Да, это уже не космос, но близко к нему. Речь шла о новейших мобильных межконтинентальных ракетных комплексах «Тополь»

и о новейшем специально созданном училище, куда собиралось всё самое передовое: от перспективных и неординарных офицеров в преподавательский состав до абитуриентов, которые по тем или иным причинам стали отвергнуты Можайкой, но набрали неплохие баллы. С этой целью в Можайку и прибыла команда «покупателей» с целым полковником во главе, имевшим под два метра рост, 47 размер обуви, простодушную улыбку, весело спрыгивающим по лестнице с кипой личных дел под мышкой и придающим своим видом живости всей закостенелой обстановке вознёсшихся выше небес обитателей Можайки. Чук заявил, что, если его берут без экзаменов, то Андрюхой с пятёрками не погнушаются уж точно.

Не особо восприв духом, Андрюха под конвоем Чука забрал свои документы и сдал их представителям КРЯКа (Краснодарский ракетно-ядерный колледж). Как и предвидел Чук, Андрюхе было заявлено, что его берут. Улыбка на его лице говорила не о радости от свершившегося факта, а скорее являлась ухмылкой из глубины души: «Где-то я уже это слышал сегодня».

Два дня до отправки тянулись долго. Пребывание в лагере Можайки начинало тяготить, как просыпающаяся после наркоза боль от зашитой раны. Настал момент погрузки на машины, и Андрюха первый раз за последние дни ощутил позитив в душе и предчувствие чего-то интересного, хотя и абсолютно неведомого. Полностью избавиться от тяжести ситуации в ближайшие дни, а может, и месяцы надежды особо не было. Грузовики привезли будущих стратегов на Московский вокзал, с которого начиналась и на котором закончилась Андрюхина «дорога в космос». Впереди – два дня поезда. Потом — неизведанное.

После первого десятка часов пути позитивные мысли так и не спешили навестить голову. К тому же должны были проезжать Брянск, и предательская тоска по дому и беззаботному детству принялась беречь рану. Под хруст поедаемого сухпайка вспоминалась мамкина картошка и помидоры. И не верилось, что детство прошло, и уже не вернуться в компанию шумных одноклассников, в огни дискотек, рейды по цветметовским свалкам, к возне с двигателем на велике в сарае, мерению весенних луж в сапогах, ожиданию очередного беззаботного лета. Но друзья уже далеко, и у всех своя жизнь. Велик с мотором давно угнали, и очередное лето уже настало. Но оно совсем не беззаботное.

Поезд был скорым и не останавливался на Втором Брянске, а слегка притормаживал. Проводники даже не опускали подножки, а некоторые и вообще не открывали дверей. Андрюха написал письмо родителям, но не был уверен, что сможет отправить его на станции. Открыть дверь проводника уговорить удалось. Поезд притормозил до скорости пешехода, но так и не остановился. Свисая над перроном, Андрюха крикнул проходящему мимо мужику: «Отправьте, пожалуйста!» и помахал конвертом. Конверт спланировал и опустился на перрон рядом с лужей. Андрюха только успел увидеть, что мужик подбежал, поднял конверт и помахал, мол, «всё сделаю». Теперь родители должны узнать, где он. Наверно, удивятся, что тот уехал на север, а через месяц написал с юга. «Что такое пара-тройка тысяч километров для бешеной собаки?».

Протопанная вдоль путей дорожка, по которой иные счастливики имеют возможность просто идти в вольное «куда-то», уже начала ассоциироваться с потерянной свободой. Он ещё много раз будет видеть её, возвращаясь из отпуска. Всегда будет бороться с нахлынувшей тоской и пытаться заблокировать атакующий мозг предательский вопрос: «Неужели это на всю жизнь?»

Сейчас поезд в первый раз увозил его всё дальше от родных мест. Постепенно природа за окном менялась. Начиналась жара, которая не приносила особых проблем. В вагоне ехала почти одна абитура. Ни детей, ни стариков. Открыли всё, что можно, и тёплый сквозняк гулял без остановки. Сухпай был вполне съедобным, лежать можно было сколько угодно, и большинство воспользовалось советом набираться сил и ловить момент «вынужденного оттяга», так как в ближайшие полгода он больше не наступит. Верилось с трудом.

Вскоре за окном начали появляться объекты, ставшие для Андрюхи символом того Краснодара, в котором прошла его юность. Пирамидальные тополя. Это потом они обосновались и в средней полосе, а сейчас разделяли перелесками именно ростовские и кубанские поля. И вот он – Краснодар. Всё было в диковинку. Сам южный воздух, природа и то небольшое, что удалось рассмотреть из кузова крытого грузовика по дороге с вокзала до КСП. Именно на Краевом Сборном Пункте проходили экзамены в КВВКИУРВСН. Это уже не был военный лагерь, и в наличии имелся трёхметровый забор по периметру, давящий своим существованием и явно посягающий на свободу.

Через некоторое время стали формировать курсы и готовить к отправке в училище. Все были распределены по группам и отделениям, и для курса был назначен вожак – старшина. На втором факультете АСУ, куда поступили два Андрюхи, старшиной стал пришедший из войск Заварин. Высокий, здоровый, с соответствующим голосом и манерами. Казалось, что существуют специальные роддома, где рожают и выращивают именно старшин, и оттуда распределяют сразу по войскам. Позже Андрюха был уверен, что образ Казбека в мультике «Белка и Стрелка. Звёздные собаки» писали именно с Заварина.

На курс поступили ещё несколько человек, пришедших из войск. Они являлись потенциальными сержантами, и на них была возложена обязанность обучить всех базовым армейским навыкам, перечень которых начинался с пришивания погон и петлиц, подшивания, правильного ношения обмундирования и наматывания портянок. Ну и, конечно же, после освоения этих навыков и получения прочей первичной информации о казарме и порядке в ней начались традиционные высокоинтеллектуальные занятия под названием «Подъём – отбой».

Жизнь на КСП пошла веселее. Через пару дней настал момент представления курсовых офицеров и начальника курса. Перед строем стоял майор и два старлея. «Равняйся! Смирно!» – скомандовал Заварин, чётким строевым подошёл к майору и доложил о том, что курс построен. Звали майора Бабков Александр Александрович. И с первого взгляда в нём просматривалась сдерживаемая ядерная энергия, рвущаяся превратить в боевое подразделение стоящую перед ними кучу идиотов, которую и курсом пока назвать язык не поворачивался. Принцип «дави помалу» пока главенствовал, но никто и представить не мог, как мало времени на это главенствование ему было отведено.

Перед Бабковым предстал настолько разношёрстный коллектив обормотов, что задача выявления потенциальных вожakov и превращения их в сержантский состав, на котором всё держится в армии, казалась невыполнимой. Разброс в персонажах варьировался от долговязого Джона Афипского, Никулин рядом с которым отдыхал, до добродушного и открытого душой Серёги Фёдорова, с которого, потом писали образ Леверн Хукс в «Полицейской академии». Были здесь и сыны генералов и полковников. Но генералы и полковники, добившись личной встречи с Санычем, не настаивали на особых привилегиях для своих отпрысков, а покорно просили «сделать человека из этого подлеца». И за все последующие годы Андрюха не смог никого отнести к данной категории. Хотя ангелов тут не было, это точно.

За пять лет было всякое. Это были и пять лет «залётов», и пять лет «муштры», и парадных коробок, ставших украшением города, и учёбы, и нарядов, и караулов, и свадеб, иногда и драк. Иногда было стыдно за кого-то, чаще за себя. Но после Можайки Андрюха ни разу не сталкивался с подобной подлостью. Данная зараза просто не имела шансов прижиться на курсе Бабкова. Казак «до мозга костей» Саныч практиковал доведение курса до бешеного иступления, подводя к черте, но не переходя её. Пять лет искоренения пофигизма, малодушия, слабостей, стукачества, воровства и прочих низменных мерзостей под девизом «не заставляйте меня шашку вынимать» сочетались с пламенными речами об истинном смысле офицерской доблести и её проявлении в повседневной жизни и не могли не сказаться на психике каждого.

Привитая стойкость к «залётам» и способность выслушивать приговор, глядя в глаза, создала у старшего офицерского состава училища отношение к определению «бабковец» как

к диагнозу. И многие, поймав курсантов на мелких нарушениях, порой просто махали рукой и уходили восвояси. До крупных залётов бабковцы старались не доводить, так как приговор выносил Начальник Курса, что воспринималось равносильно расстрелу. Но выносить такие приговоры своим курсантам Саныч не позволял никому другому. Вытаскивая раздолбаев из лап жаждущих крови полковников и генералов и проявляя готовность стоять до конца за каждого, Саныч мог потом «испепелить взглядом», возбуждая непреодолимое желание провалиться сквозь землю.

У Саныча просматривалась некая дифференцированная методика. Любителей покачать права он не ломал любой ценой, а методично задалбывал. Терпил же старался довести до нормальной реакции на прессинг и заставить показать зубы. Талант сочетать крайнюю жёсткость, но без срыва в беспредел и унижения, с индивидуальным подходом со временем выковывал у курса тот стойкий и сплочённый дух большой семьи, о котором на гражданке слышал Андрюха. Пройдя после выпуска своего курса многие круги ада, поучаствовав добровольно во всех военных конфликтах девяностых и начала нулевых, потеряв двух своих сыновей, Саныч ни разу не проявил намёка на сломленность духа и неоднократно давал понять, что именно его бабковцы давали ощущение достойно прожитой жизни. Сейчас всё только начиналось.

Новейшее Краснодарское Высшее Военное Командно-Инженерное Училище Ракетных Войск Стратегического Назначения располагалось на улице Северной и во времена до шопинго-тусовочного и кабацко-оттягочного безумия фактически являлось центром общественной активности и визитной карточкой города. В 84-м проект возведения корпусов и хозяйственных построек был реализован на 10 %. Масштаб и внушительность архитектуры ещё не просматривались. Лишь спустя год, и после возведения первой из пяти частей главного учебного корпуса, улавливалась задумка и величие будущего строения, в архитектуре которого сочетались монументальность и хай-тек. Пока из нововозведённых зданий была лишь современная казарма, и бабковцам в ней выделили первый этаж.

Время перед курсом молодого бойца тянулось медленно, и почти вся деятельность сводилась к ожиданию. Выполнялись хозяйственные и организационные мероприятия. Часы между построениями бабковцы проводили в летнем кинотеатре, и тратились они на более близкое знакомство и кучкование. Приунывающих салаг приободряли пришедшие из войск. «Ничего, скоро будет некогда скучать, и время полетит», – уверял Ефим приунывшего Андрюху с компанией. Улыбающийся Ефим в трудные моменты давящей армейской повседневности всегда вселял оптимизм. Пусть не всё у него гладко шло со службой и учёбой, но петь, смеяться и заряжать надеждой на лучшее он умел.

Курс молодого бойца начался, и время на сопля вышло. Величайшим счастьем для первокурсника являлся вожделенный момент отбоя. А самым уютным на земле местом стала кровать в казарме. Реализацию возможности испытать кайф от «впадения в отключку» не затягивал никто. Хрен его знает, что ждёт завтра. Может, и этой возможности не будет, а придётся дневалить на тумбочке и вздрагивать от ночных глюков, самым страшным из которых был привидевшийся майор Бабков.

Позже, уже в другой казарме, Саныч практиковал методику тайного влезания в окно перед подъёмом. Горе было курсу, дежурному, и сержантам, если подъём был задержан хоть на секунды. И не дай Бог, если курс вставал вяло, потягиваясь, а не проявлял рвение дрессированных барбосов с горящими глазами, выстроенных по линейке и виляющих хвостами, которых, к счастью, не было. Самых ласковыми фразами в исполнении Бабкова считались: «Не заставляйте меня пашку вынимать!» и «Если вам что-то не нравится, пишете рапорт – и вас отчислят!»

Дни КМБ заполнены плотно. Хороший объём базовой информации необходимо загрузить в мозг гражданского полуфабриката для доведения его до промышленного военного образца. Много внимания уделялось строевой подготовке. Время, проведённое на плацу, при-

носило требуемый результат, но до слаженной коробки было ещё далеко. Бабковцы с благоговением смотрели на то, что вытворяли старшие курсы, которые уже приводили в состояние ступора и открытых ртов жителей Краснодара, проходя по улице с исполнением строевых песен. Это уже не был «Щорс» от замученных марш-броском можайцев. Это уже гремело!

Со временем все курсы делали это. Но существовала и пара подразделений, чьей задачей было стать истинным шедевром и визитной карточкой училища. Месяцы, проведённые на плацу этими коробками, поначалу вызывали только сочувствие у остальных курсантов. Но то, что они выдавали в результате, не могло сравниться ни с чем увиденным Андрюхой в престижных столичных полках и в других частях. Хотя затея и сродни вырезанию шедевров из льда, в неё вложили душу начальник факультета, курса, курсовые и сами курсанты.

Существовал и ещё один персонаж, служивший визитной карточкой КВВКИУРВ. Курсанты звали его просто «Дед».

Дед был преподавателем кафедры механики, а по совместительству – знаменитым Алексеем Алексеевичем Кадочниковым – автором «Русского стиля» и уникальных методик рукопашного боя. Его подопечными были не только курсанты молодого КВВКИУРВ, но и спецподразделения. Часть программы выступления парадных коробок находилась в ведении Деда. После эффектных, с элементами фокусов, перестроений начиналась демонстрация уникальных трюков. В результате упорных тренировок массовое исполнение авторских приёмов обращения с автоматами от Деда шокировало зрителей. Далее шла демонстрация приёмов рукопашного боя, начиная с традиционных из общевоинских методик, и с плавным переходом в шедевры от Кадочникова. Во времена Ютьюба Андрюха упорно пытался найти хоть какие-то записи выступления коробок КВВКИУРВ, но так и не смог этого сделать. Очень жаль!

Второй по важности была тема личного оружия. Боевой автомат Калашникова уже не рассыпался в руках, как на уроках НВП в школе, когда удавалось разбирать его за семь секунд. Нужна была сила в пальцах. Но разборке-сборке автомата на время в училище внимания не уделялось. Офицеров волновала готовность курсантов к первому выезду на стрельбище и к чёткой отработке всех действий от «на огневую позицию...» до доклада «...стрельбу закончил». Не допустить возможности усталых и запрессованных чудиков тупить являлось главной задачей.

Это был первый выезд в открытых кузовах бортовых газонов на стрельбище в Горячий Ключ. Возможность замёрзнуть жарким краснодарским летом полностью отсутствовала. И это был первый глоток псевдосвободы после трёхнедельного заточения в казарме и на плацу.

Но программа отношений с личным оружием по окончании стрельб была выполнена менее чем на треть. Ещё предстояло познакомиться с маниакальным отношением Бабкова к понятию «чистый автомат». Если зарядить современные стиральные машины на неделю стирать этот автомат во всевозможных порошках, соответствия требованиям чистоты, предъявляемым Санычем, добиться не удастся. Более того, если у курса появлялся хоть намёк на личное, переименованное в «лишнее», время, наилучшим способом его препровождения, по приказу Бабкова, являлась чистка оружия. Даже если предыдущая закончилась полчаса назад, а из автоматов не то, что не стреляли, а на них даже, по традиционному армейскому выражению, муха не занималась любовью. Последующие десятилетия Андрюха не мог смотреть фильмы, в которых стреляют. Маниакально-навязчивая мысль не оставляла ни малейшей возможности вникать в суть, а парализовала мозг банальным вопросом: когда эти уроды начнут чистить свои стволы?!

Взаимоотношение с казармой было следующей темой. В казарме Бабкова всё должно быть более военно-образцовым. Технологии отбивания канта на кровати при помощи табуретки доводились до совершенства. В тумбочках даже одеколон должен быть одинаковым. Вопросы выравнивания по нитке кроватей и подушек на них по важности приравнивались к глубине выкапывания окопа перед боем.

Если курсант почувствовал хоть намёк на минуту отдыха или расслабления, мозг должен начать лихорадочно анализировать: что ещё не сделано? А такое находилось всегда. Как минимум необходимо подшиться, почистить сапоги и пряжку. Закон Мёрфи «Если у вас всё хорошо, значит, вы чего-то не знаете» действовал до его озвучания. Но в течение пяти лет усилиями сум... неординарного начальника курса в голову закладывались и более важные принципы из разряда: «Если не ты, то кто?», «Мои проблемы – это мои проблемы, и решать их нужно без соплей и поиска сострадания у ближних в попытке частичного перенесения проблем на них». А также ответственность за всех и всё, что попало в зону твоего влияния. И вся эта хрень забивалась настолько глубоко, что избавиться от неё до конца жизни редко кому удавалось.

Ежедневное многоразовое приведение казармы в “картинку” в большей степени было задачей наряда. Конечно же, наивысшей зоной ответственности дежурного по курсу являлась оружейка с более сотни калашей, но главным поводом для «вынесения мозга» становился порядок в расположении. Не прочувствовавшему на своей шкуре значение слова «порядок» объяснять бесполезно. Как минимум трижды в день по казарме пробегались более сотни человек. Формально ответственность за кантик на кровати и порядок в тумбочке закреплена за каждым курсантом. Но при появлении с проверкой персонажа под кодовым названием “Боинг”, в действительности – генерал Придатко, целью бомбометания становился именно дежурный по курсу.

Майор Бабков буквально воспринимал цитату «если армия много лет не воюет, она начинает драить казарму». Когда второкурсники бабковцы переселялись в другую казарму, там обнаружился хороший паркетный пол, покрытый лаком. Но произошла какая-то таинственная несовместимость вида этого пола с представлениями Саныча о правильном сочетании объектов во Вселенной, и приговор был вынесен быстро. Ожидание циклёвочных машин по меркам Бабкова не должно было осуществляться более двух дней. И этот срок вышел. К тому же циклёвочная машина не могла подобраться вплотную к стене. И череда прекрасных дней для курса превратилась во многочасовое отскребание стёклами множества слоёв лака. Сначала в местах, куда не могла добраться циклевалка, а потом и, чего мелочиться, во всей казарме.

Санычу грело душу осознание, что курс «при деле», а не разлагается бесцельным прокуриванием лишнего времени. Матюкая Бабкова, казарму и того, кто придумал красить паркет лаком, курс в упорных боях на карачках освобождал от этого лака метр за метром казармы и в самом страшном бреде не мог представить, что им это придётся делать на бис. После победы над лаком паркет был покрыт суриком и мастикой, и наряд обрёл вожделенную возможность натирать него «машкой». Если после пробегания ста человек по паркету не во всякую погоду видно, что необходимо протереть, то на правильном казарменном полу оставался заметен даже одиночный след сапога. Работала военная логика.

Но объекты во Вселенной так и не заняли правильные места, которые смогли бы удовлетворять представлениям Саныча о торжестве разума. Вычислив, что не так, Саныч поставил задачу: нужен сурик другого цвета. Если выплёвывать бесцветный лак не бросалось в глаза, то отскоблённый от пола всё теми же осколками стёкол коричневый сурик был и в носу, и в ушах, и плевались им долго.

После снятия с паркета очередного слоя Саныч бесцеремонно приказал всё вымазать мастикой. К счастью, до Бабкова удалось донести информацию о том, что паркет истощился основательно, и после следующей циклёвки казарма останется без пола. Это обстоятельство лишило Саныча кайфа, на который он явно подсел, – наблюдать, как курс скребёт стёклами пол в подразделении.

В казарме первого курса полы были деревянные. А главное – казарма была новой. Делать в ней любое подобие ремонта выглядело нелогично, и передовым «отделочным технологиям от Бабкова» пришлось ожидать тестирования целый год.

Успешно прожив первую и самую трудную неделю жизни, курс выдвинулся в баню. Свою баню в училище ещё не построили. И это было «в кайф». Сродни глотку свежего воздуха с подлодки – любая возможность выйти за пределы училищного забора в годы казармы. Городская баня, способная помыть роту, была не самой близкой, а километрах в трёх на Октябрьской. Раз в неделю каждый курс выдвигался строем на помывку и смену нательного. Это был праздник. Гражданский Краснодар жил своей размеренной жизнью. Частный сектор начинался практически через квартал. Добротный асфальт или брусчатка между утопающих в зелени заборов, с которых свисала алыча, урюк, вишня.

Андрюха отчётливо помнил тот день, когда курс Бабкова в первый раз пересёк КПП и Северную улицу.

«Курс!» – скомандовал старшина Заварин. Соответствующий рефлекс был уже выработан, и бабковцы изобразил подобие строевого шага.

«Что приуныли? – не унимался Заварин. – Не успеете опомниться, как будете идти в баню по этой дороге в последний раз!»

Раздавшийся в ответ звук сочетал в себе переливы воя и хохота. «5 лет! – в ужасе подумал Андрюха. – 5 лет впереди!!! Да это, блин, целая жизнь! Жизнь в... дурдоме! Вот, блин, зараза этот Заварин!»

Присяга, как не хотела подождать пробивающихся к ней сквозь шквал тягот и лишений армейской службы новобранцев, а всё стремилась удрать за горизонт, её всё-таки догнали, и этот день наступил. Показавшаяся с год пара летних месяцев мытарств была преодолена, ритуал отработан. И вот бабковцы в парадке с автоматами на плацу, и это уже не тренировка. По такому случаю Андрюхины родители первый раз в жизни предприняли совместный выезд на юг. Вряд ли они столь сильно мечтали о Ленинграде, чтобы не обрадоваться тому, что новым непустым словом в географии для них зазвучал Краснодар. Но финансовое положение так и не позволило им приезжать часто. Может, тройку раз и на выпуск. Старшая сестра была в Москве, выдавалась замуж, и финансирование всех её мероприятий имело наивысший приоритет.

Для Краснодара события разряда присяги в КВВКИУРВ принимали городской масштаб. Желающих поприсутствовать было хоть отбавляй. Для тепер уже настоящих курсантов этот день пролетел быстро. И началось самое длинное в их жизни учебное полугодие – первое.

Первое расписание занятий по истечении времени так и оставалось белым. Это после отпуска выработалась привычка заштриховывать в нём дни, символически приближаясь к следующему. Абсолютно новое и белое расписание занятий стало ассоциироваться с событием тяжести железобетонной плиты, положенной на мечты о свободе. Начиналась выработка именно тех черт характера, которые и позволяли в жизни подступать к неподъёмным и непомерным задачам и объёмам работ, часто с непредсказуемым результатом, вгрызаться в них, и упорно день за днём «рыть рогом землю», не сдаваясь неделями, годами, иногда и десятилетиями, выковыривая из всех закоулков души осколки приобретённых в казарме стойкости духа и упорства, собирая их в кучу и даже «пробивая стены головой» на отдельных этапах.

Когда в абсолютно белом расписании с более чем полутора сотнями клеток закрашивались первые три, железобетонная плита уже начинала казаться не столь монолитной и непреступной. По крайней мере появлялось осознание, что её в принципе можно грызть. Когда же становились закрашены 7 клеток, а потом и все 10, загорался огонёк надежды, что и это пройдёт. И во всём есть смысл, и всё небесполезно. А значит, время послеотпускных соплей прошло. Реальность – она здесь. Не всё так уж и плохо. И много интересного. И есть перспективы, и будущее, и оно достойное. И всё самое лучшее – впереди. И пора показать американскому империализму, что его гроза затихла лишь на немного и вернулась к набору силы. В чём никогда не сомневался преподаватель матанализа Василий Андреевич Бухтояров.

Незаметно расписание заштриховывалось на треть. И всё уже шло своим чередом. Тяжесть с души никуда не уходила. Просто приходили навыки нести её, как неотъемлемую

часть этой самой души. Андрюха ещё не понимал, что так будет всю жизнь. Эти кирпичи с годами никуда не деть. Как ни старайся, но их будет становиться всё больше и больше. И больше сил понадобится, чтобы с ними не просто существовать, а жить полноценной и максимально яркой жизнью, пытаться создавать и творить, и заряжать энергией других. Поначалу это будет просто ответственность за тех, кто попал в зону твоего влияния. Потому оно и ярко, и радостно так в детстве, – пока не за кого переживать, стараться оградить от бед, помочь избежать ошибок. Но время беспечности проходит, и жизнь становится фактически уже не твоя. Она – тех, кто пришёл наделить её смыслом.

К этой тяжести ответственности и переживаний будет добавляться и расти тяжесть собственных грехов и ошибок, некоторые из которых исправить нельзя. И ничего не остаётся, как нести и этот груз и надеяться в душе на прощение. Потом будет прибавляться груз из чернухи и негатива от несправедливости и скотства. Свинства на дороге. Собственных срывов и неправоты. Накапливающихся болячек... И со всем этим по-прежнему необходимо жить полноценной жизнью, потому как одну из главных обязанностей человека – стараться быть счастливым – никто не отменял.

Пока же «тренировка расписанием» только начиналась.

Строевая подготовка, общевоинские уставы, математика, физика, военная история, физподготовка, история партии. Подъём в 6:10, зарядка с выбегом за пределы училища, умывание, заправка кроватей, порядок в тумбочках, построение, на завтрак, завтрак, лишнее время, развод на занятия, пары, пары, пары, в расположение, построение на обед, обед, лишнее время, самоподготовка, работы по благоустройству, хозработы, уборка территории, чистка оружия, построение на ужин, ужин, лишнее время, подшиваться, чиститься, готовиться к завтрашнему дню, обязательный просмотр программы «Время», отбой, конспектирование материалов XXVI съезда КПСС, ликвидация учебных хвостов, упал, забылся – будни вне наряда. В караулы первокурсники не ходили. Рано доверять салагам бегать с автоматом и боевыми патронами вокруг складов в Афижке или подследственных в комендатуре. Но наряды всех видов за первые три года казармы были пройдены многократно.

Считалось, что самым тяжёлым является наряд по столовой. Трижды в день накрыть столы, убрать, подмести, помыть посуду за тремя тысячами едоков – огромный объём работы для 20 человек. Но Андрюхе наряд по столовой нравился несравнимо больше, чем по курсу. Даже если выпало «идти на дискотеку».

Дискотекой называлась посудомойка. Посудомоечная машина на ней, конечно, имелась, но эффективностью она обладала никакой. После каждого приёма пищи три человека дискотеки были обязаны загрузить в машину с десятков тысяч тарелок, протереть их тряпкой на выходе и отправить в сушилку. Практически, бесконечный процесс в течение суток. Было как в бане. Ну а когда на дискотеке работал Ефим, туда в свободное время приходили и другие курсанты наряда – послушать шедевры в его исполнении.

Помимо учёбы, нарядов, физической и строевой подготовки, ремонтов, работ и прочих внутри-училищных нагрузок командование находило возможность задействовать личный состав и на общественно-полезных мероприятиях. В кайф были выезды на поля в помощь сельскому хозяйству, например, на уборку помидоров. Кубанские помидоры не сравнить с турецкими. Но ими можно было и обожраться, что не упускали делать.

Будни были нелёгкими, но более-менее предсказуемыми. С выходными и праздниками сложнее. Если только в Краснодаре не намечались какие-нибудь грандиозные празднования, в программу которых обязательно включались парадные коробки КВВКИУРВ или организованная массовка в спортивных костюмах. Но это будет позже. Пока же любой из выходных грозил обернуться, как минимум, утренним забегом на три километра. Дистанция официально считалась менее изматывающей, чем в километр, но на практике такой выходной превращался в сдыхание в муках на жаре.

Предстартовый мандраж вносил незабываемо яркие ощущения в брэнность бытия. Но так будет продолжаться до начала четвёртого курса. Нет, эту дистанцию не отменяют. Просто, если до этого её заставляли бегать раз или два в месяц, и объявление «завтра три километра» откликалось проклятиями в душе, то на четвёртом курсе трёшку стали бегать два раза в день. И никаких негативных эмоций это не вызывало. Сделать разряд на трёшке уже не составляло труда. Причиной являлась министерская проверка по физподготовке, под которую бабковцы непланово попали. Пока же спортивно-массовые мероприятия были развлечением в выходные и праздники для ответственных по училищу генералов и полковников.

Генералом Придатко применялась излюбленная технология прохождения училища через праздники, когда ему выпадала очередь быть ответственным. По его твёрдому убеждению, наилучшим способом отмечания праздника являлось нахождение училища в полном составе и целый день на плацу, что сводило к минимуму количество возможных залётов в увольнениях и шансы снижения рейтинга. Но спортивно-массовыми мероприятиями он также не гнушался. Для личного состава всё происходило строго по правилу: «Для солдата праздник – что лошади свадьба: голова в цветах, а зад в мыле».

Краснодарская зима нехотя вылезала из-под красно-золотого ковра опавших листьев, которым не суждено было оставаться на земле более часа на территории училища. Но на стрельбище в Горячем Ключе они расстились ровным слоем, переливающимся в лучах тёплого кубанского солнца. Здесь листва обосновалась минимум до конца февраля, так как выпадение снега на Кубани ранее этого было климатическим отклонением. А вот гроза в декабре, сильно удивившая Андрюху, воспринималась местными как обычное явление.

Первый Новый год курс встретил в кроватях без вариантов и без надежд на послабление. Только Заварин включил телик в Ленинской комнате, и бой курантов возвестил о наступлении 85-го. Произнеся с традиционной издёвкой поздравления в стиле «если хочешь быть здоров, ешь один и в темноте», старшина Заварин с приближёнными закрылся в Ленинской комнате для, официально, совещания, а на деле – тайного просмотра «Огонька».

Первая подготовка к экзаменам и первая сессия. В вопросах муштры она принесла послабления. Как во времена водяного перемирия в Африке, солдафонщина в период сессии стихала, и кровожадность хищников, имеющих власть наказать курсанта, была под неявным запретом. После объявления приказа «мозг должен думать», всё свободное и лишнее время выделялось на самоподготовку. Главный стимул был один – не сдавший сессию в отпуск не едет. Как минимум до пересдачи. А зимний отпуск был короток – меньше двух недель. Но требуемые общие показатели училища, теперь уже по успеваемости, играли в помощь курсантам.

Сессию сдавали даже немногие нацмены, у которых и с русским языком были большие проблемы. Всегда существовала возможность возместить другим способом неспособность отдать долг родине хорошими показателями в учёбе. Работы в училище хватало, и всем находилась по способностям. Нужно было быть откровенным маргиналом, чтобы умудриться не сдать первую сессию. С другой стороны, для получения знаний в КВВКИУРВ были созданы все условия.

В новое училище собирался неординарный преподавательский состав. Нет, профессоров туда не ссылали, но Андрюха не мог вспомнить ни одного преподавателя, кто бы не был экспертом в своей области и знал бы предмет только поверхностно. Некоторые гражданские проявляли равнодушие к тому, как внимательно аудитория пытается воспринимать сложный материал, но, тем не менее, давали его очень подробно и ответственно.

В первую сессию личный состав только сортировался по способностям и усердию в учёбе. Потом всё было иначе. Для тех, с кого бесполезно требовать огромной мозговой активности, находились и закреплялись сферы деятельности по отработке задолженностей согласно имеющимся талантам. Ефим, например, умел не только круто петь, но и шикарно рисовать, писать, оформлять. Андрюха не был уверен, что добрый малый Ефим освоил хотя бы операции с дро-

бями, но никто особо не сомневался в том, что ему это и не понадобится. Здравый смысл говорил, что нет необходимости требовать отличные знания математики или физики, если есть возможность принести гораздо больше пользы в других областях. Но потом тот же здравый смысл «курил в сторонке», когда выяснилось, что Ефим после увольнения преподавал на компьютерных курсах, а Серёга Фёдоров перманентно обосновался в старшем преподавательском составе местного Политеха, в то время как большие умы, в лёгкости осваивавшие матанализ и сложные прикладные дисциплины, тупо ушли в коммерцию.

Тем же, кто сделал ставки на профессионализм в интеллектуальных областях, предстояло развивать особую способность мозга осваивать огромный и невероятно сложный материал в кратчайшие сроки, даже если он потом быстро забывался по ненадобности. И это была именно та тренировка, которая позволила Андрюхе достичь высот в профессиональной деятельности. Пока же будущими спецами самоподготовка воспринималась как хорошая возможность подготовиться к сессии, а остальными – как возможность выспаться.

И вот, этот столь долгожданный день настал. Самые длинные и самые сложные полгода жизни прошли. Сессия сдана. Крупных залётов нет. Впереди – перспектива первого короткого отпуска. Разум отказывается верить, что гражданская жизнь существует, и она не только для «батаников». Мир так долго был схлопнут до размеров казармы, что выходить наружу стало страшно. Полученные инструкцией предписывали не расслабляться, ходить везде в форме и считать происходящее коротким сном и неправдой. И приходилось-таки эту форму минимум дважды одевать – для постановки на учёт в комендатуре и снятия с него. Первые особо отличившиеся получали отпускные документы и покидали казарму. Дошла очередь и до Андрюхи.

И случался «эффект засветки», когда яркость картинки превышает чувствительность фотоприёмника и получается сплошное белое пятно. Ровно таким пятном в памяти Андрюхи и остался выход через КПП и путь до вокзала. Эмоции зашкаливали.

Ехать пришлось через Орёл. Прямых поездов до Брянска зимой не ходило. Ехали вдвоём из группы. Добрый малый Андрюха Кобелев, получивший за некоторую демонстративную флегматичность кличку Козырь, был из Орла. Приехали к полуночи. Снег, мороз, настоящая зима —круто! Единственным способом достичь Брянска являлась электричка в полшестого утра. Оставшись один и не особо комплексуя по поводу этого, Андрюха погулял по зимнему ночному городу. Шинель не позволяла замёрзнуть, и он благополучно дождался электрички. Ещё три часа, и вот он – Брянск – город из снов о прошлой жизни. Такой же зимне-беломорозный и притихший в раздумье, как встретить получившегося вместо можайца бабковца. Всё было в кайф. Замёрзшее окно тралека на задней площадке, горка, по которой взбирались классом в походе в цирк, набережная, мост через Десну, Т-34 на постаменте, ж/д мост, родная остановка, дом, родители, комната... Невероятно!

Короткие дни летели быстро. Первый ушёл на поездку в комендатуру и чкание в форме по знакомым. Обнаружив, что у всех давно свои заботы в виде учёбы, работы, у некоторых и семьи, Андрюха исследовал другие варианты восстановления от полугодового стресса в казарме. Зашёл к Вове, и его мать объявила, что тот скоро прибудет на каникулы, и это совпадёт с его днём рождения.

Отмечать дня рождения Вовы было очень давним ритуалом. Всё проходило через застолье и вечер в компании подруг. Компания получалась небольшая – 4–6 человек, а вечер – вполне безобидным. «Подбор персонала» был исключительно в ведении Вовы.

Оставалась пара дней отпуска, и предчувствие скорого пробуждения уже сказывалось. Не испытывая особого душевного подъёма от догадки, кого из Вовиных старых подруг, вероятно, придётся увидеть, Андрюха прибыл на торжество. Вовина мать, как всегда, постаралась и проявляла природную интеллигентность и мудрость учителя с многодесятилетним стажем. Это потом горе-учителя превратятся в холуёв и инструмент подтасовки бюллетеней на голосованиях, а в те времена у них ещё была возможность посвящать жизнь любимому делу.

Вова приехал за день до этого, но с поразительным талантом успел обо всём позаботиться. И, к приятному удивлению, в банке подруг Вовы нашлись абсолютно незнакомые. Морально придавленное неотвратимостью скорого отъезда восприятие окружающей действительности не позволяло загораться радужными перспективами длительного общения, но что-то необычное в душе возникло сразу.

«Итак, она звалась Татьяна». Не было сомнений, – раньше не встречались. Но уже через несколько минут появилось ощущение, что они знают друг друга давно. Ни намёка на выпендрёж, болтливость или заносчивость. И это так гармонично сочеталось с неподдельной открытостью и резонировало с представлениями о нормальных отношениях между людьми, что опасение возможных моральных травм для обоих, в связи с неминуемым отъездом, притупилось полностью.

Это через много лет ему стало понятно, насколько далека была Татьяна от сложности ситуации, в которую её втянул обормот Вова и познакомил со своим другом-придурком. Даже будучи предупреждённой о его скором убытии, какие были у неё шансы получить хоть малейшее представление о времени и расстоянии, которые должны были их разлучать? В отсутствие мобильной связи и возможности всё бросить и приехать. Откуда ей было знать о “белом расписании”? Что фактически казарма – это та же тюрьма, откуда нет выхода, по крайней мере короче, чем в годы. О том, под каким прессингом приходится жить месяцы между короткими отпусками.

Только через десятки лет, после сложных жизненных заморочек и взросления дочерей, стали доходить простые истины, элементы женской логики и прочие нюансы абсолютно иного видения мира, жизни, планов на эту жизнь, стремлений и потребностей. Но до этого было ещё далеко. Вечер посвятили изложению информации друг о друге и прочей безобидной болтовне.

Явление Татьяны было настолько естественным и обезоруживающим, что отодвинуло в тень все опасения и размышления о том, что дальше. Два человека просто наслаждались общением друг друга. Ей было интересно, а он обомлел, неожиданно очутившись в мире без войны. В мире иного умиротворяющего бытия, когда кажется, что всё, что тебе нужно для счастья, – вот оно, рядом. «Тут потом будет над чем поработать доктору Бабкову».

Часы необычного вечера утекли сквозь пальцы. Морозный город, путь до Татьяниного дома, несколько минут прощаний. Он попросил адрес, она, не раздумывая, продиктовала. Вот и всё, казалось. Нужно забыть. Не мучить ни себя, ни её. Только вот не поймёт. «Останусь очередным придурком, промелькнувшим в её жизни». Только ощущение, что что-то изменилось, не проходило. По крайней мере ему будет кому написать, не только родителям. Нужно будет только решиться.

Замёрзший поезд оттаивал, подходя к Воронежу. Последние часы псевдосвободы. И вот она – казарма. Доклад по форме о возвращении и отсутствии залётов, парадка на ПША. Народ стекается в прострации. Понемногу общение с братьями по участи начинает растапливать ступор в голове, образованный осознанием неизбежности и бесконечности грядущего полугодия. Ещё вчера была не казарменная кровать, и не Заварин являлся ему на ночь. Ещё вчера была Татьяна. Но в программе сегодняшнего вечера, как и почти пары сотен следующих, сказки уже не будет. Завтра всё закрутится заново. Злющая предательская тоска будет пытаться несколько дней, пока не отляжет через неделю.

Государство в лице преподавательского состава КВВКИУРВ продолжало давать качественное и достойное образование слушателям, которые были в состоянии воспринять и оценить. Оценить, правда, получалось позже и с ощущением угрызений совести за собственную неблагодарность и выплеснутый в адрес тех лет негатив. Оценить, очутившись в последующей позорной эпохе, пожиравшей созданные в те времена материальные блага и остаток достойных людей, которые не проявили способностей или желания перестроиться под среду меркантильного благопожирания и невысказанного уровня лицемерия. В стаде, отвергнувшем всяческие

принципы и общечеловеческие ценности, заменив всё враньём и лицемерием, как в воде: всё достойное не способно удержаться на плаву и имеет единственную участь – уступить место нетонущим ценностям современной эпохи.

Василий Андреевич Бухтояров был не из тех, кому наплевать, как воспринимают излагаемый им материал. А излагал он наиболее сложные вещи из общеобразовательных дисциплин – матанализ. Талантливо сочетая суть и методику решения дифференциальных уравнений с лирическими отступлениями на тему важности и почётности миссии, выпавшей на долю слушателей, а именно статью Грозой Американского Империализма, Василий Андреевич не оставлял вариантов для полного вылетания всего влетевшего в одно ухо из другого. Что-то, если не матанализ, то эмоции в голове должны были оставаться.

Воодушевляющие лирические отступления так прямо с диффурами не пересекались. Как правило, существовало несколько условий переключения алгоритма изложения на них, и часто без обратного возврата к матанализу.

Первым вариантом было обнаружение в аудитории спящего курсанта. Нет, к вынесению приговора и к расстрелу это не приводило. Василий Андреевич никогда не опускался до уничижающих репрессий. На карандаш он, конечно, мог взять особо отъявленных, но только чтобы проявить немного больше объективности на экзамене.

Тирада по поводу сна на лекции всегда была однотипна, продолжительна, но воодушевлённость её со временем не снижалась. Плавно переходя от вводной части о ценности отведённого человеку времени к важности выпавшей миссии, Василий Андреевич декларировал постулаты: «Ты миллион лет спал! Миллион лет будешь спать! И ты проявляешь сейчас такую глупую расточительность, погружаясь в сон в важные моменты дарованной тебе жизни! Ты! Гроза Американского Империализма! ...»

Второй вариант слушатели часто провоцировали умышленно. Когда мозг начинал кипеть, а до конца пары ещё оставалось полчаса, кто-то из курсантов тихонько, как бы комментируя что-то соседу, но так, чтобы услышал Василий Андреевич, упоминал слово «Пугачёва». У Василия Андреевича безвариантно срабатывал рефлекс, на который все рассчитывали. Остаток лекции был посвящён пламенным речам о том, какой вред государству, обществу, планете и Вселенной в целом приносит эта политическая п... Пугачёва. Народ расслаблялся в упоении до конца пары.

Ожидание экзамена по матанализу для большинства являлось ожиданием “залёта”, который неминуемо поставит под угрозу отъезд в очередной отпуск. Но, к чести Василия Андреевича, какими бы явно выраженными не были его идейные принципы, он всё понимал. Ведь он был и реально классным преподавателем матанализа, что не сочеталось со скудоумием. Ни на секунду Бухтояров не забывал о сути курсантского бытия, о том, насколько это не так просто, что есть отпуск, ну и всё такое. И, как бы ни была грозна создаваемая им неотвратимость расправ за неуважение к матанализу, так никого он и не загрыз. Ну и никто не смог остаться без уважения к этой, несомненно, яркой личности.

Саныч утвердил Андрюху на должности командира отделения, и началась ещё одна нелёгкая школа – получение навыков сержантства. Это была одна из труднейших задач в жизни. В войсках рамки взаимоотношений были выстроены чётко: командир – подчинённый. И никаких неоднозначностей. С сержантством в училище всё гораздо сложнее.

(От автора: “Следующие тройка абзацев добавлена по просьбе Саныча, сокрушающегося по поводу того, что я не написал о самом главном”)

Саныч считал дело воспитания сержантов самым важным и подходил к нему фанатично. Он готовил их по ночам, уезжая домой после часа ночи на такси, а в шесть уже был на службе. На третьем курсе старше командира отделения и старшины начальников не будет. По крайней мере, так заявлял Саныч. Но и на деле, если командир отделения сказал: «НЕТ», то никакие погоны не могли этого курсанта вырвать в увольнение. Как это было с Шурой Шевченко, когда

за ним пришел грозный замначальника училища полковник Гольтяев, а командир отделения сказал «нет». Гольтяев попытался приказать Саньчу, но тот протянул ему увольнительную записку и сказал: «Пожалуйста! Увольняйте! И сами подпишите». Тот плюнул и больше никогда не приходил с подобным.

На третьем курсе и до выпуска заправляли всем младшие командиры. А в отсутствие Саньча увольнял старшина Сопов. Когда кого-то задерживал патруль, и обнаруживалось, что увольнительная подписана Соповым, замполит поднимал переполох. Он пытался орать на Саньча на совещании у начальника факультета и заявлять, что у него на курсе бардак. Саньч невозмутимо предлагал замполиту почитать устав и обязанности старшины роты в нём, где пункт гласил: «В отсутствие командира роты старшина выполняет его обязанности». И начальник факультета Рубцов замполита затыкал!

Получив достаточный уровень уверенности в сержантском составе, Саньч иногда пользовался этим для некоторых вольностей. Вскоре пришёл новый начальник училища и начал «наводить порядок», устно приказав начальникам курсов перейти на казарменное положение. Саньч повесил на стул в канцелярии китель, на стол положил фуражку и позвал старшину Сопова. Тот доложил о прибытии, а Саньч спросил у него: «Где начальник курса?» «Не понял?» – сразу не сообразил старшина. Саньч встал, отошел к двери и повторил вопрос. Сопов сообразил и ответил: «Где-то здесь». «Молодец! Соображаешь», – удовлетворился Саньч и стал приходить только к подъему, причём, когда курс уже стоял на улице.

Правомерно считается, что именно на сержантском составе держится вся армия. Но редко кто вдаётся в подробности – что за этим стоит в военном училище. А стоит за этим гибкость подходов и компромиссов, возведённая в степень искусства. Парадокс заключается в том, что ты должен требовать, принуждать и наказывать тех, с кем ты живёшь и по-своему зависишь от них. Любой срыв в беспредел, или другая крайность – проявление беспринципности, уничтожают твой статус и карьеру сержанта в ноль и сразу. Так и живёт сержант, умело лавируя между интересами личного состава и требованиями офицеров, и каждый промах стоит ему полной или частичной потери авторитета или доверия командования.

Проблема сержантства оставалась на протяжении всех пяти курсов, пока существовала ответственность за всё, что творило отделение, и как эффективно оно выполняло поставленные задачи. На это накладывалось обстоятельство полной бездомности за пределами забора училища и открытой готовности родителей подчинённых помочь во временном приюте, хотя бы для переодевания в гражданку и просто подкормки. Уезжая после выпуска из Краснодара, Андрюха потерял кучу бумаг, включая водительские права, выпускной альбом и записи личных контактов. Через много лет, вспоминая об этом, он сильно сожалел, что не предпринял достаточных усилий, чтобы поднять координаты, как минимум, родителей Олега Немирова, благодушно предоставлявших ему приют и терпевших его, хоть не очень частое, но присутствие в своём доме. А именно этих людей, равно как и мать Серёги Фёдорова, проявлявшую к нему искреннюю доброту и всегда державшую открытой дверь, он, при наличии хоть в малом количестве добропорядочности, должен был не забывать и минимум поздравлять с Новым Годом.

Наука нахождения компромиссов давалась нелегко, но скоро на чистых курсантских погонах зажелтели по паре лычек младшего сержанта. Первые три года дежурными по курсу ходили только сержанты. И это была та ещё тренировка.

Заступающий наряд получил штык-ножи, привёл внешний вид в порядок и был готов выдвигаться на развод. Бегло проверив знание обязанностей дневального и внешний вид, Андрюха построил свою команду, и колонной по одному выдвинулись на плац. Построение наряда всего училища, представление дежурного по училищу, проверка готовности всех подразделений, развод под оркестр. Казарму приняли с умеренной степенью скрупулёзности. Ночь прошла без эксцессов.

Андрюха никогда не спал по ночам в наряде. В молодости бессонные ночи не являлись сильной проблемой, но состояние «ловления лёгких глюков» каждый раз наступало. Мозг отключался даже в стоячем или идущем положении. То и дело мерещится всякая пролетающая меж кроватей нечисть, и инстинктивно хватаешься за штык-нож. Но это всё абсолютно терпимо по сравнению с масштабами дурдома, который ожидает наряд, и особенно дежурного по курсу, наутро.

Пять минут до подъёма. Часы сверены. Не дай Бог они будут отставать на минуту или спешить. В первом случае дежурный будет разорван проверяющими, а во втором – личным составом. Поднять курс на минуту раньше положенного – проклятий не оберёшься долгое время.

Пока все действуют по распорядку, и Бабков не пришёл, время работает на тебя. За полчаса до завтрака надо прибыть в столовую и убедиться, что к приёму пищи курсом всё готово. В случае неустранения возможных проблем риск большого негатива со стороны личного состава также обеспечен.

В тот день Саныч не припёрся с утра и не стал пить кровь на завтрак. Этот факт очень успокаивал. Но никто не мог знать, что день грядущий принесёт. Размявшийся на зарядке, умытый и накормленный курс убыл на занятия. Настала пора нелёгкого труда наряда по приведению казармы в образцовый вид. Кровати, подушки на них и табуретки были выровнены по нитке, кантики на кроватях доведены до совершенства, как и сама заправка. Не допускались всяческие провалы или неровности. Окна должны быть чистейшими. Мусор выметен, полы натёрты, паутина убрана, всё остальное, что присутствовало в казарме, должно было быть параллельным и перпендикулярным. Пыль не допускалась нигде, включая те места, куда добраться было невозможно. В туалете и умывальнике всё должно сиять. Также и во всех холлах. Погоны и шевроны на шинелях в шкафах должны быть выровнены по нитке. Закреплённая за курсом территория должна быть в идеальном состоянии, фундамент казармы сиять, а трава – зеленеть.

Было немного объектов, которые находились вне зоны ответственности дежурного по курсу. К ним относились солнце, дождь и ветер. Но порой казалось, что не все из командования об этом догадывались. Только после контроля выполнения всех мероприятий на должном уровне дежурный по курсу чисто теоретически имел пару законных часов для сна. Была ещё и масса указаний от курсовых офицеров, старшины и начальника курса, но не всегда. В удовольствии попинать дежурного по курсу в его часы отдыха Саныч редко себе отказывал, и уж точно никто из проверяющих не упустил бы такой возможности.

Приближался полдень, солнце сияло, казарма сияла сильнее солнца, Бабков не пришёл – всё, что нужно для счастья дежурному по курсу. Мысли об оставшихся каких-то семи часах начинали греть душу. Двое курсовых старались не топтать и не отвлекать дежурного от мечты о скором возможном спасении. Курсовые вообще редко проявляли признаки потребности в тирании, но, когда им это приходилось делать, в свете таланта Бабкова испепелять взглядом и выносить приговоры выглядело всё понарошку. Ещё будучи старлеями, Балаконенко и Храпов вполне уютно чувствовали себя в тени любителя метать молнии.

Немедленно переименованный в Балконского Балаконенко, казалось, и старался следовать тому образу, которым веяло из великого произведения Льва Толстого. Что касается Храпова, типаж был абсолютно другим. Попытки Храпова выглядеть образцом строгости не могли не приводить к срыву в смех иногда даже тех, на кого он обрушивал свой гнев. На неподготовленного зрителя грозные выпученные глаза и руки за спиной могли произвести ужасающее впечатление, но пока он не начинал выдавать свои известные тирады, цитируемые потом повсеместно. Все были убеждены, что именно Храпову принадлежит авторство в классике, самой безобидной из которой было: «Эй вы, трое! Оба ко мне!» Да и попытки изображения расправы могли сорвать в смех и самого же Храпова. В целом никто из курсантов не мог вспомнить о своих курсовых что-то плохое, ну а юмора вокруг их проделок хватало.

В тот день оба курсовых, также получая кайф от погоды и отсутствия Бабкова, занимались своими тайными важными делами и периодически появлялись в районе то канцелярии, то туалета. Всё шло мирно, и ничего плохого не предвещало даже и близко. Пока на входе в казарму не появился Заварин. По одному его виду Андрюха понял о приближении скорого конца.

С выражением инстинктивного ужаса старшина торопился в канцелярию предупредить тех, кто ещё имел теоретически шанс спастись с корабля, прямо в который направлялся самолёт камикадзе. Заодно надо было и обсудить, кто в этот раз будет обязан принять удар на себя. Наличие в расположении двух курсовых вселяло в Заварина надежду на то, что это будет не он. Проходя мимо дежурного по курсу, который в его понимании уже являлся стопроцентным и без шансов покойником, старшина произнёс слово приговора: «Придатко!»

Ужас обречённости подкосил ноги Андрюхи. Со слабой надеждой на ошибку и опираясь на кровати, он подошёл к большому окну, которое выходило на широкую дорогу от казармы к главному учебному корпусу. Небо падало на голову. Символизируя самую медленную в мире и самую разрушительную во Вселенной торпеду, прямо на казарму, традиционно заложив руки за спину и молчаливо озирая окрестности, планировал “Боинг”.

«Пи... Капут!» – произнёс Андрюха и представил, как через несколько минут на него будут сыпаться кирпичи и перекрытия, и жизнь в глазу померкнет.

Переговоры старшины и курсовых не дали нужного результата. Проявив чудеса дипломатии, Заварин испарился в неизвестном направлении. Из канцелярии слышалась возня и голоса перепалки, которые вскоре стихли. Балконский с Храповым поочерёдно выгалкивали друг друга из-за угла, потеряв от ужаса дар речи. Фуражки падали с голов, а время удара торпеды неумолимо приближалось. В конце концов возня сменилась скрипом открывающихся окон и шорохами сползания по стене высокого цоколя. Шлепки туфель об асфальт, щебетание птиц, запахи солнечного дня, в который все так не хотели умирать.

Каптёрщик из каптёрки испарился каким-то ему одному ведомым способом, но это точно, что его никто в процессе исчезновения не видел. В каптёрке всегда действовали свои законы физики. Дневальные вне тумбочки последовали его примеру. На корабле остались только те, кому было некуда отступить: дежурный по курсу и дневальный на тумбочке.

Скрип входной двери, неспешные шаги грузного тела, из-за угла сначала появился живот, потом генеральские лампасы, а уже затем запрокинутая вверх голова генерала Придатко.

– Смирно! – истошно заорал дневальный. – Дежурный по курсу, на выход!

Дежурный по курсу был уже рядом, иначе выходить могло и не получиться, потому как ноги подкашивались от страха. Какой-то робот-автомат в мозгу Андрюхи отчеканил доклад:

– Товарищ генерал-майор! За время моего дежурства происшествий не случилось! Курс находится на занятиях. Дежурный по курсу младший сержант...

Придатко не замечал ни дежурного, ни казармы, ни тумбочки с дневальным, который даже забыл дышать. Казалось, ещё немного – и он рухнет прямо под ноги генералу, так и не имея шансов привлечь внимание.

– Вольно-о-о! – нехотя и не отрывая глаз от потолка, изрёк Придатко. – Дежурный!.. Что это?

За пару секунд в мозгу дежурного промелькнуло с тысячу вариантов, что может скрываться с другой стороны белоснежной балки перекрытия, которая была не видна с позиции дежурного и дневального. Варианты варьировали от самых безобидных, типа растяжки с гранатой, до дыры в параллельную Вселенную. Балансируя на грани потери сознания от ужаса, но ещё в состоянии двигаться, дежурный переместился в нужную для обзора позицию. В углу белоснежной балки чернел огромный паук. Подлая тварь коварно пряталась где-то, пока демонтировалась вся возведённая им паутина, а потом в отместку, чётко рассчитав момент, вылезла встретить генерала раньше наряда.

– Паук! Товарищ генерал-майор! – отрапортовал дежурный.

Небольшая пауза однозначно продекларировала значимость происходящего.

– Нет! – объявил Придатко, и с расстановками: – Это не паук! Это паучиха!

Челюсть дежурного отвисла в непонимании, является ли это началом приговора, и мозг лихорадочно начал выдавать варианты, какими будут эти приговоры дежурному, паучихе, курсу и его начальнику.

Придатко медленно опустил голову и стал не спеша сканировать объекты в казарме. Он явно намеревался растянуть удовольствие и мероприятие по выявлению фактов подрыва боеготовности Ракетных Войск Стратегического Назначения.

Ошарашенный демонстрацией генералом знаний в зоологии дежурный нервно сглотнул воздух и прикрыл рот. Долбанный паук также не шевелился.

Андрюха потом служил в дивизии, которой некоторое время командовал генерал-майор Придатко, и слышал хорошие отзывы о нём, по крайней мере от офицеров дивизии. Сейчас же боевой генерал, казалось, занимался делом, которое ему нравилось от всей души. Устраивать шмон по тумбочкам и на основании этого разносить начальников курсов и факультетов – было занятием, определённо достойным генеральского звания.

Медленно продвигаясь меж рядов кроватей, Придатко не упускал ничего. Профессиональный сканер в глазу генерала не останавливался на идеальных вещах. Если бы таковые присутствовали, кирпичи и перекрытия давно падали бы на голову дежурного. Но дежурный также профессиональным чутьём уловил факт внутреннего беспокойства генерала по поводу того, что придётся потрудиться, выискивая криминал. Это вызвало некий азарт в душе Андрюхи и удовлетворение от высокой оценки качества работы наряда. Прошло пять минут, а они ещё живы!

Андрюхе представилось, как незримый лазер бьёт из глаза генерала, быстро и на молекулярном уровне сканирует равнение по линейке кроватей, подушек, табуреток и всего, что можно поровнять, наличие пыли под тумбочками и углы отбитых кантиков. Достигнув ровно центра казармы, программа сканирования в голове Придатко переключилась на выборочный детальный осмотр тумбочек. Со стороны казалось, что генерал играет с кем-то в напёрстки. Быстро открывались выбранные наугад тумбочки, мимика лица генерала сменялась от явного рулеточного азарта до разочарования. Всё было однотипно, и нигде не было не то, что намёка на спрятанные носки, а даже одеколон лежал из одной партии. Явно опечаленный и опасаясь получить эффект «дежавю», генерал, казалось, плюнул в душе, и на лице отразилось что-то типа: «Да он реально долбанутый, этот Бабков!»

Впав ненадолго в раздумье и проследовав вдоль шкафов с линейкой шевронов, которые, казалось, ещё были сориентированы по уровню горизонта, генерал наметил следующие объекты казармы, где, по его убеждению, должен затаиться враг. Андрюха в ужасе подумал об оружейке. Оружейная комната была зоной ответственности дежурного по курсу, превышающей всё остальное. Более сотни калашей должны быть за надёжной красивой решёткой под сигнализацией, содержаться в идеально чистом состоянии в шкафах, а внутри оружейки стиральность допускалась не ниже, чем в операционной.

Но генерал остался безразличным к автоматам и привязанной к ним голове дежурного. Также не у дел остались Ленинская комната с подшивками материалов съездов КПСС, проглаженными утюгом и сориентированными на столах по линейке в направлении стены с бюстом Ленина. Через блестящий пол холла путь генерала лежал напрямую к умывальникам и туалету.

Застыв на секунду на входе, Придатко, казалось, призадумался, как бы не грохнуть на этом сияющем надраенном кафеле. Всё было вылизано и начищено. Краны блестели, раковины сияли. «Ну-ну! – подумал генерал, – всё ещё надеется меня переиграть этот Бабков. Не получится! Я в своей стихии. И тут мне нет равных».

Проследовав через умывальник в туалет и обнаружив ту же картину, генерал не отчаивался. Приоткрыв для порядка двери в кабины и ожидаемо обнаружив идеальную чистоту, генерал с явной решительностью подошёл к шкафу с инвентарём и, не церемонясь, открыл его.

«Вот оно! – отразилось на лице – Теперь мне ответит этот Бабков за всё! Факт диверсии обнаружен! Ракетные Войска Стратегического Назначения уязвимы!» Если бы не страх за показатели училища, Придатко без раздумья позвонил бы главкому и настоял бы на переводе Ракетных Войск Стратегического Назначения в одну из высших степеней боевой готовности. Но всегда приходится проявлять эту долбаную сдержанность. Медленно и торжествующе генерал извлёк из шкафа длинную палку с намотанной на конце тряпкой и огрызок веника.

– Дежурный!.. Что это? – продекларировал, вопрошая, генерал.

– Это, товарищ генерал-майор, у нас вместо швабры, а это есть веник, – отрапортовал дежурный по курсу и приготовился провалиться сквозь землю.

Генерал помедлил с полминуты, разглядывая добытые в бою трофеи, и начал выдавать резюме:

– Значит, так, товарищ младший сержант! Ровно в 15:00 вы лично берёте эти предметы и прибываете с ними в штаб на собрание офицеров училища!

– Есть! – ответил Андрюха, а в голове промелькнуло недосказанное генералом: «где вас будут четвертовать».

Как выкатился генерал из казармы, Андрюха не помнил. Присев в исступлении на скамейке, он краем глаза наблюдал, как из других измерений проявлялись курсовые, вопрошая о случившемся, а потом из какой-то тайной дыры вылез и Заварин. Услышав приказ генерала, курсовые в раздумье пошли прикидывать, чем это всё им может прилететь. Заварин постоял с минуту с сочувствующим видом и выдал убийственный прогноз: «Ну всё! Хана тебе! Исключение из училища минимум. Но радуйся, если так. Года полтора в войсках рядовым послужишь – и домой на свободу. А вот если дисбат припаяют – тогда вешайся!»

Не в состоянии думать о еде, Андрюха послал на контроль в столовую дневального, а сам продолжал морально готовиться к последним часам жизни. В 14:40, почистив сапоги и взяв добытые генералом трофеи, Андрюха, как последний придурок, попёрся с ними через всё училище и плац в штаб. Встречные реагировали по-разному. Кто-то шарахался, не вовремя увидев это явление. Кто-то останавливался, открыв рот. Некоторые давились от смеха.

Актный зал был набит офицерами. На сцену поднялся генерал Придатко, и по его команде в центр этой сцены вышел дежурный с тряпкой на палке и огрызком веника. Все присутствующие еле сдерживали смех. Не смешно было только троим: генералу Придатко, дежурному по курсу и обнаруженному им в зале ужасу – майору Бабкову. Генерал начал декларировать информацию о произошедшей катастрофе.

– Новое училище! Новая казарма! И что я обнаруживаю внутри? За это мне кто-то ответит! – объявил генерал и сделал огромную многозначительную паузу. Потом вдруг обернулся к Андрюхе, который абсолютно не ожидал подобного развития событий, и скомандовал: – Товарищ дежурный! Возвращайтесь к исполнению своих обязанностей!

– Есть! – после секунды задержки прохрипел Андрюха, повернулся и промаршировал со сцены, провожаемый испепеляющим взглядом Бабкова.

Представление от мастера Придатко только начиналось, но Бог отвёл Андрюху от участия в нём.

Явно разочарованный исходом, вернее, полу исходом дела, Заварин потерял интерес к дежурному и почувствовал, что по прибытии Бабкова «прилетит» и ему. Потянулся час тягостного ожидания. Саныч появился изрядно потрёпанным, но не побеждённым. И, к облегчению для всех, не стал срывать ни на курсе, ни на старшине, ни даже на дежурном. Всё его поведение говорило о давних личных счётах с Придатко, и объявляло: «Это мои проблемы, он – мой, и разберусь с ним без сопливых».

Остаток наряда проходил в атмосфере всеобщего сочувствия. Уцелевший дневальный изложил, как было дело, через призму больших глаз страха, и, казалось, ещё немного – и Андрияха начнёт ходить по воде. Но Саныч быстро вернулся к грандиозным задачам, которые можно было придумать для более чем сотни пар сапог, и всем стало не до недавнего визита генерала.

Нелёгкие курсантские будни продолжались, дни в расписании заштриховывались предательски медленно. Андрияха не вспоминал Татьяну, но написать не решался. Прошло уже несколько недель. Какие шансы, что она вообще помнит о его существовании? Но и выбросить из головы было не то, чтобы жалко, а равносильно оторвать и выбросить часть души. Наконец, решился, и написал. И попытался забыть. «Кто его знает, что она ответит? Да и если ответит – что потом? Где я, а где она?»

Татьяна ответила. И её ответ был в том же тоне, в котором было их общение в единственный светлый вечер в замёрзшем Брянске. Душу растопило новое, неизведанное ранее ощущение, что он теперь не один в мире, и началась переписка.

Татьяна писала, что ездила на соревнования в Болгарию, и передавала посылку Вовиной сестре в Софии. Описывала события из городской жизни. Что начали строить новый мост через Десну. Мелочи из своих дел. И всё это вызывало у Андрияхи ассоциации с каким-то безмятежным раем, в который некоторые люди попадают при жизни и делятся его теплотой с теми, кто не в состоянии согреться душой в более жарких местах, но с холодными нравами и жёсткими нормами существования.

И расписание становилось уже не таким белым, а его заштрихованная часть придавала всё больше и больше сил вскакивать по команде «подъём» и врезаться в проблемы грядущего дня, мечтая уже не о следующем отбое, а о продолжении прерванного счастья. И, хотя морозный брянский вечер всё сильнее размышлялся в памяти, главные его моменты не смогут стертись уже никогда, став элементами светлой картинке ушедшей юности.

Время и расстояние отступили, но не сдались, а ждали удачного момента для ввода в бой ярких, но пустые соблазнов, способных затмить то, что было реально ценным, но далёким.

Андрияха что-то писал про текущие дела, но каким боком это могло быть воспринято далёкой от войны Татьяной, он понятия не имел. Но о чём ещё было писать? Глупо, конечно. Сопливые отношения недостойны настоящего бабковца, и порой, казалось, что вместо грёз о любви лучше бегать с автоматом где-нибудь по горам Кавказа, но на свободе от всего этого. С получением ответного письма опасение конфуза за свои проходило. Это была всё та же умиротворяюще улыбающаяся Татьяна и её зелёные глаза.

Насколько это было дорого Андрияхе, показала стычка с замполитом. Тот обнаружил в военном билете фото Татьяны и начал вполне правомерное внушение о недопустимости проявления соплей в любом виде. Но, увидев сочетание явного непонимания в глазах и услышав инстинктивный скрежет зубов, решил не обострять и проявить толерантность. Татьяна нехотя подарила своё фото, аргументируя суеверием, что это приводит к расставанию. Сказала просто так, наверно. А может, уже подсознательно ощущала силу врагов по имени время и расстояние.

Давно растаял снег. В Краснодаре он имел шанс на возведение сугробов только в феврале и марте. Прошла черед нарядов, занятий, походов в баню, залётов, взысканий. Нехотя приближался июнь. Курс готовился к выезду в полевой лагерь для отработки вопросов тактической подготовки. Подъём по тревоге, полная экипировка, получение оружия, построение, погрузка в открытые газоны, проезд по Краснодару, объездная, дамба Краснодарского моря, Горячий Ключ, съезд в Саратовскую, лагерь. В огромной палатке курс помещался целиком. Остальная инфраструктура была развёрнута давно. Умывальники, навесы столовой, хозпостройки, автопарк, ну и всё остальное.

Программа была насыщенной, но выдавались и редкие часы позагорать. Не лёжа на траве, а выполняя какую-либо хозяйственную работу. Июньское солнце сделало своё дело быстро, и

через день-два курс обгорел. Как будто этого и ждали. Началась тактическая подготовка. Дни уходили на отработку занятия высоты. Большую часть пути до неё приходилось преодолевать ползком в полной экипировке на июньской краснодарской жаре и полностью обгоревшими. Казалось, шкуру с ног сдирали живьём. Зато финальное «Ура!» получалось очень громко и вперемежку с матюками.

После нескольких дней героических занятий высоты боль ушла, ноги и руки переставали трястись, автоматы стали легче, и курс планомерно превращался в стойких оловянных солдатиков. Наступил черёд марш-бросков. Они уже не казались столь изматывающими, как при совершении из сытой казармы. Даже лужи казались чище, и из них можно было попить. А тут ещё попадалась и бахча. Километры перелесков и бесконечных подъёмов и спусков бегом. Арбузы в вещмешках несли поочередно. Правда, на финише на них смотреть не могли.

Занятия по ориентированию и рекогносцировке воспринимались как расслабуха. Хотя выйти к заданной точке нужно было на время, но его было предостаточно для того, чтобы спокойно полазить по лесу, и даже позабираться на натканные везде нефтяные вышки и полюбоваться с них окрестностями. Выискивать никого не пришлось.

Двухнедельная программа полевого лагеря была выполнена, и курс организованно вернулся в казарму, которая теперь воспринималась как самое уютное место на земле. А очередной поход в баню дополнил список вещей, который необходим человеку для достижения состояния абсолютного счастья.

Началась подготовка к сессии. Всё казалось в кайф. И уютные аудитории, в которых при желании можно «поплыть». А главное – приближение летнего отпуска. Андрюха всегда любил экзамены. Азарт никогда не покидал его. Исключение составляли дисциплины, которые мозг в принципе освоить не мог. Например, историю, историю Партии, политэкономии социализма, ну и всё такое... Зелёная зачётка не была зачёткой отличника, но тройки в ней отсутствовали, а пятёрки по техническим предметам и матанализу были делом принципа. Не всё давалось легко. Но тренировка мозга освоением сложной информации в больших объёмах и в короткий срок давала огромный эффект и очень пригодилась в жизни.

Вторая сессия успешно сдана. Наступило время работ по подготовке к переезду в другую казарму, где должна состояться эпопея с паркетными полами. И ожидание отпуска! Бои затихли, приближалось что-то сказочно волшебное – несколько недель псевдосвободы. Это вносило некоторое смятение в душу. Как давно всё было! Как там будет теперь? В открытом беззаботном мире. Не будет курса, Бабкова... непонятно. Всё, чем жил последние полгода, не хотело отпускать.

Счастье подкралось незаметно. Просто в процессе перетаскивания вещей курса в другую казарму Андрюха услышал, что партия особо отличившихся надела парадки, построилась и получила отпускные документы. Вскоре очередь дошла и до него.

Освежившись в умывальнике, надев парадку, проверив документы, Андрюха в составе очередной партии отпускников прослушал внушение-инструктаж о недопустимости залётов, обязательности регистрации прибытия/убытия в местной комендатуре и в прострации вышел через КПП в цветущий летний Краснодар.

Своей «гражданкой» ещё не обзавёлся. Увольнения на первом курсе были очень редки, и особой надобности в ней не было. Позаимствовав одежду у местных одноклассников, Андрюха бродил в ошалении по городу. На следующий день состоялась грандиозная свадьба. Никакой информации о самом большом зле в мире – алкоголе – ещё не было. Никто из окружающих не владел чем-то подобным, и никому такому в ближайшие лет 15 встретиться Андрюхе не было суждено. Потому отрывались по полной.

Когда же отношение к алкоголю изменится на категоричное отрицание, это станет огромной проблемой. Не имея представления, как даже начать тащить из этого дерьма тех, кого он собственным примером туда затаскивал, Андрюха перестанет летать на встречи курса раз в

пять лет, и только потому, что они будут проходить в кабаках. Дойдёт до того, что за пару дней до встречи он будет находить в компьютере прямой рейс Брянск – Краснодар и держать палец на клавише ввода для оплаты забронированного билета, но так и не сделает этого. Потом, когда билеты на прямой рейс закончатся, Андрюха будет держать палец на клавише ввода для оплаты билета из Москвы, но не сделает этого. Одногоруппники станут звонить и выносить мозг. Саныч на обратном пути фыркнет и оборвёт связь на несколько месяцев. Но не Саныч ли учил следовать своим принципам и взглядам, несмотря ни на что? Он, конечно, отгадет позже.

Первый же летний отпуск был ознаменован “отрывом” до потери памяти о том, что там происходило. Начало августа. Верхняя полка. 20 часов беспробудного сна. Соседи по купе вздохнули облегчённо и рассказали о своих опасениях по поводу первокурсника, не подававшего абсолютно никаких признаков жизни в течение столь долгого времени.

И вот он дома. Раннее августовское утро. Родители ещё спят. Решил пока не будить, а погулять в родных окрестностях. Годовой цикл с опозданием в чуть больше месяца замкнулся возвращением домой. Здесь всё по-старому. Те же тополя, заросли акаций, одинокий клён, сосновый лес больничного городка. Здесь играли в войнуху. Здесь ещё и не заросли окопы реальной войны.

Брянская земля ещё многие десятилетия будет хранить эти следы величайшей трагедии в истории человечества. Эти следы давно стёрлись на тридцатикратно перепаханных полях Кубани, но оставались здесь. Оставались чтобы напомнить о необходимости переосмыслить и правильно осознать всё произошедшее в 20-м веке. И о жертве, которая была в очередной раз принесена, чтобы обеспечить существование следующих поколений. Жертве, которая оценена только высокопарными словами. Жертве, которой был присвоен свой инвентарный номер, и была она поставлена на полку реквизитов для осуществления актов постановочной пропаганды ценностей со смыслом, переработанным в угоду власти. Уже не останется ветеранов, имеющих воспоминания о том, как это было. Уже расцветёт и станет самой развитой и благополучной в мире побеждённая Германия. Германия, осознавшая и покаявшаяся, и получившая пропуск в будущее, став образцом человечности. Но так и будет казаться, что Россия всё ещё в оккупации.

Самовосхваление – путь к гибели!

Покаяние и упорный труд – единственный путь к спасению!

Это работает как для отдельной личности, так и для страны в целом!

Всё труднее встретить людей, подтвердивших эту библейскую истину примером своей жизни. Но в масштабах стран присмотритесь к России и Германии.

Одна, раздуваясь от понтов, форумов и помутнения рассудка, под тяжестью собственного величия, превосходства и «Богоизбранности», не в состоянии прокормить стариков и вылечить детей.

Другая, заслуженно лишённая права на возвышение голоса, упорно трудясь более полувека и не поднимая головы, создала мировой образец социальной обеспеченности для собственных граждан и мировой авторитет, масштаб которого нет необходимости доказывать, беспрерывно раздувая понты и поливая соседей грязью.

Кто из них кто – решите сами.

Восемь утра, отведённое на философию время закончилось, захотелось есть и спать, и Андрюха пошёл будить родителей.

Несколько дней ушло на отсыпание и поход по друзьям. Какое-то волнение не давало сразу сорваться к Татьяне. Андрюха так за много лет и не понял – что это было? Слишком идеальной она казалась для него? Нет, не слишком правильной и непорочной, а именно той, кому он подсознательно боялся навредить, не оправдать её надежды и представления о нём? Преодолев непонятный психологический барьер, он явился. Это была всё та же Татьяна,

казалось, ждавшая его, обрадованная, но с той же привычкой сдерживать эмоции. И лучший отпуск начался. Походы по дискотекам, встречи с друзьями, хождение пешком через весь город вдвоём – всё было в кайф. Татьянин кассетник с любимым «Плотом» Лозы у неё дома в ожидании, пока она соберётся. Лето бушевало яркими красками августа. Бесконечный Модерн Талкинг гремел со всех сторон.

Как-то пересеклись со школьным преподавателем физкультуры. В десятом классе, когда Вова уехал в Питер, Андрюха продолжал подрабатывать на ведущей дискотеке района и вести дискотеки в школе. В те времена дискотеки ещё не были той вакханалией, в которую они превратились в конце девяностых. Перегибы были, в том числе и с горячительным для храбрости. Но в целом всё всегда было безобидно, разве что драки иногда на улице.

Юрий Николаевич предложил ещё и подработку на проведении свадеб. Часть аппаратуры была личного Андрюхиного производства: усилитель по схеме Шушурина, мощная цветомузыка на электровозных симисторах и личные магнитофоны. Акустику и свет частично заимствовали в школе, частично – у друзей в ДК. Тогда было принято помогать друг другу. Андрюха собственноручно слепил зеркальный шарик на моторчике, который потом грохнулся с потолка – хорошо во время застолья, а не танцев – привёда в восторг уже изрядно подпитую публику.

У Юрия Николаевича имелся свой жигуль, что по тем временам было круто. И они с Андрюхой встретились в его первом отпуске. Но Юрий Николаевич предложил не подработку, а выезд на природу с ночёвкой и подругами. У него было примечено шикарное место в пойме Десны под Выгоничами. Татьяна согласилась и в назначенный день приехала к Андрюхиным родителям.

Летний августовский день приближался к обеду, и жигуль Юрия Николаевича мчал их на природу в окрестности Брянска. Десна перед Выгоничами уходила на километры от трасс, на которых ещё не было столько машин. Свернули с асфальта. Заливные луга по обе стороны грунтовок уже начали принимать желтоватый оттенок, но уходили вдаль всё ещё преобладающим зелёным. Война в голове приутихла. Счастье на короткие часы вырвало руль у проблем и ударило по тормозам в попытке остановить свои мгновения. Скошенная трава уложена в стога с месяц ранее, и у одного такого остановились.

Вода в Десне в конце августа редко располагала к купанию, но по этому поводу переживать не приходилось. Немного неудачной рыбалки – и волевым решением Юрия Николаевича на костре жарилась не пойманная рыба, а сало. Музыкальные вкусы Андрюхи и Николаевича не совпадали, но если на свадьбах и дискотеках им удавалось сочетать разные репертуары, то теперь звучал исключительно хозяина машины и магнитолы. Это значит – всё русское. Саруханыч только начинал в составе Круга, и почему-то запомнились наиболее грустные их песни: «а может, теперь не ясно...», «ты сказала “поверь”...» и, конечно же, «и я тогда зову гостей», исполнением которой потом вынимал душу Ефим.

Порезвившись как дети с забиранием на стог и скатыванием с него, послушав профессионального качества рассказы Николаича о событиях совместного творчества на свадьбах, всех сопутствующих конфузах, которых, кроме упавшего шарика, было достаточно, и о других ярких моментах, даже не заметили, как день стал клониться к концу. Закат собирался быть безоблачным и ярко-красным. Наступало то время суток, которое в большинстве ситуаций вводило Андрюху в непреодолимую тоску.

Закат будет пытаться его всю жизнь. И как ни сильна временами тоска, но закат всегда будет тянуть его проводить. Единственное лекарство от этой тоски на закате – быть не одному, а с теми, кто тебе близок. Но с годами и такой метод начинает работать всё хуже, а иногда и совсем сбойть. А всё больше близких уже в принципе не смогут быть рядом.

В тот августовский день у тоски не было шансов, но она намекнула о том, что не всё в будущем у этих двоих сложится весело, особенно у неё. К счастью, закат, когда бывает груст-

ным, длится недолго, и подлая тоска в панике убегает с последними лучами солнца, уступая место насыщенным планам на вечер.

В 18 лет взгляды на жизнь ещё формировались. И в те времена они формировались не в атмосфере тотального лицемерия и разврата. Да и эти двое были соответствующего воспитания. Юрий Николаевич всегда являлся противником алкоголя, и про эту гадость никто и не вспомнил. Попытки Николаевича накормить их салом с луком также остались безуспешными. Ночь у костра, немного сна, утренняя заря, рассвет в раю – всё без исключения «в кайф». Но близкий отъезд уже давил на психику. Сутки вдвоём сделали тяжесть неотвратимого неподъёмной. Возвращение в реальность будет тяжёлым.

Татьяна так ни разу и не пришла провожать его. Может, стеснялась. А может, ему надо было явно попросить и помочь преодолеть нерешительность. Но всегда ждал. Проводник закрывает лестницу, поезд отправляется, родители машут, прощаясь. Взгляд обязательно скользнёт по всему перрону, тщательно сканируя людей. Летний Брянск и всё, что в нём осталось, плавно погружается обратно в сон, и светлая надежда на то, что он повторится, как белая птица выбирает место в душе, куда ей опуститься.

Краткая остановка на Втором Брянске. Здесь чуть более года назад он попросил прохожего отправить родителям письмо. Опять эта убегающая вдоль путей дорожка, как символ потерянной свободы, и душа так рвётся просто идти по ней в светлое куда-нибудь вместо ехать в суровое бабковское царство.

Новое белое расписание новой железобетонной плитой из всех своих более 170 клеток легло на мечты о потерянной свободе. Сознание упорно не хотело принимать действительность. Ещё вчера не было казармы, а был дом, Десна, Татьяна. В голове всё ещё звучал Модерн Талкин, сияли огни дискотек, и завораживала безмятежность тёплых вечеров вдвоём. Ещё несколько дней назад это всё не имело той умопомрачительной ценности, которую приобрело сейчас, и воспринималось – нет, не обыденно, но как естественное и не уходящее. Всё обвалилось, растаяло в предрассветном тумане, и действительность после пробуждения ударила обухом по голове.

Мир схлопнулся до размеров казармы. Только доктор Бабков был уже рядом и не оставлял вариантов избежать терапии выбивания соплей и грёз о потерянной юности свежесжатым утренним дурдомом, плавно переходящим в постановки задач, разбор полётов и разносы нарядов. Терапии, которая должна была научить держать удары посильнее, чем отрыв от юбок и мамкиных пирогов, и отвечать башкой за каждое наступание в дерьмо.

Новый учебный год начался в другой казарме, расположенной рядом с КПП, и опять на первом этаже. В казарму превратили старый учебный корпус. Первая часть нового учебного корпуса была введена в эксплуатацию, курсов становилось всё больше, и под казармы требовались новые площади.

Бабкова сильно раздражал лакированный паркетный пол, и курс отскрёб его почти полностью кусками стёкол, ну и с частичной помощью запоздавших циклёвочных машин. Всё вымазали в сурик и мастику один раз, потом опять отскребли и вымазали мастикой второй. Паркет стал тонким, и только это обстоятельство остановило Бабкова в половом безумии.

Казарма изначально была конюшней и построена ещё в прошлом веке или ранее. Потом превратилась в казарму, потом в учебный корпус, потом опять в казарму, и с такими архаичными постройками особо не церемонились. Ещё перед летним отпуском потолки были качественно побелены сапожными щётками, мебель вынесена, кровати и тумбочки переехали из предыдущего расположения. Тут был полный комплект помещений, включая канцелярию, Ленинскую комнату и большой холл. На втором этаже размещался ещё один курс. Но казарма находилась в самом проходном месте училища. Благо что основная часть хищников спешила мимо неё или домой, когда тратить время на разгон наряда не хотелось, или на службу, когда времени попить крови просто не было. Шальные генералы как-то вообще потеряли инте-

рес, а может, его отбил и Бабков, заложив на подсознательном уровне «себе дороже будет». Даже гроза «чепка» (кафе) и перемещающихся одиночек (ходить разрешалось только строем) – комендант – игнорировал. Так что получился обратный эффект, и хищники по привычке ходили пить кровь в находящуюся поодаль новую казарму.

Но расслабиться дежурному по курсу и наряду возможности не было. Бабков требовал порядка ещё больше. Добавились новые заботы. Цоколь должен быть натёрт солярой и блестять. Пропустить эту процедуру не представлялось возможным, так как теперь он быстро покрывался пылью. По ночам дежурному можно было сидеть на крыльце и даже пытаться ловить западную музыку на криминальном КВ-приёмнике. Дикие собаки устраивали лай каждую ночь на спортгородке, а при открытых окнах казалось, что они лают в самой казарме. Потому, гоняться приходилось уже не за приведениями, а за собаками.

Цоколь был намного ниже, что позволяло Бабкову периодически влезать перед подъёмом в окно напротив каптёрки, контролировать качество подъёма, и собранного по этому событию материала хватало на разносы в течение нескольких дней. Кровати командиров первого и второго отделений – Андрюхи и Виталика Остапенко – находились прямо у выхода из каптёрки, что позволяло почти всегда обнаружить затаившегося начальника курса и проявить максимальную активность, подгоняя подчинённых. Потому под раздачу удавалось не попадать.

Основная часть «залётных», попробовавших скостить часть армейского срока в училище и наивно полагавших, что тут будет легче, покинули курс по собственному желанию или были отчислены. Дембельнулся и Заварин. Саныч начал эксперименты по выращиванию нового старшины из состава курса.

Пришло письмо от Татьяны, в котором она рассказала, что в Брянске возобновили традицию проводить Свенскую ярмарку на День Города 17 сентября. Далёкий гражданский сон опять напомнил о своём существовании, но времени на его смакование практически не было.

В списке учебных дисциплин всё ещё преобладали общеобразовательные, но составляющая военной специфики увеличивалась. Продолжалась огневая и боевая подготовка. Выезды осуществлялись то на стрельбище в Горячий Ключ, то на полигон для отработки метания боевых гранат. Начиналось всё, как всегда, с подъёма по тревоге. Процесс поездки по городу и далее по природе в открытом кузове всегда воспринимался с радостью и сглаживал обстоятельства утреннего дурдома. Красно-золотой ковёр осеннего стрельбища в лучах солнца завораживал. Отстрелявшись, можно было насладиться природой и погодой в ожидании, когда отстреляются другие, а потом оторвутся по сэкономленному рожку и офицеры. Автоматы чистили неделями, и этому уделялось всё «лишнее» время.

Упражнение по метанию боевых гранат было отрегулировано до банальных мелочей. Куда идти, в какую руку брать, куда кидать, за что прятаться. Но при всём этом без эксцессов, к счастью, бескровных, не обошлось. Кто-то от усталости плюс психологического напряжения, плюс тормознутости всё же косячил. И хорошо, что находившемуся рядом Бабкову телепатическим плюс психологическим, плюс пинательным воздействием удалось исправить ситуацию и предотвратить трагедию. В напоминание в фуражке Саныча красовалась дыра от осколка. Он их потом через годы насобирает несколько, добровольно влезая во все военные конфликты конца девяностых и начала нулевых. Приезжая к нему в гости через 25–30 лет, Андрюха будет слушать рассказы о том, как Бог чудом оставлял Саныча в живых. О его чутье, которое позволяло сменить место дислокации в воронке на другую ровно за несколько секунд до прилёта мины.

В бесконечных занятиях по строевой подготовке курс окончательно приобрёл свой голос и сногшибательный вид ротной коробки, способной не оставить без впечатления никого из наблюдателей. Городские власти охотно пользовались этим. Никакие ноябрьские или майские торжества не обходились без военных парадов. Сами тренировки проходили в присутствии огромного количества зрителей, готовых тратить часы, наблюдая. Да и простые выходы курсов

в баню с бросающим в дрожь исполнением строевых песен собирали много зевак. Со временем город привык к этому и стал относиться как к обыденному, спохватившись лишь тогда, когда училище было уничтожено усилиями коммерсантов в погонах. Пока же репертуар расширялся, и к обязательной программе добавлялись более изысканные и мелодичные вещи.

Во времена казармы любой выход за пределы училища воспринимался как праздник. Но особого разнообразия поводов не было. Курсантами решалась и проблема посещаемости местных театров. Так походов в театр оперетты и просмотров именно «Марицы» за всё время курсантства Андрюха насчитал семь.

Курсанты-краснодарцы, казалось, вообще теряли самообладание после нескольких недель невыхода из училища. Любая мнимая или реальная необходимость решить мелкий хозяйственный вопрос, если только его можно использовать как предлог выбраться за забор хоть на пару часов, использовалась всегда.

Как-то в наряде Андрюха обнаружил, что часть вешалок под шинелями пришла в негодность. Краснодарец Олег Левик, будучи дневальным, неминуемо предложил использовать этот факт как повод для покидания училища минимум на три часа. Вешалки однозначно должны быть однообразными, а потому их требовалось сразу 120 штук. Андрюха доложил проблему Бабкову, пользуясь его временным некровожадным настроением, и указал, что Левик знает крутой магазин с дешёвыми вешалками.

Увольнительная на три часа была выписана, парадка надета, и они поехали по магазинам. Достаточное количество однотипных вешалок нашлось за «Авророй». Тут-то и возник вопрос: а как их транспортировать? В ящиках это выглядело неподъёмным. В магазине подыскали трёхметровый шест, на который и повесили все 120 вешалок. Зайти с таким в троллейбус было проблематично, но это и обрадовало двоих курсантов.

И вот два придурка в парадках и шестом со 120 вешалками в колонну по одному чешут через половину Красной до Северной. Народ оценил зрелище по достоинству. Но, если бы это увидел Придатко или Гольтяев, первого хватил бы удар, а второй съездил бы на такси в училище за пистолетом и застрелил бы обоих. Гольтяев только обнаружив Андрюху с подчинёнными на уборке территории в незавязанных шапках вlepил ему трое суток гауптвахты. Можно представить, что бы было за вешалки. Пинать Бабкова повода хватало бы на полгода минимум.

Двое курсантов не спеша припарковали вешалки на тротуаре и зашли в кафе насладиться мгновением свободы, летнего Краснодара и мороженого. Жизнь удалась! Вешалки не угнали. Само КПП миновали демонстративно и без проблем. Кому могло прийти в голову, что эти два раздолбая тащили так вешалки через всю Красную?

Ситуация сильно обострилась, когда курс начал жениться. Оторванные от молодых жён готовы были лезть на стенку. Андрюха одно время даже забеспокоился за психическое состояние Немира, и пришлось идти с ним в самоволку и прикрывать на час. При этом Балконский задним чутьём обнаружил неладное, но слабое зрение не позволило ему разглядеть сидящих в кустах и наблюдающих за ним самовольщиков. Ждали возвращения Немира из соседнего дома. Порыскав кругами в радиусе пары сотен метров от КПП, Балконский не смог отделаться от чувства творящегося государственного заговора и пошёл строить курс для проверки. К счастью, курс был кто где – на работах и разных мероприятиях, и для построения понадобилось время. И к этому времени все самовольщики вместе с осолопевшим Немиром были уже в строю.

Увольнения становились доступными для тех, кому это было как воздух. А ещё началась практика культурных встреч со студентками местного политеха. Это не были старые офицерские балы, о которых мечтал Бабков, но сама тема неожиданно для всех не стала отвергнутой. Пользуясь у Бабкова авторитетом сержантам и старшине Андрюха подкинул мысль, что нужно бы скинуться, купить оборудование и проводить полноценные дискотеки, повышая тем самым статус училища и в этом направлении. Всю техническую часть обеспечить было гарантировано. Витька Макагонов взял организационную инициативу на себя. И отношение к идее

по простетивии удивительно небольшого времени у Бабкова полностью поменялось на положительное, за исключением нескольких нюансов, которые потом стали камнем преткновения во многих важных вопросах, включая имидж.

Все без проблем скинулись, и на эти деньги купили пару колонок, усилитель и магнитофон. Цветомузыку Андрюха позже сгородил из добытых в отпуске электровозных симисторов, и её мощности хватало для подключения всего, что могло излучать свет в округе. Традиционно оборудование размещали у щитка, а на цветомузыку подключалось всё, что этим щитком запитывалось в зале и на улице.

Однажды заболевшему Андрюхе приходилось вести дискотеку с температурой выше 38. По завершении мероприятия он, в нарушение всех правил безопасности, с трудом попадая отвёрткой в винты, отсоединял провода в щитке. Димон Абрамкин держал его, обернув солдатским ремнём сзади и в готовности оторвать от этого щитка, если шибанёт. Было ещё и темно. Током не шибануло, но каждый раз, когда отвёртка в обессилевших от температуры руках срывалась, Димон срывал еле живого электрика со стула «мордой в пол». В конце концов всё получилось. Но о том, что именно получилось, все узнали на следующий день. Вахтёрша пошла включать свет и чуть не получила инфаркт, вовремя обнаружив, что лезет пальцами в оголённые провода. В полубреду и в темноте Андрюха прикрутил крышку вверх ногами, и вместо тумблеров в проёме торчали провода и контакты. Скандал не сразу, но удалось замять.

В те времена технологии «оконечников» и акустики были ещё в зачаточном состоянии, но энтузиазм раскачать любой зал двумя 35-ваттными колонками и усилителем «Бриг» не знал предела. Ну, уж как получалось... другого не было. Повод «писать дискотеку» умело использовался Витькой Макагоновым или Юркой Ящинским, чтобы в компании с Андрюхой свалить из училища на сутки. Главной проблемой было не засмеяться, когда в присутствии Бабкова заводилы произносили это сочетание слов как повод для увольнения: «писать дискотеку». Реально дискотека писалась в каптёрке по ночам, куда Андрюха получил доступ, и при появлении проверяющих наряд всегда вовремя предупреждал.

Огромной бедой был полный запрет Бабкова под страхом расстрела на любой «Запад». Андрюха не раз предпринимал попытки переубедить начальника курса, приводя различные аргументы, но это бесило Саныча, и на вопрос «что им ставить?» Саныч, не задумываясь, выдавал: «Ставь им “Чунгу-Чангу” – знаешь, как будут плясать!» Отлучение Бабкова из зала в процессе дискотеки всегда мониторилось несколькими десятками глаз, и при каждом таком событии вся толпа, прихлынув к ведущему, дружно скандировала: «Ставь Запад!» У Андрюхи оставалось два выбора: провалиться сквозь землю или нарушить приказ. И часто выбирался второй вариант.

Саныч появлялся незамедлительно, и вечер мог быть досрочно завершён. Правда, после уговоров тех, кто был в авторитете у начальника курса, дискотека возобновлялась. Саныч же то вытаскивал Андрюху на улицу и на его глазах жёг в урне самое ценное, что у него было, – кассеты с качественнейшим западом. А то и вовсе выносил самый страшный приговор – лишение нескольких дней отпуска.

И всё бы не так страшно, но наступали обстоятельства, которых легли, пожалуй, самым большим камнем на душу Андрюхи. Подробности он не любил вспоминать, и со временем они стёрлись из памяти. «Увлечение» было ярким, хотя изначально что-то подсказывало – бесперспективным. Со стороны всё казалось очень круто, и однокурсники оценивающе подбадривали Андрюху, абсолютно не подозревая, что у него в душе. Увлечение срывалось в увольнения, в дискотеки, иногда в самоволки, и крыша поехала. Без подробностей... Он просто перестал писать Татьяне. А она почувствовала сразу и сразу спросила в письме: «У тебя кто-то есть?» Так никогда и не смог потом он понять, каким нужно быть дебилом, чтобы не увидеть – кто есть кто, и пнуть человека, который должен был стать для тебя самым близким и дорогим в жизни? И этим дебиллом был он. И этот дебил умудрился написать: «Да. Прости!»

Однокурсники женились по несколько раз. Особенно те, кто начал этим заниматься с первых курсов. Сколь велика была страсть, столь непродолжительной была и супружеская жизнь. Когда страсть улеглась, оказывалось, что ценить и беречь нечего. Разбегалось большинство. Легко. Без сожалений. По крайней мере так это выглядело со стороны. Многие оставались врагами. Андрюха не верил своим глазам и ушам, слушая гневные суждения от своих однокурсников в адрес тех, по ком они сходили с ума и готовы были на всё ради нескольких минут просто увидеть. Что это было? Побочные явления казармы? Многолетней жизни взаперти и под психологическим прессингом? Непонимание того, что любая страсть – это только временное явление? И когда через 3–5 лет она неминуемо пройдёт, должно остаться что-то более важное? Наверное, всё вместе. Наверное, действительно нет смысла тянуть ради долга, если стали чужими. Но ведь многие просто загорались новой страстью и бездумно рушили то ценное, что у них было. А потом загорались и в третий, и в четвёртый раз. Со стороны всё обставлялось так, как будто и нет оставленных после себя обломков и разрушенных жизней.

Андрюхе хватило одного раза и навсегда. Вживлённый в мозг электрод заставлял сжимать до хруста пальцы и закрывать от боли глаза, когда из глубин памяти предательски вылезали краткие фрагменты переписки: «У тебя кто-то есть?» – «Да. Прости!» Никким образом это обстоятельство не сочеталось с образом Татьяны. Той, кто в его понимании так и останется именно его человеком, которого дали в награду за что-то. Может быть, самую большую награду. «Но не время, нет, не время разлучить сумело нас». А первое реальное испытание, которое полный придурок так легко завалил. События ещё имели продолжение. Но урок уже начинал усваиваться. Вживлённый в мозг этим уроком электрод будет срабатывать всю оставшуюся жизнь, и только от шальных мыслей о том, что можно в принципе бросить того, с кем разделил столько лет, и причинить боль. Нет вариантов построить новое счастье на обломках чужого!

Здесь их позиция и поступки резонировали с Санычем. При всех слухах, подколках, приукрашенных историях и домыслах Саныч, как и Андрюха, впадал в ступор от одной мысли, что можно не то, чтобы бросить жену, а хотя бы дать повод беспокоиться об этом. И это не был страх осуждения или других общественных последствий. Тут напрямую включалась животная реакция защищать того, кто тебе был столько лет дорог, даже от себя самого. «Что бы ни было, – твои проблемы – это только твои проблемы! И не вздумай даже намёками переложить их на голову жены и детей! Делай что хочешь! Но не за их счёт!» – так учил Саныч. И показывал пример своей жизнью.

Сейчас же отправленное письмо, как брошенное в пропасть лёгкое счастье, падало без шансов быть перехваченным. И это счастье многократно тяжелело, превращаясь в абсолютно неподъёмное. Кому нужно лёгкое счастье? Когда не нужно переживать и бороться за него. Кто может его оценить? Да ничем он от своих легкомысленных однокурсников и не мог отличаться в то время. Разве только способностью делать выводы?

Только как будто где-то далеко, нет, не на земле, а там, где за нас переживают и пытаются помочь, кто-то невидимый или невидимые проронили слезу и начали вносить коррективы в то, что было уготовано им вдвоём и поодиночке. Казалось, там ещё продолжали раздумывать и оценивать шансы, и искать варианты, как можно всё исправить. Но приговор самому себе уже был подписан Андрюхой. Даже если они когда и встретятся, он ни за что не сможет просто подойти к ней и заговорить как прежде. Даже если она его и простит. Этот диалог из переписки так и будет стоять между ними.

Жизнь продолжалась. Служебные обязанности никто не отменял. Сержантство оставалось второй после учёбы нагрузкой. Спрос не ослабевал. Всякое творилось. Наряды, залёты, разносы... Но нахождение в коллективе себе подобных во многом сглаживало негатив. Жизнь курсанта второго курса – далеко не курорт. Это была всё ещё казарма и казёнщина. Но,

конечно, многое уже было иначе, чем на первом курсе. И не только учебные дисциплины. Хотя и они стали более разнообразными.

Очень радовало появление автомобильной подготовки. Поначалу изучали матчасть. От ГАЗ-53 до МАЗ-547, на которых возили РСД «Пионер». Крутые технологии для тех времён и не только. Шасси под межконтинентальные ракеты «Тополь» ещё были в разработке, потому изучали шасси его предшественника среднего радиуса действия. Изучали всё: от торсионной подвески до гидромеханической передачи с передовой планетарной коробкой и двигателя. Надёжность и качество разработки и исполнения не переставали поражать и через 30 лет.

Практическое вождение МАЗов будет в полевом лагере позже. Сейчас, после окончания курса по матчасти, начиналось вождение ГАЗ-53 и подготовка к сдаче на права категории «С». И это было в кайф! Даже если инструкторы-прапоры зверствовали. Существовало правило: если машина заглохла, то заводить её стартером запрещалось. Курсант выходил из кабины, тащил из-под сиденья «кривой стартер» и с десятой попытки в поту на жаре заводил газон вручную.

Со временем попыток для запуска и выбитых пальцев становилось меньше, как и самих ситуаций, когда машина глохнет при трогании с места. Некоторые неадекватные прапоры ездили ещё и с дубинкой и били по рукам при неправильных действиях обучаемого. Тоже был действенный метод. Но на отведённые часы вождения все неслись пулей. Выехать из училища в город, а лучше – за него, руля грузовиком в яркий солнечный день, было огромным кайфом. Иногда инструктор просил Андрюху остановиться у протоки на объездной, и пока тот отдыхал на траве, переваривая полученный опыт, общался с рыбаками.

Начались и караулы. Два внешних караула отводилось для КВВКИУРВ: гарнизонная комендатура с гауптвахтой и артиллерийские склады рядом с Афипским. Андрюха всего один раз был в составе караула в гарнизонной комендатуре. Кому-то это нравилось – на Красной, в центре города. Ни удалённых постов, ни часов в темноте в ожидании смены. Но только не Андрюхе.

Здесь он в первый раз ощутил дыхание «зоны». Все эти выводы подследственных и осуждённых, процедуры загрузки в «воронок» для отправки по этапу с автоматами наперевес, сам вид камер и отношение к находящимся в них – никогда по собственному желанию он не будет на стороне конвоя. Может, там и были те, кто действительно заслужил всё это, но дело не в том. Всё нутро взбунтовалось против судейско-исполнительной миссии. Может быть, слово «свобода» для курсантов звучало более остро, чем для гражданских.

Да и сама атмосфера в гарнизонной комендатуре, где постоянно шныряет начальство, и заведует этим самый кровожадный хищник – подполковник Нестеров, – держит в постоянном напряжении. Через много лет, когда Андрюхе публично пришлось отвечать на вопрос, как вам видится уровень благосостояния России по сравнению с развитыми странами, ему вспомнился – и он рассказал – именно анекдот от коменданта Нестерова. После армейских учений командующий проводит разбор полётов. Перечислил, прокомментировал и поставил оценку всем командирам дивизий и их дивизиям. Кроме одного комдива и его дивизии. Комдив встаёт и спрашивает: «Товарищ Командующий Армией! А как насчёт моей дивизии? Вы ничего не сказали!» И командующий ему отвечает: «Представьте земной шар. На нём в порядке оценки выстроились все дивизии мира. Потом пусто, пусто, пусто, ничего нет. Потом большая куча дерьма. Вот за этой кучей твоя дивизия».

В караул в Афипскую собирались как на дачу. Полтора дня оттяга вдали от командования на природе. Затаривались вкусным хавчиком со сгущёнкой и кофеем. Ефим даже находил время спеть. Хотя, и там всё было по-серьёзному. Периметр в несколько километров охранялся круглосуточно. Два рожка с боевыми патронами и чёткие инструкции из устава караульной службы на случай угрозы нападения на объект или часового – от устного предупреждения, предупредительного выстрела и огня на поражение.

Андрюхе ни разу не пришлось быть часовым и стоять на посту в километрах от караулки. Но и никто из курсантов особо на такую участь не жаловался. По крайней мере в тёплое время года. Сержанты были разводящими или помначкара. Разводящему суеты было больше. Раз в два часа разбудить очередную смену, построить, проверить, выдать оружие, подвести к специальному месту для зарядания, проконтролировать процесс, зарядить самому. Как ни отработывались до автоматизма все действия, в пулеулавливателе всегда красовалось несколько дыр. Иногда сонные часовые тупили. Потом несколько километров по периметру, смена постов с чётким соблюдением процедуры до каждого слова, возврат в караулку, контроль разрядания, сдача оружия, час отдыха. И так сутки.

Всякие были нюансы. Но природа Афипки, особенно в осеннем золоте и сиянии солнца, сглаживала всё. А главное, рядом не было ни Бабкова, ни Придатко, ни Гольяева.

Очередной летний отпуск был не за горами. Расписание с зачёркнутыми днями стало преобладающе тёмным. Но для попадания в этот отпуск Бабковым были поставлены новые условия. Может, сработало наличие спортгородка сразу под окнами казармы, а может, и информация от преподавателей физподготовки об общем состоянии курса. Собрав в очередной раз всех сержантов, Саныч объявил: сержант едет в отпуск, только если всё его подразделение сдаёт нормативы по физподготовке. Конкретно: восемь подъёмов переворотом и коня.

Далеко не все в отделении Андрюхи жаждали провести свободное время на спортгородке и могли похвастаться физическими данными. Да как и он сам. Но сейчас, стоя перед глядящими на него из строя курсантами своего отделения, Андрюха понимал, что он попал. Сделать за оставшийся месяц из Олега Левика и Серёги Фёдорова Шварценеггера и Сталлоне – задача была из области чудес. Спасибо Санычу. Он своевременно вышел перед курсом и объявил, что абсолютно все едут в отпуск через восемь подъёмов переворотом и коня. Вопрос в глазах отделения сменился пониманием, и рты приоткрылись. Но делать было нечего.

Поначалу на всех напал скепсис, но его удалось выбить с ежедневной поддержкой Бабкова, который подтверждал, что вариантов не будет. Андрюха загонял отделение на спортгородок три раза в день перед приёмом пищи. Каждый, сдыхая, с помощью надрывающихся товарищей, по три подхода и по десять раз перекидывал свой зад с приделанными ногами в сапогах через перекладину. И через пару недель чудо начало происходить. Криво, коряво, страшно, но абсолютно все, включая самых бесперспективных, были способны хоть раз, но сделать это самостоятельно.

Задача уже не казалась такой непосильной. Гнать пинками на спортгородок три раза в день никого уже не приходилось. Качали и сами пресс, спину и руки возможными способами. И дело пошло. С большим чувством удовлетворения Андрюха наблюдал, как самые безнадёжные из его отделения крутили подъёмы переворотом с запасом и уже не коряво.

Серёга Фёдоров никак не мог найти общий язык с конём. Когда у него получалось преодолеть страх и оторваться от пружинящей доски, этот страх возвращался в полёте. Атака коня в пике всегда выглядела ужасающе. Но, к счастью, травм не было, а только многочисленные синяки. В этот день стыковать Серёгу с конём никаких шансов больше не было. Но на следующий день жажда отпуска побеждала страх. Живой конь уже, наверно, давно пал бы смертью храбрых. Искусственному было до фонаря. Казалось, что он умышленно подпрыгивает навстречу Серёге и издевается над ним. И вот чудо произошло. Серёга в первый раз перелетел через коня и был встречен бурными овациями. Потом это ему удалось и во второй, и в третий раз, и дело было сделано, а зачёт сдан.

Отпуск традиционно начался с разгулов на свадьбах. Но особо в Краснодаре Андрюха не задерживался и умчался домой. Его «увлечение» умотало в бухту Инал на отдых. По составленным совместно с Вовой планам они должны были через пару дней рвануть обратно на юг. Вова с будущей женой имели задачу ехать до Адлера и разместиться там на отдых. Андрюха же собирался десантироваться из поезда ближе к перевалу и осуществить марш-бросок с заходом

в бухту Инал. Договорились, что по истечении трёх дней Вова ровно в 7 будет приходить к главпочтамту на случай, если Андрюха также доберётся до Адлера. Так и поступили.

Поезд в три ночи притормозил в Горячем Ключе. Андрюха десантировался с кассетником и пакетом с “мыльно-рыльными” и пошёл по трассе. Ближе к шести утра его подобрал МАЗ и подкинул через перевал. Дальше пешком до Инала. И в первый раз в жизни Андрюха увидел море. Впечатления были непередаваемыми. Даже после появления в жизни массы других экзотических и красивейших мест, включая острова Тихого океана, которые станут вторым по посещаемости местом и местом работы на долгие годы, Инал останется в памяти навсегда.

То, что там произошло, вспоминать не любил. Шикарные южные дискотеки, встречи с однокурсниками, назревающие стычки с «шифрами» (так называли ракетчики курсантов второго военного училища, находившегося в Краснодаре), неприятное завершение отношений со своим «увлечением», перебор спирта в компании тех же «шифров» (реально курсанты всегда ладили), умирание в автобусе на серпантинах Кавказа по пути в Адлер. Таким полуживым в один из вечеров Вова его и обнаружил у главпочтамта.

Квартиру нашли быстро. Вернее, не квартиру, а топчан в саду под урюками, с которых по ночам на голову падали перезревшие плоды. Но в целом это было очень круто, и никаких претензий от Андрюхи хозяева ни разу не услышали. Море и отдых восстановили упавшие на ноль силы и настроение. Даже появилось некое облегчение от того, что эта мутная история с дочкой полковника закончилась навсегда.

Вову с пляжа утащить на экскурсии было трудно. К тому же они уже начали разборки со своей будущей женой, и Вова благополучно отправил её в сопровождении Андрюхи на экскурсию в Абхазию на озеро Рица и в Пицунду.

Всё было круто. И знаменитое ущелье по дороге, где снималось множество наших сказок, и холодный водопад, в котором все желающие могли искупаться, и, конечно же, само озеро на высоте почти километра и в окружении столь живописных гор. Такой красоты картинки Андрюха, казалось, потом и не видел больше нигде. А может, просто тогда всё казалось ярче. И также казалось и Сталину, и Хрущёву, построившим здесь свои дачи. Спустились в тёплую и спокойную по тем временам Пицунду с её кипарисами и чистейшими пляжами. Обратный путь на катере по морю до Адлера. Всё было очень впечатляюще для первого раза. И впереди ещё был родной Брянск.

Вернувшись домой, посвятил время мелочам и безделью. Мысли неуклонно скатывались к Татьяне, но ноги к её дому не шли. Да он провалится сквозь землю сразу после того, как она откроет дверь. И надо было так попасть! Как могло его снести в эту бесперспективную и неприятную историю и перечеркнуть всё, что реально имело ценность? Жаркий солнечный август уносил в воспоминание такого же отпуска, но год назад, и это выворачивало душу наизнанку. В парках ещё гремел Модерн Талкин. Хорошо, что не встретился Юрий Николаевич, и нигде не зазвучал Саруханов.

Он всё-таки нашёл наглость показаться ей на глаза перед отъездом. Не в состоянии позволить себе что-то ещё, просто поинтересовался, как она, и кратко выдал информацию о том, что у него нигде ни с кем ничего нет, переложив право и ответственность принимать решение на неё. Никто из двоих не обладал нужной степенью раскрепощённости, позволяющей открыть всё, что на душе. Что, может, смогло бы изменить ситуацию и позволило бы вернуться на путь к будущему, которое изначально было для них уготовано. Закомплексованность, дикость и чувство вины позволили ему сделать только то, что он сделал. Что же касается Татьяны, то её в детстве даже в угол не ставили. А, поставив единожды, из этого угла пришлось выносить на руках. И это говорило о многом. Так и расстались тогда. Андрюху ждали очередные будни нелёгкого курсантства, поставленные доктором Бабковым задачи и третий год казармы.

В расписании первого полугодия третьего курса была пара промежутков. И первый начинался через пару недель сентября. Намечалась войсковая стажировка. Проходить она должна

была в Кап-Яре. Планировалась наработка опыта общения с личным составом и освоение некоторой технической информации в школе мехводов (механиков-водителей) МАЗ-543. И это ожидалось быть круто. Практически дополнительный отпуск. Путь лежал через Волгоград. Поезд, дорога, нет нарядов, нет командования всех мастей выше курсового, природа за окном, станции, мирная гражданская жизнь юга безмятежных восьмидесятых.

Тёплый солнечный Волгоград встретил ясной погодой и умеренной суетой. В городе были целый день до следующего поезда. В программе пребывания – посещение наиболее значимых исторических мест. Для курсантов все они находились в «шаговой доступности» – не далее 10 км от вокзала. Первым делом, конечно же, Дом Павлова, Музей-панорама и Парк Победы в целом. Времени было достаточно для подробного осмотра, фотографирования и получения впечатлений. Ну и далее – на Мамаев Курган.

Невозможно остаться равнодушным к размаху и исполнению мемориального комплекса. Уже в начале аллеи пирамидальных тополей становится видна часть всего замысла. Захватывающий вид из сочетания скульптур и уходящих к небу ступеней открывается на площади «Стоявших насмерть». В процессе подъёма между стен композиции «Ни шагу назад» на подсознательном уровне создаётся ощущение тяжести и сложности пройденного к Победе пути. А ещё и не видна ни композиция «Площадь Героев», ни «Зал Воинской Славы». Андрюха не сразу нашёл точку самого крутого обзора. Пришлось перемещаться то к центру аллеи, то к площади «Стоявших насмерть». Она открывала грандиозный вид из сочетания скульптуры «Ни шагу назад» на переднем плане и «Родина-мать зовёт!» на заднем. Андрюха долго стоял, пытаясь запечатлеть увиденное в памяти. Ни цифровых мыльниц, ни смартфонов не было даже в фантастике.

Народу гуляло много, но казалось, просторов здесь хватит на в разы больше. Поднялся по ступеням на «Площадь Героев», стал обходить водоём и рассматривать композицию. Громада «Родина-мать» уже не хотела покидать бокового зрения и пыталась произвести впечатление, казалось, нависая именно над Андрюхой. Словно говорила: «Посмотри, какие грандиозные вещи до тебя создавали люди! Они не только победили в самой трудной войне, а ещё и создали всё, что ты здесь видишь, включая меня. А ты, придурок, находишь время, чтобы роптать на жизнь, проводить её в дурацких дискотеках и размазывать сопли по поводу неприятностей в личной жизни! При этом даже не можешь выучить историю как надо и оценить ту жертву, которую принесли предки, чтобы сделать возможным твоё жалкое существование!» Покосившись на статую, Андрюха с опаской, но всё же стал подниматься в её направлении.

В «Зале Воинской Славы» удалось запечатлеть смену почётного караула. Хоть людей было и много, но хорошее место для обзора найти удалось. Побродив с открытым ртом по музею, Андрюха стал подниматься далее к статуе. Слово «круто» тогда не существовало ещё, и в голове напрочь застряло «офигеть!». Покидать столь сногшибательное место не очень хотелось, да и «Родина-мать», казалось, смирилась с ползанием в её окрестностях столь жалкого червя. Но время было ограничено. Вниз спускался по аллеям вне основных композиций, но сделать это быстро не представлялось возможным. Не позволяли скульптуры и композиций второго плана. Всё было выполнено оригинально и заставляло остановить не только взгляд, но и движение.

Курсу удалось собраться в установленное время с трудом. Немного ошалевшими были все. Ну, или почти. День закончился на вокзале за обсуждением впечатлений и дурачествами в рамках дозволенного. Поезд, и через несколько часов – Кап-Яр. Небольшой, очень спокойный и очень зелёный оазис в начале астраханских степей. Ожидание мотовоза (так называют небольшой поезд на всех военных и космических объектах), и прибытие в расположение части.

Погода в астраханской степи ещё не монгольская, но уже специфичная. Если, когда при- были, повседневной была объявлена форма два (с голым торсом), такая стояла жара, то через две недели выход на улицу без шинели был верным способом околеть.

Личный состав учебки имел традиционные градации: солдаты-новобранцы и командующие ими старослужащие сержанты. Статус бойца в геометрической прогрессии зависел от срока службы. Новобранцы летали как веники, следуя указаниям сержантов. Старшина был невысоким, но с крутым нравом. Мог запустить в строй табуреткой на поверке, если что не понравится.

В программе подготовки курсантов были занятия с личным составом со всеми вытекающими последствиями, от написания планов-конспектов до проведения самих занятий. Но в части, удалённой от цивилизации, не было принято сходить с ума, следуя установленному порядку и методикам работы с бойцами. Основное обучение проводилось по изучению матчасти и вождению МАЗов. Задумка провести другие занятия, вместо постановки личному составу задач по уборке территории или строительству, воспринималась как дикость. Но по незнанию, даже строевой подготовкой пытались заниматься.

Авторитет курсанта, измеряемый по солдатским меркам, уходил в бесконечность. На этом построил все взаимоотношения с личным составом Витька Макагонов. Пока народ думал, как относиться к приехавшим ни сержантам и ни офицерам, невысокий шкет Витька Макагонов с сержантскими курсантскими погонами вышел перед строем и попытался изобразить вид злее старшины. В течение одной минуты он выдал объясняющую всё теорию. Спросив на выбор у солдат, сколько они служат, и получив ответ, варьирующийся от нескольких недель до пары месяцев, Витька задал второй запланированный вопрос: «Сколько служит старшина, являющийся для вас Богом?» При упоминании о старшине в глазах солдат отражался ужас. Кто-то из самых смелых ответил: «Полтора года». «Как вам такой срок? – продолжал вводную Витька – Заоблачно? Дожить – как до Луны долететь? А теперь угадайте срок службы мой и моих однокурсников! – и выдержав небольшую паузу: – Два года и два месяца!» В глазах солдат отразилось понимание, сопровождаемое отвисшими челюстями, и вопрос был закрыт.

На «Южном полигоне» было много интересного. Прежде всего – посещение исторических Королёвских мест, главным из которых был памятник Р-1. Андрюха будет хранить эту выцветшую никакого качества фотографию группы на фоне ракеты. Практически им удалось прикоснуться к одной из величайших реликвий – посетить место первого маленького шажка человечества в направлении космоса. По Андрюхиным меркам, здесь творили самые счастливые люди в мире. Заниматься столь интересным и важным делом и полностью посвятить себя

ему – что может быть привлекательнее? И даже понимая, что во все времена были проблемы, мешающие жить воплощением идей, и куча нечисти пытается отравить жизнь, заставляя создавать не «благодаря», а «вопреки», со стороны чужая ситуация всегда кажется более радужной.

Андрюха ранее не читал исторической информации и воспоминаний Королёва, но пытался представить, как они тут жили, работали, творили, не спали ночами, и как оно свершилось. И какие были впечатления, реакция... *«Итак, увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это – доля его; ибо кто приведёт его посмотреть на то, что будет после него?»*. Что будут помнить об этом следующие поколения? Найдётся ли место чему-то достойному среди пафоса и лицемерия следующего века? Только стихи неизвестного происхождения скупо подтверждают, что всё это было:

В бескрайних степях Астраханской земли,
Где кружат парящие в небе орлы,
Где Солнца палящего катится диск,
Там первой ракеты стоит обелиск.

Прочие достопримечательности астраханской степи не были столь яркими и важными. От скорпионов и арбузной бахчи с ягодами высочайшего качества до снующих везде МАЗов-543, которые за пределами площадки использовались как маршрутки. Меньшая техника была в дефиците.

По выходным было тоскливо. Без того писклявые громкоговорители выдавливали писклявого Сарычева и шедевры Альфы, личный состав растворялся по каким-то дырам, а сотни километров окружающей степи, казалось, подползали к самому плацу. Закат навевал традиционную грусть, вспоминалась Татьяна, но в целом всё не очень угнетало и было предпочтительнее насыщенному училищному дурдому. А потому продолжали «ловить момент» для относительного «оттяга».

Обратный путь, ко всеобщей радости, делал огромный крюк через Москву, так как Волгоград – Краснодар нужного количества билетов не было. Двое суток в поезде дополнили «курортное» настроение.

Опять «родная» казарма, курсантские будни, учебные занятия, наряды. Но вскоре ещё одно мероприятие заняло несколько дней в расписании и называлось оно инженерной подготовкой.

Очередное утро конца осени началось на пару часов раньше обычного. И началось с подъёма по тревоге, получения оружия, полной экипировки и убытия в учебный лагерь в Саратовской. Казарменный комфорт сменился на палаточный. Погода была уже совсем не июньской, но всё ещё краснодарской. И это означало, что палатки хорошо было бы и топить. Для просушки мокрой одежды оставался единственный вариант – на себе. Но скучно не было. Начали с занятий по минированию и подрывным методикам. Как-то всегда близко было это дело душе раздолбаев, выросших в советские времена. Андрюха хорошо помнит период своего детства, когда взрывали всё, что теоретически могло бахнуть. Достать карбид проблем не было. А с ним и понеслась веселуха.

Теперь всё было серьёзно. Изучали от простых толовых шашек до МОН-50, различные виды детонаторов и технологии минирования. И теоретические знания закреплялись на практике. Дружно крутили цепи, вставляли детонаторы в шашки, тянули провода, крутили индукционный пульт и бахали. Потом вкапывали сухостой на пустыре и бахали с применением запальных детонаторов. Всё по старинке.

Повозились и с колёсной техникой. И что было особо круто – каждому дали погонять по лесной дороге на МАЗ-543. Учебная техника представляла собой ещё агрегаты мобильного комплекса «Пионер». Но и она впечатляла. Занятия проходили по развёртыванию и маски-

ровке пусковой, освоению машины дизельных электростанций и других агрегатов комплекса, охранных систем.

МАЗ-547 с 53-й ракетой на бездорожье впечатлил. Казалось, специально нашли топь, в которой легко можно остаться без сапог. Пусковая и МДЭСка стояли увязшими по торсионы. Вытащить такую хреновину ни у одного трактора нет шансов. Зажужжал насос подкачки масла, кнопка стартера и пятисотсильные дизеля заурчали, насыщая лес едким выхлопом.

Изначально зрелище выглядело жалким. Казалось, что пусковая провела предыдущий день в попытках вырваться из грязевого плена, увязла всеми шестью осями и сдалась. Только хитро усмехающийся инструктор за рулём беспечно болтал о чём-то с преподавателями.

Команда отойти. Небольшой тычок ознаменовал включение первой передачи в планетарке и установку связи дизеля с мостами через гидротрансформатор. Инструктор плавно надавил на газ. Рёв дизеля в сопровождении сизого дыма, пусковая уверенно погребла всеми 12 колёсами, проделывая колею в топи, и стала выбираться на твёрдый участок как ни в чём не бывало. За ней проследовала и МДЭСка.

Погода иногда прояснялась, но ненадолго. «Лишнее» время не тратилось бесцельно. На курсе давно были выявлены два фаворита в учёбе: Олег Левик и Димка Шикунов. Полные отличники, участники всех научных мероприятий, они имели авторитет, и занимались прогрессивными темами. Хотя до дипломных проектов было ещё далеко, но все курсанты уже закреплялись за кафедрами и вели какую-то научно-исследовательскую деятельность. Левик и Шикунов активно осваивали всё, что касалось микропроцессорных систем.

В училище монтировалась ЭВМ-динозавр ЕС-1036, и Андрюха с нетерпением ожидал начала выделения машинного времени и возможности пощупать программирование своими руками. Кафедра №1 «Вычислительной техники» была любимой, и он намеревался делать курсовой именно там. С подачи первого научного руководителя – полковника Кондратьева, послужившего для Андрюхи образцом порядочности, интеллигентности и ответственности, занимался теорией «Систем массового обслуживания».

Уже давно прошёл курс программирования на PL-1, но практические занятия сводились к написанию простейших алгоритмов, переводу всего в перфокарты, отправке перфокарт в шифровальное училище, где ЭВМ уже была, вводу и распечатке листинга с алгоритмом, результатами и ошибками.

Всё, что касалось микропроцессоров и персональных ЭВМ, казалось несерьёзным по сравнению с огромными монстрами, занимающими залы. Но два вундеркинда держали руку на пульсе и своим примером не оставили равнодушным к теме и Андрюху. И вот в часы неполной загрузки мероприятиями он уговорил Левика изложить ему основы этой темы. К удивлению, даже не понадобилось что-то чертить. Информация в голову загружалась в устном виде и с полным восприятием. От перечня основных компонентов (шины, памяти, процессора, контроллеров периферии) до архитектуры примитивного процессора (регистров, ядра (АЛУ)...) и пошагового выполнения программ с типовыми командами на уровне ассемблера.

Первое впечатление – насколько всё просто. В мире уже несколько лет выпускались x86-е процессоры, ставшие прототипом для большинства “каменных”, используемых в настоящее время. СССР ещё пытался конкурировать, и менталитет России нулевых ещё не зарождался. У поколений рождённых в СССР ещё было время броситься с головой в захлестнувшие разум прогрессивные идеи и мечты создавать круче всех в мире и делать этот мир лучше. Но вырвать из штопора гонки вооружений стране не будет суждено. И настанет время, когда создавать что-то, а, тем более, создавать что-то круто, будет объектом презрения и уделом лоховеудачников, неспособных «подниматься» и «стричь бабло».

Тенденция будет мировой. Но для прилипшей к нефтяной трубе России она достигнет катастрофических размеров. Насколько всё имело ценность тогда, и насколько всё до омерзения дёшево и продажно сейчас. Никто ни во что не вкладывает душу. Ну, может, за редким

исключением. Браво, Илон Маск! Позор, Microsoft! Где, спросите вы, Россия? Да за тем пустырьём и кучей дерьма, про которую рассказывал комендант Нестеров.

Очередные «развлечения» в Саратовской подошли к концу. Погода так особо и не баловала. Возвращаться пришлось своим ходом на электричке. Мелкий промозглый дождь, конец краснодарской осени. Усталый, но непобеждённый, курс в мокрых шинелях выходил по бетонке из перелесков предгорья Кавказа. Но сила его уже и не пыталась растечься усталостью по мелким погодным неприятностям и заморочкам военного лагеря, будь то жалкий дождь или камни с неба. Это уже давно было боевое подразделение, способное решать немалый перечень задач.

Перед зимним отпуском у Андрюхи была пара залётов. Первый – Саныч поймал его за кручением Запада на дискотеке и объявил минус два дня отпуска. Второй – в процессе уборки территории вне училища Андрюха не потребовал от своих курсантов завязать зимние шапки и сам этого не сделал. Проходящий мимо замначальника училища полковник Гольтяев, на счастье, оказался без пистолета. Кончилось всё криками на всю Северную и объявлением Андрюхе трёх суток гауптвахты в дни отпуска.

И вот все разъехались. Осталась пара-тройка залётных. От гауптвахты Саныч отмазал. С ним по-прежнему никто из командования не захотел сцепиться. Но дни гауптвахты были заменены на дни отпуска. Итого – 5.

Как-то Балаконенко, следуя по казарме в направлении непонятных звуков, открыл каптёрку и обнаружил там Андрюху лежащим на куче плащ-палаток с гитарой и воспевающим «Клён ты мой опавший». Настроение было паршивым, и, увидев капитана, Андрюха решил не прерывать своё занятие. К чести Балконского, он не только понимающе усмехнулся, а ещё и пошёл к Санычу и уговорил выкинуть узника за забор училища. Вероятно, у Саныча и курсовых были свои планы на ближайшую пару недель, и они выпроводили всех залётных в отпуск. Итого отсидеть пришлось всего пару дней.

Заканчивалась зима третьего курса и казармы. Незаметно промелькнул короткий отпуск. Андрюха так и не решился показаться Татьяне, хотя она и не выходила у него из головы. Что толку от устного попросить прощения? Какая цена слов, которые ты уже однажды нарушил, и в которых не уверен сам? Тащить Татьяну в неизвестность, ничего не обещая и не имея конкретных планов? Что глупее можно придумать? Месяцы разлук без телефонов и возможности приехать в любой момент? Месяцы морального прессинга, небольшие встречи – и опять за забор за полторы тысячи километров?

Были на курсе отважные, решившиеся на такое. Не все женились на местных. Кто-то привозил жён с родины. Хорошо если были родственники. Кто-то снимал квартиры. Хорошо если были деньги. А кого-то ждали на родине. Далеко не всех дожидались. Но всё-таки чаще разбежались те, кто горел ярко, сходя с ума друг по другу. И разбежались врагами.

Пока ничего этого в принципе не укладывалось в голове Андрюхи. Да о какой вообще семейной жизни может идти речь, когда находишься за забором дурдома? О чём вообще разговор?

Андрюха начинал ёжиться, когда с отпущенными вожжами мысли завозили его в эту тему. Наверно, всё-таки важна для него была Татьяна, раз он не мог перестать думать о ней. Но кто может измерить, и где нормы и эталоны той важности, привязанности, силы чувств, которые должны испытывать двое друг к другу? Где те требуемые уровни для принятия того или иного решения? Не всегда ли безумству сопутствует безответственность? А осторожности – холодность? Нет. Ну, это на фиг всё! Лучше пробегать всю жизнь с автоматом по горам, чем всё это касаясь семьи и женщин. Чем не воля?

Но в один прекрасный день Андрюха нежданно-негаданно получает письмо от Татьяны. Она пишет, что скоро в Краснодаре будут соревнования, она приедет и хотела бы посмотреть на него. Что значит «посмотреть на него», так и осталось загадкой. Хотя постоянно об этом

думал, но как себя вести, так и не решил. Татьяна приехала, Саныч отпустил его в увал до утра, и они встретились.

Встретились всё так же с осторожностью и непонятным ожиданием чего-то друг от друга. Незримый барьер предательски оставался стоять между ними, подпираемый чувством вины с его стороны и холодностью обиды с её. Она так и не намекнула, что решать что-то нужно именно сейчас. Он так и не понял, что это не начало долгого пути прощения, и нужно было во всё разобраться и к чему-то прийти.

Долго гуляли по Краснодару. Забрели на какую-то стройку и еле вылезли оттуда. Она ещё понятия не имела, с кем связалась. Остаток ночи в «Кавказе». Разговоры ни о чём. Он так ничего и не понял. Она сделала какие-то выводы. Наутро Андрюха ушёл назад «на войну», Татьяна завалила соревнования. Чужой Краснодар так и остался равнодушным к судьбе этих двоих. Не проявил участия, не залил солнечным светом и не обрадовал весенней погодой. Не заставил оттаять душами и забыть о разделяющих их обстоятельствах вполне преодолимой силы. Странные тревожные чувства так и не покинули до конца семестра.

Последние полгода в казарме традиционно прошли в упорных труде и учёбе, нарядах, караулах, залётах, выездах на стрельбище, чистке оружия... Ещё и эпидемия краснухи прокатилась. Несколько дней с высокой температурой пришлось поваляться в каптёрке и Андрюхе.

Грандиозно прошли майские праздники. Сами тренировки парада для курсантов уже были праздником. Ежедневно курсы выдвигались в начало Красной у краевой библиотеки. Стояли в ожидании, проходили торжественным маршем. Обрато в училище с дальнейшей отточкой фирменных строевых песен, под приветствия гуляющих людей и в созерцании живущего предпраздничной жизнью Краснодара.

Увольнения были уже чаще, но не столь восторженно воспринимались. Компанию собрать было сложно. У всех свои дела. В основном разбежались по жёнам и подругам, ну или куролесить. Местные – по домам. Андрюха переодевался у родителей Олега Немирова и любил погулять по центру города. Но Краснодар по-прежнему был чужим. Резкий контраст нахождения на виду и под постоянным прицелом в училище с никому ненужностью и бездомностью в увольнении сказывался, когда оставался без компании себе подобных. Все, кто ему был дорог, были за полторы тысячи километров. Да и были ли они вообще? Или всё было во сне?

Частые свадьбы создавали другую крайность. С алкоголем и разгулами перебирали. Тут всем было что вспомнить. И Андрюхе. Но, отрезвившись в последний год уходящего тысячелетия, он очень не любил вспоминать о своих похождениях. Все думали, что доставляют Андрюхе удовольствие, рассказывая, как от него пьяного, схватив с его головы шапку, убегали встреченные на улице полковники. Без шапки через КПП идти было нельзя. Лезли через забор. Наутро шапку приносили из комендатуры с требованием расстрела хозяина, но уже подполковник Бабков показывал зубы. Андрюха же от этих рассказов испытывал почти физическую боль.

Нелёгкая сессия завершалась. Успешно её сдавшие проводили дни на хозработах. Лето, казалось, настало так давно, что его и не застать в запоздалом отпуске. Стоя на построении у старого учебного корпуса, Андрюха с грустью наблюдал, как листья на деревьях стали желтеть, а отдельные – и опадать. Типичное для начала жаркого августа явление, казалось, было придумано именно для того, чтобы утяжелять падающими листьями рвущуюся на волю душу курсанта, прошедшего к этой воле столь трудный и долгий – в полгода – путь. И когда наступает этот столь жадно и столь долго вожделенный момент, предательская апатия полностью нейтрализует светлую радость. Нужна хотя бы пара дней, чтобы всё осознать. Помогали четыре полоски в шевроне на рукаве. Особенно это радовало Андрюхину мать.

На начало летнего отпуска у троих одноклассников были конкретные планы. Виталик Комов пригласил Витьку Макагонова и Андрюху к себе в гости в Бухару на недельку половить

рыбу. «Бухара» на местном наречии есть станица Брюховецкая, находящаяся на севере Краснодарского края, недалеко от лиманов многочисленных рек, впадавших в Азовское море.

Андрюха никогда не был на рыбалке. Непреодолимая жадность к жизни сведёт эту жизнь к бесконечной гонке без выходов, отпусков, пенсии, рыбалок и отдыха. Если только не улететь куда за тысячи километров. Но компьютер всегда будет рядом, а провести целый день на пляже – преступно расточительно. Эта несовместимость темперамента с основной массой населения превратит в муку любую поездку по российским дорогам, где этой основной массе обывателей некуда спешить. Слишком древняя мудрость: «Человек в своей жизни должен сделать три вещи: посадить дерево, построить дом и вырастить сына» для настоящих буйных давно сменила цели на: “спасти мир”, “получить Нобелевскую Премию” и “слетать на Луну”. И это никак не сочеталось с рыбалкой.

Первая и последняя, и, в то же время, неординарная рыбалка была у Андрюхи в отпуске после третьего курса. Выезжали с утра на жигулях отца Виталика. Вечером привозили полный багажник рыбы. Всё в рамках разрешённого. Никаких сетей, электроудочек, гранат и прочего извращения.

Начало отпуска получилось интересное. Покуролесив с однокурсниками на свадьбах и просто в разгулах, Андрюха добрался в Брянск к концу второй недели.

Брянск встретил не очень жаркой, но и неплохой погодой. Пообщался с друзьями. Объявился старший товарищ по дискотекам – Витька Минаков. Они с хозяином самой крутой в районе дискотеки «Диско» в начале 80-х часто брали на подработку Вову и Андрюху. Ездили и по «халтурам». Так хозяин «Диско» – Юра Калинин – называл свадьбы и дискотеки в районах. Всяких чудных воспоминаний хватало. Было как-то, и добирались до подшефной Радицы на пойманной подпитым Калиной мусорной машине в обнимку с магнитофонами. Опоздали, но толпа оценила и встретила овациями.

Витька был вторым человеком в «Диско» и совладельцем. «Диско» к третьему Андрюхиному отпуску распалось, но халтуры продолжались, и Андрюха взялся помочь. Намечалось несколько «халтур» и свадьба в Бежице у другого старого товарища – Мишки. И как-то всё закрутилось без отдыха, что и времени на расслабление не осталось.

Душа давно рвалась к Татьяне. Ни о ком другом думать не мог, хотя Вова и пытался периодически подсовывать вполне достойных кандидаток на замену. И никак не мог решиться позвать Татьяну прокатиться с ним по дискотекам. Да не может ей не понравиться. Даже её подружка, с которой она была на познакомившем их дне рождения Вовы, умудрилась съездить с ним в Радицу на одну из халтур. Но, как душа не рвалась, ноги от страха не шли. Ещё и останавливало понимание, что придётся объясняться и что-то решать.

Это непонятное «что-то» просто кипятило мозг неразрешимой задачей. Ведь уже ясно, что он не сможет её забыть и не сможет сблизиться с кем-то другим. В конце концов, уже ни дискотеки и ни разгулы в голову не шли. Там всё заполнял август двухлетней давности и первый его отпуск, который, без сомнения, можно было назвать «их» отпуском. И вот он решился.

Та же знакомая дверь. Открывшая мать не выразила эмоций, что вполне устраивало Андрюху. Только обычно безучастный к её делам отец, отвернувшись, слегка усмехнулся. Та же комната. Та же Татьяна. Где-то в углу должен быть кассетник, но Лоза уже не пел свой «Плот». Татьяна не была столь приветлива, хотя и не выказывала желания оттолкнуть или прогнать. Банальные слова ни о чём. Особо разговор не сложился. Андрюха кратко изложил то, что и так было видно: он в отпуске, не смог не прийти, ну и всё такое. Всем видом продолжал показывать, что есть полный придурок, но не может её забыть. Татьяна сидела и подшивала тюль. Казалось, ничего не изменилось и она просто в раздумье, как ей вести себя с ним дальше.

Решив давить помалу, Андрюха робко спросил, – может, ему прийти завтра, и они куда-нибудь сходят? «Ну, приходи», – ответила Татьяна. Скромно удалившись, Андрюха выдохнул за воротами. Она его не прогнала. Душа стала загораться ожиданиями. Надеждой вернуть поте-

рянное счастье, всё исправить и пойти вдвоём гораздо дальше и, главное, не совершая ошибок. Хотя что конкретно делать и как совместить это светлое будущее с царством Бабкова, он ещё не придумал. Ближайший план был взять её завтра с собой на свадьбу к Мишке. Но заранее сказать об этом побоялся.

Вечер и половина следующего дня прошли в счастливом полузабытье. Жизнь вновь обрела потерянный смысл, и трудное счастье, оправившись от отчаянья и восставши из пепла, в слезах радости ожидает уже на выходе из дома. Позже, как ни силился Андрюха, так и не мог вспомнить, не припёрся ли он тогда ещё и с цветами?

Дверь открыла незнакомая женщина. «Вы к Татьяне? – спросила она. – А её нет. Она на свадьбе». Идиотское исступление на физиономии у Андрюхи явно говорило об его ошарашенности, и она добавила: «Татьяна замуж выходит сегодня!»

Вспоминая произошедшее через годы, Андрюха так и восклицал про себя: «Это было круто!» Лучшего варианта заставить ощутить себя полным придурком придумать было трудно. Bravo, Татьяна!

Обиды не было. Ни на мгновение и ни на грамм. Это было её решение. И для этого было достаточное основание. Всё правильно! Но всё затмевало нарастающее, как чернейшая туча, постепенно осознаваемое чувство утраты. И на него накладывался ужас от невозможности предсказать, до каких размеров эта туча будет расти, и способен ли он будет вообще вырваться из её власти. Осознание непоправимого обрушалось на мозг вёдрами ледяной воды, скандируя: «вариантов нет», «не лечится», «приговор окончательный и обжалованию не подлежит»... Казалось, на тысячи километров окружающей ледяной пустыни уже не найти чем согреться.

В таком придурковатом состоянии его и обнаружил Витька Минак. Пора было ехать на свадьбу к Мишке. Всё на автомате. Подключили звук, свет, понеслось. Народ веселится. Витька принял пару стаканов и стал сильнее домахиваться – что с Андрюхой? В конце концов тот не выдержал натиска и выдал Витьке, но больше, чтоб отстал: «У меня девчонка сегодня замуж выходит». Увидев неподдельный восторг в глазах Витьки, Андрюха запоздало спохватился:

– Смотри не говори никому!

– Да! Да-а-а! – заверил Витька и удалился в толпу.

«Кому я, блин, рассказал!» – схватившись за голову, простонал Андрюха. Неприятности с многочисленными девчонками, которые он лично наблюдал, для перевалившего тридцатник Витьки уже давно перестали быть трагедиями.

Результат Витькиного молчания начал сказываться через пять минут. Андрюха стал «гвоздём программы». Только что автографы не раздавал. Каждый участник торжества считал неприемлемым не пропустить лично с Андрюхой рюмку по поводу его сегодняшней трагедии, а то и не одну. Ледяная тундра в душе поплыла. Поплыл по волнам и Андрюха.

В эпоху «Диско» Андрюхе приходилось притаскивать находящегося в беспамятстве Витьку домой с халтуры. На следующий день он покупал по дороге пиво и будил Витьку, поднося открытую бутылку к его носу. Тот, как питейщик со стажем, сначала выпивал бутылку, а потом просыпался. Сейчас от запаха пива из тыкаемой в нос бутылки проснулся Андрюха. Реальность возвращалась не сразу. И приходящая с ней душевная боль затмевала физическую. Андрюха был дома. Перед ним радостный Витька Минак, в предвкушении второго дня свадьбы, и сильно обеспокоенная Андрюхина мать, с неподдельной надеждой вопрошающая: «Виктор! Вы же старший товарищ! Пожалуйста, проконтролируйте его! Не позволяйте ему опять потерять контроль с алкоголем!» «Да-а-а! Да-а-а! – уверял гад Витька. – Я прослежу за ним! Не сомневайтесь!»

Вспоминать остаток отпуска Андрюха даже и не пытался. Это было абсолютно бесполезно. Поезд мчал его в реальность, в которой ждал всегда готовый на штурм любых высот и

крепостей доктор Бабков с подготовленными методиками реанимации неизлечимых и воскрешения мёртвых. Всё, что нужно было сделать, даже если ты мёртв, – попасть к нему в строй.

Предисловие о никчёмности кислых рож, которые не нужны даже девкам, от которых их оторвали, и предстоящем очередном годе «веселья» было кратким, но ёмким. И с особым удовольствием Саныч выдал, что в этом году курс внепланово попадает не под войсковую, а под министерскую проверку по физподготовке. А это означает, что побеждать им придётся рязанское ВДВ. И тренировки, об интенсивности которых они даже не подозревают, начинаются безотлагательно и до потери сознания и пульса. Могли ли посмеяться боги больше, чем столкнув лбами Бабкова и всё рязанское ВДВ, и сделав заложником этой катастрофы его курс? Август переставал быть томным.

Тяжесть возвращения в реальность немного сглаживал факт окончания трёх лет казармы и переезд в общагу. Нахождение в комнатах по 2–3 человека уже так не давило казёнщиной, как это делала казарма. Не было огромных площадей для натирания «машкой», был третий этаж, меньше проверяющих стремилось прийти и погонять наряд, да и сами четверокурсники уже “пуганые”. Залёты становились более тяжкими – всё больше по самоволкам и пьянкам на свадьбах. Наряды по столовым кончились, увольнения в выходные стали обыденным делом, ну и другие мелочи свидетельствовали о повышении статуса.

При всей интенсивности бабковской терапии тяжесть событий минувшего августа не хотела отпускать и коварно нападала по вечерам. К тому же Татьяна прислала письмо из нескольких слов: «Прости! Давай останемся друзьями». Модерн Талкин в голове играл уже ближе к траурному маршу. Огни дискотек удалялись в какую-то чужую, сладкую, но не его жизнь. Осознание необратимости потери грызло душу с другого края. Помогал вывернуть её наизнанку и поющий в каптёрке Хоралов: «Без тебя проходит день как год, а год – как длинный день. ...» Образ Татьяны тёплым августом на берегу Десны в его первый летний отпуск так и останется нечужим, смотрящим приветливо и доверчиво, и свершившиеся в реальности факты не смогут с этим ничего сделать. Грусть уже не уйдёт. Она просто меняет цвет и станет светлой. А на смену тяжести утраты придёт благодарность за то, что с ним это когда-то было. Блокировка в сознании сработает ещё через месяц, и большими усилиями он перестанет вспоминать. Но в памяти останется то, что должно остаться. И пусть оно так. «Всё в кайф!»

Подполковник Колесников получил полную власть над курсом на предстоящий год, потому как в его непосредственной ответственности было доведение физического уровня этого курса до возможности конкурировать с рязанским ВДВ. У него были в помощь другие преподаватели физподготовки – капитаны, но сам он лично посвящал этому делу всё своё время. Обращение «товарищи курсанты» им практически не использовалось. Колесников нашёл более краткое и более эмоционально окрашенное определение.

Никакого пафоса типа «Бойцы!» Все попадали под определение «Евреи». «Ну что, евреи, ползаете ещё после нашей утренней встречи? Присели и по кругу марш!» В первые дни после упражнений из рациона ЗК ходили как на протезах, а о строевой подготовке думать было бесполезно. Последствия сотен метров на корточках главный Еврей устранял десятком подъёмов бегом с ускорением на новый мост через Кубань. Занимались 2–3 раза в день до потери пульса. Перед курильщиками стал выбор: сдохнуть или бросить. И многим, в том числе и Андриюхе, пришлось почти на год бросить курить.

Никогда не унывающий, с неизменным чувством юмора Колесников старался воодушевить и передать каждому хоть часть скопившегося в сильных теле и душе заряда и воодушевления грандиозностью цели. Все подколки он воспринимал на ура и без малейшего негатива, но не оставлял никому и намёка на надежду схалтурить или получить снисхождение. Особо ушлые просто находили возможность задвинуть тренировку. Но попавшим в поле гравитации Колесникова вариантов не оставалось.

На него злились. Кто-то срывался. Непробиваемому «главному Еврею» было по барабану. А уж такие мелочи, что при вызове из строя курсанты докладывали «Еврею такой-то по вашему приказанию прибыл!», воспринимались как абсолютная норма. Опыт у Колесникова был огромный. И именно этот опыт, возможно, позволил спасти здоровье, а может, и жизни. Особенно в дни самой министерской проверки.

Веселье начиналось с утра, и эти утра чередовали десяток ускорений в подъёме на мост через Кубань и «трёшку», которая на предыдущих курсах приводила в ужас раз в месяц. Вечером пробежать трёшку было обязательством. Быстрее всех мчался Виталик Комов. Невероятно выносливый Ком так рационально рассчитывал силы, что держался всю дистанцию чуть позади фаворитов и выстреливал метров за четыреста. Андриюхе так ни разу и не удалось с ним поспорничать, хотя на разряд эту трёшку он уже бегал стабильно. Автоматизм был доведён до совершенства, и казалось, что сами сапоги, в которых бы гражданский спортсмен умер через несколько сотен метров, несли теперь к финишу.

Вторым полем боя стала качалка и снаряды на спортгородке. Обязательными для сдачи были: упражнение на брусьях, десять подтягиваний и упражнение № 9 на перекладине, а именно: подход, заскок, подъём переворотом, мах дугой, подъём разгибом (склёпка), оборот назад, мах дугой, соскок. Всё в сапогах, и ноги кривоногих временно должны были стать прямыми. Заняться в лишнее время курсу определённо было чем. Более того, сержанты, как всегда, головой отвечали за успеваемость по физподготовке вверенного подразделения. Сотня часов, проведённых Андриюхой со своими орлами на перекладине, как показывал предыдущий опыт, не могла не дать результатов. И в конце концов чудо происходило. Выполнять упражнение № 9 могли все. Молодость!

Следующей развлекухой был марш-бросок на 10 км с полной выкладкой. Ходили слухи, что данные мероприятия в войсках запрещено проводить при температуре выше 25 градусов. Но где было взять температуру ниже 25-и на Кубани? Разве что по утрам. Брели вещмешки, шинели, автоматы и каски. Всё, чем должен быть укомплектован боец при смене места дислокации. И со всем этим бежали 10 км. Андрияха никогда не переживал по поводу данного мероприятия. Ну, беги себе и беги. Не нужно выкладываться и сдыхать как на трёшке, а только уложиться в отличный норматив. Но для многих это было главным кошмаром.

И последним в меню имелся «обезьяний спорт». А именно, полоса препятствий. 108 секунд умирания. Если умирать будешь дольше, то незачёт. Полоса препятствий очень изматывала. После неё приходилось «отходить» и ждать, когда остановится пульс, и станут работать ватные руки и ноги.

Поднятием морального духа успешно занимался и Бабков, проводя ежедневные внушения всему курсу, отдельно сержантам и залётным. Месяцы столь интенсивных тренировок не могли не дать отдачи.

Проверка проходила весной, когда уже стояла жара в 35. По всем дисциплинам отстрелялись очень удачно. Много разрядников, и даже КМС-ы получились. Начали с гимнастики. За брусья особо никто не переживал, да и сами упражнения, казалось, были для рахитов. Силовую часть также сдали без эксцессов. Нервно всем было перед сдачей девятого упражнения на перекладине. Никто не знал, насколько придирчиво проверяющие будут относиться к оттянутым носкам и чистоте выхода на подъёме разгибом. Нервы давали себя знать, и не всем удалось сделать этот элемент без применения силы. Но всё обошлось, и незачётов не было.

Трёшку также пробежали пятьдесят процентов на разряд.

Много волнения принесла и полоса препятствий. Завал или нечёткость на любом из элементов приносили губительные секунды, а даже доли их имели значение. Бежать полосу повторно в тот же день и дать ожидаемый результат было очень рискованно. Но месяцы тренировок сработали, и всё прошло без облажаний.

Все осознали, что требования Колесникова были умышленно завышены. Проверяющие понимали, что перед ними не сборная страны по спортивной гимнастике, а обыкновенный, даже не ВДВ-шный, а ракетный курс. И оценили они результаты трудов этого курса по достоинству.

Наступал последний этап – марш-бросок 10 километров в полном снаряжении. День выдался небывало жарким. В тени вместо лимита в 25 градусов было выше 35. Те, у кого имелись проблемы с данной дисциплиной, приготовились умирать.

Забег проводили за Затонем. Старт и финиш начинались в парке, а трасса проходила в направлении выезда в сторону Афипского. Курс получил экипировку, автоматы, прибыл на место забега и ожидал своей очереди. Бежали по группам. В парке дежурили скорые, и одна каталась по маршруту забега. Несколько человек с уже пробежавших курсов увезли, но всех откачали. Предстартовый мандраж действовал по-разному. У Андрюхи он не был таким, как в первые годы перед трёшкой, но всеобщее волнение не могло не захлестнуть. Кто-то тупо и истерично шутил. Но основная масса молчала.

И вот он – старт. Команда «бегом марш» прозвучала для третьей группы, и веселье началось. Мокрыми уже не становились так быстро, как в начале тренировок. По настоятельной рекомендации почти никто не завтракал. Это было заведено перед забегами, и особо напоминать не приходилось. Хотя нашлись и нарушившие. Солнце палило с явным намерением выпарить из мозга остатки силы воли. И кто знает, может, ему это и удалось бы, если бы не главный Еврей.

Заранее всё просчитав и спланировав, подполковник Колесников загрузил в свой старенький москвич канистры и курсировал, выжимая из машины все силы, от колонки с водой до просчитанных точек на маршруте, где его не могли увидеть проверяющие. Вылезая из кустов с громкими ободрениями вперемешку с матюками, главный Еврей поливал всех из канистр водой, стараясь не оставить никого пропущенным. И уже готовые умереть воскресали. В этот момент главному Еврею неподдельно радовались даже те, кто готов был вцепиться в глотку на тренировках. Казалось, вода кипела на касках и автоматах.

Вторую часть дистанции прошли в полузабытьи. Бежавшие впереди сержанты всё больше беспокоились о слабых звеньях. То и дело оглядываясь, Андрюха обнаруживал своё отделение изнеможённым, но без намёка на сдачу, и с волнением наблюдал, как наиболее выносливые взяли двумя ремнями и тащили почти бесчувственного Юрку Ящинского, который к тому же нарушил запрет и позавтракал, выдав это тем, что его вырвало на середине дистанции. Но Юрка смог продержаться, и третья группа, как и весь курс, дошла до финиша без потерь.

Победа была одержана. И даже без скорой помощи. Больше всех был в восторге подполковник Колесников. Казалось, ещё немного – и старый еврей кинется в индейский пляс вокруг своего выжившего курса, воспевая хвалебные еврейские песни индейским богам. И его счастье было неподдельным. А может, у других просто не было ни малейших сил выражать своё.

Интересных тем прибавилось на четвёртом курсе. Жаждой создавать и способностью возгораться идеями обладали несколько человек, встретившихся Андрюхе в жизни. К сожалению, редко у кого этот дар сочетался с наличием требуемой выносливости. Приводило это к трагическим результатам. Было горько терять людей, зажёгших тебя интересными проектами, но не способных на самореализацию. Терять полностью. Кто-то уходил из жизни, пытаясь утопить сжигающее изнутри пламя в алкоголе. Для кого-то заканчивалось инфарктами и шунтированием.

Витька Макагонов обладал этой способностью – возгораться и зажигать других. Именно Витька каким-то образом очутился на кафедре не своего факультета и попал в область тяготения неординарного преподавателя, продвигающего перспективные и интересные темы. Майора Сидоренко не все в коллективе воспринимали без раздражения. Вероятно, за его способность зажигать курсантов и гореть вместе с ними. Такая популярность некоторых “цепляла”.

Но Валентин Иванович к таким неприятностям был абсолютно равнодушен, сносил всё молча, без оправданий и ответных выпадов.

Витька долго пытался перетащить Андрюху к Сидоренко. Но тот упирался, проявляя преданность первой кафедре, полковнику Кондратьеву и теме. В конце концов Витьке постепенно, но удалось загрузить информацию о теме в Андрюхину голову. И в благоприятной среде, помимо воли, стали зарождаться идеи – как всё можно реализовать. Андрюха загорелся. Потом Витьке удалось притащить его к Валентину Ивановичу. Понеслись дискуссии и обсуждения планов и путей реализации. В конце встречи Андрюха озвучил основную проблему – он должен поговорить с Кондратьевым, и от его решения будет зависеть переход на другую кафедру. Сидоренко согласился безусловно. На том и порешили.

Как не хотелось идти с данным разговором к Кондратьеву, Андрюха долго не затягивал. При всём уже имеющемся уважении к текущему научному руководителю полковник Кондратьев сумел удивить. Он попросил кратко рассказать о новой теме, и в процессе изложения Андрюха замечал скрываемые огоньки азарта и заинтересованность. Решение было без промедлений и всяческих намёков на претензии. «Без сомнений! С моей стороны никаких “против”. Тема очень интересная и перспективная. Не думай ни о чём и занимайся своими идеями», – таков был ответ. В итоге дипломный проект принимала комиссия, в которой присутствовали два уважаемых Андрюхой преподавателя: Кондратьев и Сидоренко.

Тема станет круто украшать выписку из диплома: «Разработка алгоритмов обработки информации оптического блока подсистемы астрономической коррекции перспективной системы управления межконтинентальных баллистических ракет». Она перестала быть секретной в первом десятилетии нулевых. Позже все характеристики ракеты «Серп» SS-25, или 15Ж58 по внутренней аббревиатуре, станут доступны в Интернете. В те времена всё закрывалось наглухо, а сам термин «астрокоррекция» не допускалось произносить. Для восприятия темы необходимо иметь базовые знания в баллистике и регламентах боевых режимов межконтинентальных мобильных ракетных комплексов. Сейчас всё открыто и находится в интернете, хотя некоторые ТТХ остаются искажены или завуалированы.

Если максимально кратко, то идея астрокоррекции подразумевала захват оптическим блоком системы управления ракеты любых трёх звёзд в конце активного участка, идентификация их по угловым расстояниям в каталоге и привязка к ним. Цель – сократить время предстартовой подготовки и повысить точность стрельбы.

Всё это совпало с вводом в эксплуатацию ЭВМ ЕС-1036 на первой кафедре. Машинное время распределялось за неделю и было на вес золота. Для Андрюхи оно превратилось в зависимость. Он даже задвигал увольнения, если они совпадали с выделением машинного времени, приводя в ступор такой дикостью однокурсников. Машина работала со сбоями и часто зависала. Находящиеся у мониторов счастливые обладатели её времени шутили: «Кто там сегодня педали крутит? Почему цепь так часто соскакивает?»

Андрюха не имел возможности выяснить, насколько далеко ушло человечество в области работы с данными, и ринулся в бой с намерением написать всё самому. Он даже не подозревал о сложностях алгоритмов сортировки и о том, что самые эффективные уже придуманы и могут сэкономить уйму времени. Но именно тогда Андрюха осознал, что программирование есть наиболее эффективный способ удовлетворения жажды что-то создавать и наслаждаться, хоть промежуточными, но «плодами дел своих».

В краевой библиотеке раздобыл «Каталог ярких звёзд Йельской Обсерватории» с актуальностью 60-х годов и соответствующей точностью координат. На то время в каталоге было около двух тысяч звёзд. Загнал его в отдельный файл, и погрузился в написание кода. Максимальную угловую величину должен был выдать Витька Макагонов, исходя из характеристик разрабатываемого им оптического блока.

Мозг кипел. И всё это на ЕС-1036 и на PL-1 в отведённые полчаса в день. Больше потом приходилось рисовать и чертить на бумаге. В конце концов Андриюхе удалось написать программу генерации каталога трёх угловых величин из исходного каталога звёзд, и обратную программу идентификации. Именно эти листинги и были в основе дипломного проекта.

Валентин Иванович публиковал научные труды в соответствующих закрытых изданиях. Соавторами были Андрияха и Витька. А иногда ездил и на закрытые научные конференции. Витька с Андриюхой с энтузиазмом работали над подготовкой материалов. Иногда ошалевший от неожиданности дежурный по училищу, обнаружив в два ночи включённый в одной из аудитории свет, находил в ней полусонных Витьку и Андриюху, ползающих по огромным плакатам с рейсфедерами в зубах. Материалы доклада майора Сидоренко на конференции в Ростове нужны были к утру. Всё было до жути интересно, и будущее сияло. В итоге в соответствующий НИИ поехали те, кому билеты были заказаны наверху. Продолжали они там труды Нагирадзе или просто служили – неизвестно.

Дискотеки на четвёртом курсе прекратились. Энтузиазм у продвигающих эту тему пропал. Многие из активных женились и ночевали дома. С увольнениями особых проблем не было, потому и «на свободу» уже тянуло не так сильно. Посмотреть телик после отбоя оставшимся в общаге редко кто мешал. Шли времена Перестройки, и начинались годы программы «Взгляд». В советский эфир стал пробиваться и запрещаемый Бабковым Запад. Именно в телике на курсе и увидел Андрияха ролик, который будет считать лучшим из лучших всю жизнь. Мортен Харкет превращался в орла, затем в акулу и во льва. «Hunting high and low» – супершедевр от А-На.

В личном плане никем не загорался. Были кандидатки, готовые всей душой стать спутницами, но ответного огня не зажигали. И ничего, кроме вины и неловкости, из этого не получалось. Лишний раз почувствовать себя придурком было уже не такой большой проблемой, но вот горечь от осознания, что не проявились ответные чувства, напрягала. Утешало то, что они просто не понимали, от какого идиота их отвела судьба. На нестандартные же, сложно завязанные истории тянуло – как муху на мёд. Если уж ляжет душа к кому, то возникает минимум четырёхугольник. Но, даже заведомо зная никакой исход истории, было в кайф пообщаться и дать волю чувствам. Так и получилось с Ольгой – лаборанткой со второй кафедры. В целом было прикольно, и вспоминать интересно. Небольшое место в душе у Андриюхи для неё нашлось, и он надеялся, что всё там распуталось и сложилось как надо.

В списке учебных дисциплин преобладали прикладные. Было интересно. Но были там и ужасы из разряда научного коммунизма. И задвинуть вариантов не предоставлялось, так как по нему предстоял госэкзамен. В голове подобная хрень ну никак не имела шансов зацепиться и осесть в памяти.

Страна находилась в непонятном состоянии остывания былых идей и в ожидании грандиозных новых. «Гроза Американского Империализма» оставались далеко от всего этого. Решаемых повседневных задач хватало. Но ещё и находили время погонять в футбол перед ужином, кто не свалил в увольнение. Иногда происходили стычки с адыгейцами. Те даже, бывало, подкарауливали возвращающихся из увала поодиночке. После этого остатки курса могли сорваться через забор в поисках врага. Но, как правило, враг успевавал исчезнуть.

Нелёгкий учебный год подходил к концу. И перед самым отпуском намечались две грандиозные свадьбы в одном кабаке. Женились сразу Левик и Шикунев. Народ был отпущен в отпуск. Андрияха за какие-то очередные залёты этого права оказался лишён. Саньч даже не хотел отпускать его на свадьбу. Активисты поднажали, и Бабков выписал увольнительную. Но сделал он это зря. Уж больно грандиозным был размах мероприятия, и сочетался он с тяжёлым Андриюхиным настроением. Означать это могло только одно – после перебора с алкоголем он стал буйным.

В этот раз чужих полковников искать не пришлось. Еле стоявший на ногах Андрюха рвался выяснять отношения с Бабковым. Его пытались дружно держать, но Андрюха добрался до Саныча и наорал на него сполна. Хорошо, что держали.

Бабков был первым, кого Андрюха увидел наутро, открыв глаза в своей комнате в общежитии. Саныч смотрел, ухмыляясь, и, убедившись, что тот возвращается в реальность, приказал чесать в канцелярию на разговор, как только будет в состоянии. О чём шёл разговор в канцелярии, Андрюха не помнил. Действительность была тяжела. Помнил только, что после продолжения отсыпания обнаружил перед носом отпускные документы.

Пятая шпала в шевроне укрепила статус. Почти офицеры. Непонятная пустота в душе после резкого завершения эпопеи с проверкой по физико-математическому учебному году, и когда вдруг все разбежались, опять вносила тревогу и обеспокоенность. Но адаптация в отпуске – дело пары дней. Не сравнить с возвращением. Именно этот период будет видеть Андрюха ещё не один десяток лет в тревожных снах. Когда казалось, что моральные силы иссякли, а впереди остаётся целый год. И непонятно, что потом. А ещё, даже в 55 будет сниться кошмар, в котором по каким-то неведомым причинам он второй раз попал учиться к Бабкову, и настал “курс Сурка”.

Последний летний курсантский отпуск не предвещал грандиозных событий. Встреча с одноклассниками, разгулы по различным поводам. Пробыться в ресторан удавалось, отстояв очередь, но к тому времени пиво в нём могло и закончиться. В один день так и получилось. В «Центральный» ресторан прорвались, но смогли застать только по паре бутылок. Явно было мало. Одноклассник Серёга стал докапываться до официантки, будучи уверенным, что всегда где-то есть записка. Та отпиралась. Андрюха не любил пустословить и предпочитал дело. И, как правило, оригинальные пути решения проблем.

В мозгу довольно быстро сработало, что пытаться официантку не имеет смысла, а просто нужно выявить возможные места записки и просканировать их. В углу сектора ответственности стояли штабеля с пустыми ящиками. Вероятно, с подсобками была проблема, а может, для сокращения беготни всё выделенное на сектор пиво складировалось поодаль от столиков. Андрюха зажёл зажигалку и стал обследовать штабеля пустых ящиков. И вот оно – кто ищет, тот всегда найдёт! Самый нижний ящик в одном из штабелей оказался полным. Подозвали официантку и нешумно поставили на вид. Та, искренне удивляясь, продала пол этого ящика Андрюхе с Серёгой. Естественно, те были уверены, что нашли именно записку. Но Светка так и будет всю жизнь отпираться, став через год Андрюхиной женой.

В тот вечер всё не закончилось мирно. С пивом был перебор, переросший в драку на площади у ресторана. Отведя немного душу кулаками и получив также незначительно в ответ, Серёга с Андрюхой поперлись провожать Светку, у которой всё это происходило на глазах, и которая ещё пыталась разнимать. Уставший Серёга уехал домой на такси, а Андрюха, проболтав с будущей женой до двух ночи у её подъезда, поперся 10 км домой по ночному городу. Отпуск опять подходил к концу. Удалось ещё пару раз прогуляться после Светкиной работы. Потом Андрюха ещё и в форме приперся по дороге из комендатуры. Дальше намечался год переписки.

С необычным настроением и ожиданиями вступили в пятый курс. Впереди полгода учёбы, потом войсковая стажировка, подготовка к диплому и госам. Ожидалось относительно спокойствие и интересные мероприятия. Но, с другой стороны, это был ещё целый год. Никто не отменял статус курсанта, наряды, порядок в общежитии и всё, что связано с нахождением внутри училища. А если начинать задумываться “что потом”, то тревоги на душе резко прибавлялось. И через привычку беспокойного бытия пробивалась состарившаяся, но не потерявшая напористость мысль: “неужели это всё на всю жизнь?”

Занимались в основном тем, что касалось специальности и перспективного «Тополя». В рамках заключённого РСМД стоящий на вооружении «Пионер» подлежал снятию с БД. Часть

учебной программы ещё основывалась на данном мобильном комплексе, но к 89-му учебные «Тополя» начали поступать в училища. Практические занятия проходили на новой современной базе, которая непрерывно наращивалась. За 4 года училище прошло огромный путь развития. Достраивались учебные корпуса «пентагона», в центре которого, как пятое здание, и планировалось разместить пусковые. Суперсовременные аудитории уже не были в диковинку, а вот техника и придавала масштаб и солидность всего проекта под названием КВВКИУРВСН.

У Андрюхи Занятия перетекали в фанатичное развитие идеи астрокоррекции и уже часы за дисплеем ЕС-1036. Всё было очень интересно и увлекательно. По крайней мере для него, Витьки Макагонова и множества других курсантов, способных оценить перспективы и не обращать внимания на вероятность их реализации. Да и какая разница, куда удастся распределиться, – всё и так жутко интересно. Хотя не совсем всё. Это ещё был СССР. Существовала КПСС. А значит, и такие дисциплины, как «История КПСС», «Политэкономия капитализма», «Политэкономия социализма» и «Научный коммунизм.

Развлекух в виде тактической подготовки уже не было. А приятно вспоминались выезды на стрельбище в Горячем Ключе в прошлые годы. Да и просто «игру в войнуху» в полях за Кубанью. Современный пейнтбол, может быть, и круче, но не столь громко. На калашниковы прикручивали компенсаторы для стрельбы очередями холостыми, забивали рожки и выдвигались в поле. Делились на две группы, докладывалась боевая обстановка, ставились задачи – и понеслась пальба. Было очень весело. Впечатление не мог испортить даже последующий месяц чистки оружия, да потеря слуха на несколько часов после того, как поджидавший врага в одной из воронок вместе с Андрюхай Кеша в азарте разрядил очередь вплотную к его уху.

Время фактически последнего учебного полугодия и последней сессии, хоть и не спешило лететь, но всё-таки прошло. Последний курсантский отпуск. Брянск, зима, поездки в троллейбусе со Светкой по каким-то гулянкам, прочие обрывки воспоминаний об уходящем трудном и ярком этапе жизни. Вот и всё. В курсантской форме домой бабковцы уже не заявятся.

После возвращения из отпуска занятий фактически уже не было. Пара недель подготовки к войсковой стажировке – и опять в поезд. В этот раз не в южные регионы. И не осенью. Стоял февраль, и наполовину кубанский курс направлялся на север Урала – под Нижний Тагил. Дивизия в числе первых получила «Тополя». Пара дней пути традиционно прошла в расслаблении. За окнами поползли пейзажи уже не предгорий Кавказа, а зимнего Урала. Небольшая прогулка в радиусе пары километров от Свердловского вокзала – и опять в поезд на север.

Нижний Тагил встретил 27-градусным морозом и сплошными облаками морозного смога, которым местные заводы плотно заполняли всё небо, не давая солнцу ни единого шанса. Согреться в шинелях для краснодарцев было большой проблемой. Местные же, как ни в чём не бывало, уплетали мороженое. В Тагиле ждали относительно долго. Сумели пройти центр вдоль и поперёк, а потом традиционной компанией любителей бань, а именно с Ефимом, нашли нужное заведение. Баня понравилась, и первоочередное мероприятие, при посещении нового города, было выполнено. Тагил перестал быть чужим, и нашествие курсантов его уже не беспокоило.

К вечеру прибыли в жилой городок дивизии, группы распределили по площадкам (полкам), и стали разъезжаться. По прибытии полк группу распределили по дивизионам. Для проживания выделили переоборудованные одноэтажки служебных корпусов, в кабинеты которых просто поставили солдатские кровати. На этом внимание к курсантам со стороны офицеров полка фактически закончилось. Полк находился на опытном БД, и забот у всех хватало. Курсанты должны были сами проявлять инициативу в деле получения практических навыков.

Доступ в техзону был разрешён, но вот дальше – только в сопровождении офицеров. Технику периодически выгоняли из «Крон». В сами «Кроны» также была возможность попасть и присутствовать при различных процедурах.

Стояла натуральная, снежная, морозная, очень классная зима. Тайга в расположении полка отступила, оставив место более отборным соснам. Андрюха соскучился по такому зимнему лесу. В отпуске как-то не было повода в него попасть. В техзону и из неё катились, как по льду, по утрамбованной дороге. Было весело, и даже краснодарцам это начинало нравиться.

Свободного времени хватало. Андрюха раздобыл в полку солдатские лыжи с завязками вместо креплений. На горках на них, конечно, был вариант убиться, но, при отсутствии лучшего, он был безумно рад.

В окрестностях наблюдалась лыжня. Где можно, Андрюха её подладил и ежедневно стал срываться в лес, испытывая забытый кайф из детства. Поначалу его радостный задор никто не хотел разделять. Краснодарцы не то, что лыжи – некоторые даже снег видели несколько раз в жизни. Но после того, как удалось вытащить в красоты морозной тайги и заставить ощутить неизведанный ранее кайф первого из них, начали проявлять интерес и остальные. Удалось оторвать от гитары и Ефима. А через неделю лыжи освоила вся группа. Некоторые краснодарцы даже стали показывать успехи по съезду на этих лыжах с горок. Но ежедневный фанатичный энтузиазм проявлял только Андрюха.

В выходные удавалось выезжать на «десятку» (жилой городок дивизии) поесть мороженого и сходить в кино. Да и просто выбраться в цивилизацию из тайги доставляло удовольствие. Проблема попутных БМДСов на просторах расположений ракетных дивизий и северного космодрома только начиналась. И начиналась в Тагиле. В кинотеатре посмотрели премьеру лучшей в мире экранизации «Графа Монте-Кристо» под названием «Узник замка Иф».

Не многие советские фильмы могли впечатлить, но этот однозначно попал в число достойных. Рано ушедшие Дворжецкие украшали любой фильм. В этом играл младший, хотя Андрюха больше уважал Владислава. Но молодость Евгения с лихвой компенсировал Виктор Авилов. Фильм очень украсил Градский. Наверно, это был пик его творчества. Конечно, уже была зрелищность и голливудство, и поставить его в один ряд с особо почитаемыми Андрюхой творениями Мотыля по Искандеру под названием «Расстанемся, пока хорошие», и работами Алова с Наумовым было как-то неправильно, но в своём классе это был достойный фильм.

Многие из актёров успеют уйти из жизни до испытания эпохой позора, в которой поразительное их количество обнажило свою сущность мразей и прихлебаев, «славящих царя» и «власть воров». Так и не уложится в голове, как мог игравший Иешуа и Высоцкого на деле оказаться столь омерзительной личностью с мелкой душонкой и просто дерьмом. И как Гоцман смог оказаться образцом тупости и подлости. Да и просто хочется спросить у всех этих горелицедеев, создававших на экране образцы правильности, отваги, принципиальности, бесстрашия – хватило бы денег у альфабанков и почтабанков, чтобы купить Высоцкого?

Обратно возвращались через Москву. Пара суток в поезде – и тагильской зимы как и не бывало.

Начались последние месяцы подготовки к диплому и госам. Обстановка была очень спокойной. Бегали по утрам уже самостоятельно. Казалось, полученный от Колесникова заряд не даст остановиться никогда. Андрюха так и пробегает потом всю жизнь. Спина и разбитое колено заставят перейти на спортивный шаг после пятидесяти. Пока же бегали по утрам по Красной в спортивных костюмах и поодиночке. Ясное краснодарское утро заряжало позитивом по максимуму. Всегда подстриженный кустарник сменялся тенистыми платанами, разделяющими аллею на параллельные дорожки. Разворот у «Авроры» – и в обратный путь по ещё не совсем проснувшемуся городу.

Часто пересекались на спортгородке с Олегом Караушем. Делились добытой информацией из области качалки и рукопашного боя. Пробовали разные методики и технологии. Заставлять подчинённых уже не было необходимости, и каждый работал над собой по собственному желанию. Позже начали срываться в спортивной форме через забор (бежать на КПП как-то было уже не солидно).

Бежали на новый мост через Кубань и на противоположный берег. Открывались виды на ещё незастроенные поля, дачи, реку и город на противоположном берегу. Бежать можно было до затона и дальше. В красивых местах останавливались и пытались отработать с трудом раздобытые «като», прочие элементы из ушу и других дисциплин. Спарринги без контакта. Ну, почти. Заниматься на свободе было в кайф.

Полу гражданская жизнь не могла притупить тревогу по поводу скорых перемен. Как оно там сложится в войсках? Куда попадём? Ну и всё такое. Никто ещё даже представить не мог, что в армии до пенсии останутся лишь немногие. Смутные времена напрочь убьют боевой дух «грозы американского империализма», предварительно уничтожив все идеи, на которых держалось общество. Большинство бабковцев уволятся в первые годы, полностью разочаровавшись в армии. Часть перейдёт в силовые структуры, но основная масса – на «гражданку».

Олегу Караушу не суждено будет пережить этот развал идей и моральных устоев. Он окажется в Чечне. Его будет ждать плен, нечеловеческие пытки и смерть. Это станет огромной трагедией в истории бабковцев. Отсутствие информации не сгладит тяжесть на душе. Большинство, как и Андрюха, узнают об этом спустя много лет. И придётся осознать многое. Как тяжело некоторым из них и их семьям пришлось в эти годы разрозненности. Придётся ощущения вины за то, с каким энтузиазмом некогда бывший единым организмом курс ринулся врассыпную добывать подножный корм, променяв нажитые за пять лет ценности на заблестевшие дешёвые перспективы. И никто не старался узнать о возможных бедах вчерашних братьев по оружию и их семей.

Успех карьеры зависел от одного важного обстоятельства – Партия! Офицеры ещё делились на членов КПСС и беспартийных. И всем, отнесённым к числу продвинутых, курсантам предлагалось вступать в Партию ещё в училище. Олег Левик, Димка Шикун, Витька Макагонов уже сделали это. Андрюха, хоть и нехотя, но воспринял данную процедуру как должную. Необходимо было получить рекомендации, заполнить документы и подготовиться.

С рекомендациями проблем не оказалось. Полковник Кондратьев подготовил безупречную. Благо до него не доходили сведения о разгулах на свадьбах.

Запомнилась процедура заполнения партийных документов. Такой чистоты и аккуратности больше не потребовалось нигде. Позже, когда нужно добиться от кого-то аккуратности в заполнении бумаг, Андрюха говорил: «Как для партийных документов!» Только далеко не всем это было понятно.

Защита диплома прошла, как и ожидалось, “на ура”. Андрюха написал на своём максимальной дате хранения – 5 лет, чем вызвал скептические улыбки окружающих. Но планы по жизни были грандиозные. Не меньше, чем научить мобильные МКР стартовать с марша за несколько минут и повысить точность стрельбы до нескольких метров, что теоретически могло позволить применять ядерные заряды меньшей мощности или вообще отказаться от них. Таким виделось личное участие в претворении в жизнь глобальной идеи «мира во всём мире».

Наступило время государственных экзаменов. «Тактика войск» и «Эксплуатация» были сданы на отлично. С «Общевоинскими уставами» не совсем сложилось, но сдал. Близился экзамен по «Научному коммунизму», и это обещало большое несчастье, если бы не ощущение, что его ради показателей будут тянуть. Но как именно будут тянуть при наличии абсолютно нулевых знаний по предмету? В этом и заключался весь интерес ситуации.

Андрюхе попался билет об основных этапах, закономерностях, движущей силе развития социалистического общества, и перспективах построения коммунистического. Что-то вроде этого. Деваться было некуда, какую-то информацию необходимо выдавать, и Андрюха стал импровизировать. Выйдя к доске, он нарисовал график подъёмов и спадов развития СССР. Первый мощный подъём начинался с 20-х годов, потом кривая роста становилась более пологой, символизируя этапы продрозвёрсток и чисток (как он представлял), и наступил обвал в 41-м. Потом новый всплеск резко вверх, и кривая стала почти пологой к 89-му. В голове крути-

лись крамольные фразы типа «общество без тумаков – как без пряников», от которых самому становилось не по себе. Две величайших трагедии в истории не только страны, но и человечества не допускали никакого сарказма по их поводу, но иных идей не возникало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.